

Аксаков С. Т.

Записки об ужении рыбы

*****

Аксаков С. Т. Собрание сочинений в 5 т.
М., Правда, 1966; (библиотека "Огонек")
Том 4. -- 480 с. -- с. 283-417.
OCR: sad369 (19.08.2006).

*****

Делу время и потехе час.

*Из книги "Устав сокольничьего пути",
писанный царем Алексеем Михайловичем.*

Охоту тешить -- не беду платить.

Охота пуще неволи.

Русские пословицы.

Моим братьям и друзьям

Н. Т. и А. Т. АКСАКОВЫМ

Есть, однако, примиритель,
Вечно юный и живой,
Чудотворец и целитель, --
Ухожу к нему порой.
Ухожу я в мир природы,
В мир спокойствия, свободы,
В царство рыб и куликов,
На свои родные воды,
На простор степных лугов,
В тень прохладную лесов
И -- в свои молодые годы.

(Отрывок из послания

к М. А. Дмитриеву,

1850 г. Январь.)

Содержание

[Вступление](#)

[Происхождение удочки](#)

[Удилище](#)

[Леса](#)
[Наплавок](#)
[Грузило](#)
[Крючок](#)
[Поводок](#)
[Устройство удочки](#)
[Насадка](#)
[О выборе места](#)
[Прикормка](#)
[Об уменье удить](#)
[О рыбах вообще](#)
[1. Лошок](#)
[2. Верховка](#)
[3. Голец](#)
[4. Пескарь](#)
[5. Уклейка](#)
[6. Елец](#)
[7. Ерш](#)
[8. Плотица](#)
[9. Красноперка](#)
[10. Язь](#)
[11. Голавль](#)
[12. Лещ](#)
[13. Сазан](#)
[14. Карп, или карпия](#)
[15. Линь](#)
[16. Карась](#)
[17. Окунь](#)
[18. Щука](#)
[19. Жерих, шереспер](#)
[20. Судак](#)
[21. Лох, красуля](#)
[22. Форель, пеструшка](#)
[23. Кутема](#)
[24. Налим](#)
[25. Сом](#)
[Раки](#)
[Крючки и жерлицы](#)
[Блесна](#)

[Примечания](#)

ВСТУПЛЕНИЕ

Я написал записки об ужении рыбы для освежения моих воспоминаний, для собственного удовольствия. Печатаю их для рыбаков по склонности, для охотников, для которых слова: *удочка* и *уженье* -- слова магические, сильно действующие на душу. Я считаю, что мои записки могут быть для них приятны и даже несколько полезны: в первом случае потому, что всякое сочувствие к нашим склонностям, всякий особый взгляд, особая сторона наслаждений, иногда уяснение какого-то темного чувства, не вполне прежде сознанного, -- могут и должны быть приятны; во втором случае потому, что всякая опытность и наблюдение человека, страстно к чему-нибудь привязанного, могут быть

полезны для людей, разделяющих его любовь к тому же предмету.

Уженье, как и другие охоты, бывает и простою склонностью и даже сильною страстью: здесь не место и бесполезно рассуждать об этом. Русская пословица говорит глубоко и верно, что *охота пуще неволи*. Но едва ли на какую-нибудь человеческую охоту так много и с таким презрением нападают, как на тихое, невинное уженье. Один называет его охотою празднолюбцев и лентяев; другой -- забавою стариков и детей; третий -- занятием слабоумных. Самый снисходительный из судей пожимает плечами и с сожалением говорит: "Я понимаю охоту с ружьем, с борзыми собаками -- там много движения, ловкости, там есть какая-то жизнь, что-то деятельное, даже воинственное. О страсти к картам я уже не говорю; но удить рыбу -- признаюсь, этой страсти я не понимаю..." Улыбка договаривает, что это просто глупо. Так говорят не только люди, которые, по несчастию, родились и выросли безвыездно в городе, под влиянием искусственных понятий и направлений, никогда не живали в деревне, никогда не слыхивали о простых склонностях сельских жителей и почти не имеют никакого понятия об охотах; нет, так говорят сами охотники -- только до других родов охоты. Последних я решительно не понимаю. Все охоты: с ружьем, с собаками, ястребами, соколами, с тенетами за зверьми, с неводами, сетьми и удочкой за рыбою -- все имеют одно основание. Все разнородные охотники должны понимать друг друга: ибо охота, сближая их с природою, должна сближать между собою.

Чувство природы врожденно нам, от грубого дикаря до самого образованного человека. Протivoестественное воспитание, насильственные понятия, ложное направление, ложная жизнь -- все это вместе стремится заглушить мощный голос природы и часто заглушает или дает искаженное развитие этому чувству. Конечно, не найдется почти ни одного человека, который был бы совершенно равнодушен к так называемым *красотам природы*, то есть: к прекрасному местоположению, живописному далекому виду, великолепному восходу или закату солнца, к светлой лунной ночи; но это еще не любовь к природе; это любовь к ландшафту, декорациям, к призматическим преломлениям света; это могут любить люди самые черствые, сухие, в которых никогда не зарождалось или совсем заглохло всякое поэтическое чувство: зато их любовь этим и оканчивается. Приведите их в таинственную сень и прохладу дремучего леса, на равнину необозримой степи, покрытой тучною, высокою травою; поставьте их в тихую, жаркую летнюю ночь на берег реки, сверкающей в тишине ночного мрака, или на берег сонного озера, обросшего камышами; окружите их благовонием цветов и трав, прохладным дыханием вод и лесов, неумолкающими голосами ночных птиц и насекомых, всею жизнью творения: для них тут нет красот природы, они не поймут ничего! Их любовь к природе внешняя, наглядная, они любят картинки, и то ненадолго; смотря на них, они уже думают о своих пошлых делишках и спешат домой, в свой грязный омут, в пыльную, душную атмосферу города, на свои балконы и террасы, подышать благовонием загнивших прудов в их жалких садах или вечерними испарениями мостовой, раскаленной дневным солнцем... Но, бог с ними! Деревня, не подмосковная, далекая деревня, -- в ней только можно чувствовать полную, не оскорбленную людьми жизнь природы. Деревня, мир, тишина, спокойствие! Безыскусственность жизни, простота отношений! Туда бежать от праздности, пустоты и недостатка интересов; туда же бежать от неутомимой, внешней деятельности, мелочных, своекорыстных хлопот, бесплодных, бесполезных, хотя и добросовестных мыслей, забот и попечений! На зеленом, цветущем берегу, над темной глубиной реки или озера, в тени кустов, под шатром исполинского осокоря или кудрявой ольхи, тихо трепещущей своими листьями в светлом зеркале воды, на котором колеблются или неподвижно лежат наплавки ваши, -- улягутся мнимые страсти, утихнут мнимые бури, рассыплются самолюбивые мечты, разлетятся несбыточные надежды! Природа вступит в вечные права свои, вы услышите ее голос, заглушенный на время суетней, хлопотней, смехом, криком и всею пошлостью человеческой речи! Вместе с благовонным, свободным, освежительным воздухом вдохнете вы в себя безмятежность мысли, кротость чувства, снисхождение к другим и даже к самому себе. Неприметно, мало-помалу, рассеется это недовольство собою, эта презрительная недоверчивость к собственным силам, твердости воли и чистоте

помышлений -- эта эпидемия нашего века, эта черная немочь души, чуждая здоровой натуре русского человека, но заглядывающая и к нам за грехи наши...

Но я увлекся в сторону от своего предмета. Я хотел сказать несколько слов в защиту уженья и несколько слов в объяснение моих записок. Начнем сначала: обвинение в праздности и лени совершенно несправедливо. Настоящий охотник необходимо должен быть очень бодр и очень деятелен; раннее вставанье, часто до утренней зари, перенесенье полднего зноя или сырой и холодной погоды, неутомимое внимание во время самого уженья, приискиванье удобных мест, для чего иногда надо много их перепробовать, много исходить, много изездить на лодке: все это вместе не по вкусу ленивому человеку. Если найдутся лентяи, которые, не имея настоящей охоты к уженью, а просто не зная, куда деваться, чем занять себя, предпочтут сиденье на берегу с удочкой беганью с ружьем по болотам, то неужели их можно назвать охотниками? Чем виновато уженье, что такие люди к нему прибегают? Другое обвинение, будто уженье забава детская и стариковская -- также не основательно: никто в старости не делался настоящим охотником-рыболовом, если не был им смолоду. Конечно, дети почти всегда начинают с уженья, потому что другие охоты менее доступны их возрасту; но разве дети в одном уженью подражают забавам взрослых? Что же касается до того, что слабый старик или больной, иногда не владеющий ногами, может удить, находя в том некоторую отраду бедному своему существованию, то в этом состоит одно из важных, драгоценных преимуществ уженья пред другими охотами. Остается защитить охотников до уженья в том, что будто оно составляет занятие слабоумных, или, попросту сказать, дураков. Но, боже мой, где же их нет? За какие дела они не берутся? В каких умных и полезных предприятиях не участвуют? Из этого не следует, чтобы все остальные люди, занимающиеся одними и теми же делами с ними, были так же глупы. Против нелепости такого обвинения можно назвать несколько славных исторических людей, которых мудрено заподозрить в глупости и которые были страстными охотниками *удить рыбку*. Известно, что наш знаменитый полководец Румянцев предан был этой охоте до страсти; известен также и его ответ, с притворным смирением сказанный, на один важный дипломатический вопрос: *это дело не нашего ума; наше дело рыбку удить да городки пленить*. Славный Моро, поспешая с берегов Миссисипи на помощь Европе, восставшей против своего победителя, не мог проехать мимо уженья трески, не посвятив ему нескольких часов, драгоценных для ожидавшего его вооруженного мира, -- так страстно любил он эту охоту! Людовик-Филипп, человек, кажется, тоже умный, все время, свободное от дел государственных, посвящал удочке в своем прелестном Нельи.

Теперь объяснимся о моих записках: на русском языке, сколько мне известно, до сих пор не напечатано ни одной строчки об рыболовстве вообще или об уженью в особенности, написанной грамотным охотником, знающим коротко свое дело. На французском и английском языках есть много полных сочинений по этой части и еще более маленьких книжек собственно об уженью. В Лондоне даже существует общество охотников до ловли рыбы удочкой, которое систематически преследует эту охоту, совершенствуя ее во всех отношениях. Некоторые сочинения об этом предмете у французов написаны очень живо и увлекательно. Но у нас они не переведены, а если б и были переведены, то могли бы доставить более удовольствия при чтении, чем пользы в применении к делу. Причиною тому разность в климатах, в породах рыб и их свойствах. В этом случае добросовестные наблюдения рыболова-туземца, как бы ни были недостаточны, будут иметь важное преимущество.

Все это вместе решило меня сделать первый опыт на русском языке. Охотников до уженья много на Руси, особенно в деревнях, и я уверен, что найду в них сочувствие. Прошу только помнить, читая мою книжку, что она не *трактат об уженью*, не *натуральная история рыб*. Моя книжка ни больше ни меньше как простые записки страстного охотника: иногда поверхностные, иногда односторонние и всегда неполные относительно к обширности обоих предметов, сейчас мною названных.

[Я печатаю книжку мою третьим изданием. В течение шести лет, постоянно продолжая удить, с меньшим увлечением и большим вниманием, я имел возможность для второго издания сделать много новых наблюдений и сказать пространнее и полнее о том, о чем было сказано слишком коротко, в чем справедливо обвиняли меня некоторые охотники; в течение же последних трех лет я почти ничего нового прибавить не мог.

1856 год.]

ПРОИСХОЖДЕНИЕ УДОЧКИ

Вероятно, из всех родов рыболовных снастей одна из первых была изобретена удочка. Какой-нибудь дикарь, бродя по берегам реки или моря для добывания себе скудной пищи или беспечно отдыхая под тенью крутого берега и растущих на нем деревьев, приметил стаи рыб, плавающих около берегов; видел, как голодные рыбы жадно хватают падающих на поверхность вод разных насекомых и древесные листья, и, может быть, сам бросал их в воду, сначала забавляясь только быстрыми движениями рыб. Весьма естественно должна была родиться у него мысль, что если бы в насекомые спрятать что-нибудь, похожее на крючок (из кости или крепкого дерева) и привязать его на нитку, выделанную из звериных жил или волокон растений, и что если рыба схватит и проглотит такую насадку, то крючок зацепит, и рыбу можно будет вытащить на берег. Так, вероятно, родилась удочка; почти такова она и теперь в деревнях у крестьянских мальчишек: загнутый крючком гвоздь без шляпки, крючок из проволоки или булавки, привязанный на нитку, с камешком вместо грузила и палочкою сухого дерева или камыша вместо наплавка... ведь это почти удочка дикаря. Впрочем, даже и у нас, в настоящем своем развитии, у самых взыскательных охотников удочка строго сохранила все первоначальные основные свои качества.

Слово *удочка* -- название общее. Она состоит из следующих частей: удилица, лесы, поплавок, или наплавка, грузила, поводка и крючка. Все это рассмотрим мы внимательно, порознь и по порядку.

УДИЛИЩЕ

Едва ли нужно говорить, что этим именем называется длинный прут или палочка, к которой привязывается лесы. Удилища бывают искусственные и натуральные: я решительно предпочитаю последние. Искусственное, складное удилище делается из морского тростника (камыша) разной толщины, даже просто вытаскивается из дерева, так что одно коленце, будучи тонее, может вкладываться в другое, более толстое; целое удилище состоит из трех или четырех таких коленцев; все они привинчиваются одно к другому или просто втыкаются одно в другое; верхнее коленце делается из китового уса или тонкой камышинки с маленьким проволочным колечком на верхнем конце для привязки лесы. Такие складные удилища, хорошо отделанные, с набалдашником и наконечником, имеют наружность толстой красивой палки; кто увидит их в первый раз, тот и не узнает, что это целая удочка; но, во-первых, оно стоит очень недешево; во-вторых, для большой рыбы оно не удобно и не благонадежно: ибо у него гнется только верхушка, то есть первое коленце, состоящее из китового уса или камышинки, а для вытаскивания крупной рыбы необходимо, чтобы гибь постепенно проходила сквозь удилище по крайней мере до половины его; в-третьих, его надобно держать всегда в руках или класть на что-нибудь сухое, а если станешь класть на воду, что иногда неизбежно, то оно намокнет, разбухнет и даже со временем треснет; к тому же размокшие коленца, покуда не высохнут, не будут свободно вкладываться одно в другое; в-четвертых, все это надо делать

неторопливо и аккуратно -- качества, противоположные натуре русского человека: всякий раз вынимать, вытирать, вкладывать, свинчивать, развинчивать, привязывать и отвязывать лесу с наплавком, грузилом и крючком, которую опять надобно на что-нибудь намотать, положить в футляр или ящичек и куда-нибудь спрятать... Не правда ли, что это утомительно и скучно? Точно такие складные удилища подделываются у нас из простого дерева; нет сомнения, что последние никуда не годятся. Во многих местах употребляют удилища составные: к обыкновенному березовому или ореховому удилищу прикрепляют верхушку из китового уса или тонкого можжевельного прута; но и здесь почти те же неудобства: гибь будет также неровна и верхушка станет сгибаться только до того места, где она привязана. Всего простее и лучше цельные, натуральные ореховые или березовые удилища: последние прочнее, и везде скорее можно их сыскать; говорят, что и вязовые также хороши, но мне не случалось их употреблять. Весною, покуда лист еще не распустился, а сок дерева уже бросился из корня вверх и надулись почки на ветвях, всего благонадежнее срезывать удилища; впрочем, можно срезать их и во всякое время года. Надобно выбирать стволы тонкие, длинные и прямые; тщательно обрезать все сучочки, оставя главный ствол неприкосновенным во всю его длину, до самой последней почки, причем должно наблюдать, чтобы удилище не было тонко в комле; нижнюю половину, идущую к руке, надобно оскоблить, даже сострогать, если она слишком толста, а верхнюю *непрерменно* оставить в коже; несколько таким образом приготовленных удилищ должно плотно привязать к прямому шесту или доске и в таком принужденном положении завялить, то есть высушить в комнате или на воздухе под крышей, где бы не брали их ни дождь, ни солнце. Такое удилище, если не сломается от неосторожности, может служить два и три года.

Выбор и приготовление хорошего удилища весьма важны. Прямызна и гибкость верхнего его конца необходимы для успешной подсечки; следовательно, от хорошего удилища зависит иногда количество выуженной рыбы, но верх его достоинства узнается только тогда, когда на тонкую лесу возьмет крупная рыба. Тут-то можно полюбоваться, как на хорошем удилище, согнувшемся до половины в дугу, будет ходить на кругах огромная рыба до тех пор, пока искусная рука рыбака утомит ее и подведет к берегу, где можно взять добычу другою, свободною рукой или, что всего благонадежнее, подхватить сачком.

Всякому известно, что такое сачок. Но вот какие качества должен иметь он: 1) сачок должен быть легкий; 2) ободок, к которому прикрепляется сетка, лучше употреблять железный, а чтобы ржавчина ее не передала, можно обшивать ободок холстиной и к ней уже пришивать сетку; 3) мешок из сетки -- тонкой и не частой; 4) мешок этот должен быть не мелок, четверти в три глубиною, для того чтобы рыба не могла выпрыгнуть и чтобы даже можно было ее завернуть в нем.

ЛЕСА

Лесою называется нитка, одним концом привязанная к удилищу, а другим к крючку. По большей части она свивается из волос конского хвоста; но есть лесы шелковые, нитяные и приготовленные из какого-то индийского растения,

[Так думал я прежде по слухам; но теперь думаю, что это шелк-сырец, приготовляемый каким-нибудь особенным способом.]

прозрачностью совершенно похожего на белый конский волос. Все эти роды лес имеют свои выгоды и невыгоды. Я предпочитаю первые и по прочности и по удобству доставания свежих конских волос; нетрудно найти искусника свить, или ссучить из них лесу какой угодно толщины, а всего лучше сплести: плетеная леса прочнее, никогда не скручивается и не спутывается. Всего лучше уметь это делать самому. Лесы шелковые и нитяные в России не приготовляются на продажу; они получают из Англии и Австрии; с крючком,

наплавком и грузилом они продаются в магазинах не менее двух рублей пятидесяти копеек ассигнациями -- цена слишком высокая. Можно готовить их дома; всякая женщина умеет ссучить на руках или на маленьких колесах, на которых спускают тонкие бечевки, несколько шелковинок или ниток (всего лучше конопляных) какой угодно толщины и длины. Выгода таких лес состоит в том, что они, будучи без узлов и не имея упругости, извиваются по движению воды, разнообразят и представляют натуральным, как будто шевелящимся, вид насаженного червяка или чего-нибудь другого; когда же насадка и конец шелковой зеленой леси лежат на дне, то она совершенно походит на волокны длинного водяного моха, называемого водяным шелком. Должно признаться, что рыба берет на них охотно; но зато они довольно скоро перегнивают и нестерпимо путаются, что отнимает много времени и ужасно надоедает; обоим этим порокам можно несколько помочь, проварив леси в растопленном воске,

[Здесь опять должно сказать, что это не прочно: воск скоро сойдет, и леси начнет путаться по-прежнему; впрочем, воск можно подновлять.]

но от того они отчасти потеряют свою, так сказать, зыблемость, составляющую приманку для рыбы. Что же касается до леси из индийского растения, тонкой, как конский волос, то вся ее выгода состоит в прозрачности и легкости; если насадка также легка (например, мухи, кузнечики и проч.), то она стоит на всех глубинах воды и долго плавает на поверхности, не погружаясь; но зыблемости шелковых и нитяных лес она не имеет и более пригодна для ужения некрупной рыбы без наплавка, особенно в водах прозрачных, около полудня, когда рыба гуляет на поверхности воды. Такая лесь (из индийского ли она растения, или из сырца) сначала очень крепка, и с помощью хорошего удилища и осторожности можно на нее выудить рыбу в четыре и даже в пять фунтов; но она скоро мшарится, то есть делается шероховатой, местами тонеет; высыхая на солнце, в сгибах трескается в длину и для ужения хорошей рыбы делается неблагонадежною, даже опасною. Говорят, что все это можно отвратить, вытирая ее досуха всякий раз после ужения и вымазывая маслом; но я, верный моей русской беспечной природе, никогда этого не пробовал и много раз терял рыбу и удочку; я скажу об этом подробнее в статье о поводках.

[В 1853 году привезли мне в подарок из Гавра много чудесных лес, очень тонких и полупрозрачных, имеющих в то же время (покуда они сухи) какую-то упругость и звонкость струны. Я употреблял их целый год и должен сказать, что сначала они удивительно крепки и могут выдержать самую крупную рыбу, но месяца в четыре, при ежедневном ужении, перегнивают и требуют перемены. Намокнув, они делаются мягки, как шелк, но высохнув, опять получают упругость; они свиты из нескольких удивительно тонких волокон, кажется сырцовых. В Гавре называют их американскими. Рыба берет на них очень охотно. Может быть, это волокны какого-нибудь американского растения.]

Итак, обратимся к лесам из конских волос. Получаемые из-за границы очень хороши, но зато и очень дороги и не довольно разнообразны в своей толщине. Покупаемые в русских лавках обыкновенно ссучены неровно и часто из старых, уже не так прочных волос, что, впрочем, можно узнать по желтоватому цвету. Итак, всего лучше готовить их дома.

Надобно выдернуть волосы из хвоста белой

[Готовятся леси и из черных волос, но очевидно, что прозрачность белых волос, сливаясь с водою, делает леси неприметною для рыбы, следовательно лучшею.]

лошади; выбрать самые длинные, ровные, белые и прозрачные и ссучить или вить из них леси какой угодно толщины: от двух, четырех, шести и до двадцати волос. Можно вить и ссучить леси цельные или с коленцами. Цельные, без сомнения, лучше, но для приготовления их надобно гораздо более уменья. Леси с коленцами делаются очень

просто. Берутся, например, шесть конских волос одинаковой длины, выравниваются в толщине,

[То есть одна половина волос кладется комлем вверх, а другая вниз.]

завязываются на конце обыкновенным узлом, разделяются поровну и сучатся или выются (как кто лучше умеет) до самого конца волос; потом опять завязывается обыкновенный узел: это называется коленцем. Коленцы связываются между собой уже двойным рыбацким узлом, затягиваются как можно крепче, коротенькие кончики подстригаются довольно плотно, и вот вам готова леса какой угодно длины. Объяснить на словах свиванье цельной леси довольно трудно; но раз увидевши, как это делается, перенять легко. Тут волосы употребляются разной длины и всучиваются или ввиваются один за другим: как скоро приходит к концу один волос, то другой впускается на его место, а кончики обоих обстригаются так плотно, что после даже неприметно, где волосы оканчивались и где вставлялись. Сделанные таким образом леси, по окончании каждого ужения и в продолжение зимы сохраняемые в сухом месте, если не будут изорваны насильственно, могут служить года три и более, хотя бы весной, летом и осенью удили на них каждый день. Не нужно распространяться, как важна для охотника крепость леси, которая преимущественно зависит от ее ровности. Леси, плетенные из волос, как обыкновенно заплетаются девичьи косы, особенно хороши. Они гораздо прочнее сученых и витых лес и никогда не путаются.

НАПЛАВОК

Наплавком называется небольшая, обыкновенно круглая или овальная, палочка,

[Впрочем, фигура наплавка -- дело произвольное. Я видал наплавки, очень искусно вырезанные из осокоря, представляющие рыбу, птицу и даже человека; но вообще наплавок бывает в середине толще.]

длиною и толщиною в палец, из легкого дерева, или древесной коры осокоря, или из пробки, привязываемая к лесе в каком угодно расстоянии от крючка. Величина наплавка должна зависеть от толщины леси, тяжести грузила, величины крючка и удилища. Если наплавок мал -- он тонет, если велик -- не встает на глубине, а это иногда бывает нужно. Наплавок имеет два назначения: первое, чтобы крючок с насадкой плавал в таком расстоянии от дна, какое нужно рыбаку, или лежал на дне, смотря по надобности, и второе, еще важнейшее, чтобы он показывал своим движением всякое прикосновение рыбы к насаженному крючку и, наконец, время, когда надобно подсечь (то есть дернуть удилищем лесу) и вытащить на берег свою добычу. Следовательно, всякое легкое, плавающее на воде вещество может служить наплавком. Наплавки приготовляются различным образом: 1) Они вырезаются или вытачиваются из коры *осокоря*, которая имеет прекрасный темно-красный цвет, очень легка и не намокает в воде. По-моему, это самые лучшие наплавки. 2) Можно их делать из всякого сухого дерева: на один обостренный конец маленькой палочки, в палец толщиною посредине, плотно надевается нижняя половина гусяного пера, а в другой, обостренный же, втыкается маленькая, из проволоки сделанная петелька для продевания леси, другой конец которой (то есть леси) продевается сквозь колечко, вырезанное из пера и надеваемое на перьяной конец наплавка (колечко должно быть несколько шире пера). 3) Вместо дерева можно употреблять пробку: пропускают сквозь нее тоненькую деревянную палочку и потом обделывают точно так же, как наплавки второго разряда. Есть еще наплавки, получаемые из-за границы, сделанные из одного гусяного толстого пера и устроенные точно так же, как сейчас описанные мною наплавки; но они пригодны только для удочки наплавной, без

грузила, ибо слишком легки; притом толстый конец пера, в котором утверждается петелька, обыкновенно заклеивается сургучом или особенною смолою; если вода как-нибудь туда проникнет, то наполнит пустоту пера, и наплавок будет тонуть; притом они не видки на воде. Хотя осокоревые наплавки менее удобны для передвиганья, ибо каждый раз надобно распустить двойную петлю лесе, которою затянут наплавок, зато они менее сложны и реже портятся; а у наплавок второго и третьего разрядов проволочные петельки часто выдергиваются и перьяные колечки еще чаще трескаются. Колечки надобно иметь запасные, но надевать их хлопотно: должно отвязывать лесе, если крючок и грузило по величине своей сквозь перьяное колечко пройти не могут. Можно также употреблять наплавки из зеленого и сухого камыша особой породы, мягкого, толстого и ноздреватого внутри; но он непрочен и не везде рождается. Величина наплавка должна быть соразмерна с целым устройством удочки, как я уже и сказал, а потому наплавок должен иметь такую тяжесть, относительно к этому общему устройству удочки, чтобы рыба, трогая и забирая в рот насадку крючка, не почувствовала никакого препятствия.

ГРУЗИЛО

Грузилом называется кусочек металла, почти всегда свинца (ибо он тяжел и мягок), прикрепляемого к лесе, в недалеком расстоянии от крючка для его погружения в воду. Грузила бывают разной тяжести смотря по величине всей удочки и текучей или стоячей воде. Для самой маленькой удочки довольно одной небольшой дробинки; для средней -- одной, двух или трех крупных дробинок, а для самой огромной употребляют небольшую пулю. Прикрепление грузила из свинца делается следующим образом: берется кусочек свинца такой величины, какой надобно, разбивается в длинную узенькую пластинку и наворачивается на лесе или поводок; а чтобы грузило не передвигалось, то легким ударом молотка бока его сжимаются. Дробины прикрепляются еще проще: возьмут дробину или пулю, разрежут ее до половины ножом, вложат в это отверстие лесе и потом краешки сколотят. Всегда надобно прикреплять грузило к волосяной лесе, повыше шелкового поводка, ибо свинец скорее переедает шелк, чем конские волосы. За неимением дроби и пули можно сделать грузило из всякого кусочка свинца, о чем сейчас мною сказано, наблюдая только, чтобы фигура его была овальная: угловатое грузило скорее заденет за траву или шероховатое дно. После свинца всего лучше олово, а за неимением того и другого можно употребить и медь и железо: последние привязываются иногда к лесе особой ниткой.

КРЮЧОК

Без сомнения, это важнейшая часть удочки: весь успех ужения зависит от доброты крючка. Лучшие крючки -- английские. Величина их различна и разделяется на двенадцать номеров.

[Это деление прежнее. Теперь насчитывается множество номеров, но я хорошенько их не знаю.]

При выборе их надобно наблюдать следующее: 1) Крючок должен быть хорошо закален: недокаленный будет разгибаться, а перекаленный -- ломаться; синий цвет, признак доброй закалки, легко подделать, и потому всего лучше каждый крючок попробовать погнуть рукою. В случае крайности лучше брать крючки недокаленные: они будут разгибаться немного, а перекаленные будут ломаться; последние никуда не годятся. 2) Сгиб крючка должен быть кругловат, не слишком глубокий и не мелкий, широкий, к острому концу немного

погнут набок. Жало должно быть остро, длинно, смотреть в сторону. Выгода первых двух качеств не требует пояснения, но выгоду последнего -- для чего конец крючка должен быть погнут немного вбок -- можно узнать только из опыта. Если вы будете удить на две одинаковые по величине и устройству удочки, из которых у одной жало крючка смотрит на сторону, а у другой прямо по спинке крючка, то увидите, что на вторую удочку будет втрое более промахов, чем на первую. Без сомнения, причина состоит в том, что при подсечке крючок с жалом прямым удобнее выдергивается изо рта рыбы, не задев за которую-нибудь его сторону. 3) Зазубрина должна хорошо, но не круто отделяться и крепко держаться в рассечке, ибо она не допускает крючок выскользнуть назад изо рта подсеченной рыбы. Крючки нередко ломаются в рассечке, если она слишком глубока. 4) Крючок не должен быть толст. Толстый крючок неудобен, потому что мелкая насадка (небольшой червь, кобылка, маленькая рыба и проч.) теряет на нем свой натуральный вид и сейчас умирает, и особенно потому, что крючок тонкий скорее пронзит губу. Еще труднее толстому крючку проколоть верхнюю часть рыбьего рта, которая бывает очень жестка. 5) Спинка крючка не должна быть длинна: это также мешает живости насадки, которая обыкновенно сбивается книзу и верхняя часть спинки остается ничем не закрытою. Это рыбу пугает, но сверх того, если она и возьмет насадку в рот, что почти всегда делается на ходу (кроме уженья со дна), то сейчас почувствует твердую, не закрытую спинку крючка и проворно выплюнет (выкинет назад) насадку. В этом всякий наблюдательный охотник может убедиться собственными глазами, когда будет удить в светлых водах. 6) Спинка крючка оканчивается лопаточкой, плечики которой должны быть широки и не остры, для того чтобы завязка поводка или волосяной леси не обрывалась и держалась крепко: это последнее условие очень важно. Завязка часто подрезывается внутри неприметно для глаза, хотя бы заботливый рыбак всякий день осматривал свои удочки; дело идет хорошо, покуда берет небольшая рыба, но чуть взяла крупная -- прощай и крючок и добыча... Леса взвизывает вверх, как будто просто сорвалась рыба, огорченный охотник поспешно достает свежего червя, хочет насадить и вместо крючка видит перерезанный конец поводка или леси, которым была она привязана... Тут последуют заключения: "Рыба была так велика, что поводок не выдержал, откусила щука" и проч., а это вздор! При внимательном рассмотрении окажется, что длина поводка или леси не убавилась, а что она порвалась у самого крючка, в самой завязке.

Обращаю особенное внимание охотников-рыбаков на привязку крючка к поводку или прямо к лесе: от прикосновения к железу и мокроты привязка, то есть самый узелок, часто переедается ржавчиной; для предохранения от нее можно под привязку наматывать тонкую шелковинку в один ряд, но не более, иначе привязка будет толста. Всего лучше осматривать крючки ежедневно и внимательно: чуть появится желтизна около привязки -- сейчас переменить поводок. Хотя и волосяная леса подвергается действию ржавчины, но она долее ей противится.

ПОВОДОК

Поводком называется особый небольшой *привязок* к лесе, к которому уже прикрепляется крючок. Поводки бывают: 1) из тонкой проволоки, медной или железной; 2) из басовых и простых толстых струн; 3) из спинки гусяного пера во всю его длину, очищенную от мякоти, и 4) из шелка. Первые три рода поводков употребляются для уженья щук, ибо по множеству и остроте зубов она перегрызает, иногда в одну секунду, всякие леси: волосяные, нитяные и шелковые, а последний род поводков шелковых почти никто не употребляет. Это собственно придумано у нас в доме одним старым рыбаком. Тридцатилетняя опытность моя и нескольких охотников, перенявших эту выдумку, удостоверяли меня в ее несомненной пользе. На удочку с шелковым поводком всякая рыба берет (по-охотничьи: клюет) гораздо жаднее. Почти все, что было мною говорено о выгодах шелковой леси, состоящих в ее зыблести, шелковый поводок имеет в себе, для

чего он должен быть не короче шести вершков; а волосяная леса, к которой он привязан, не путается и не гниет так, как цельная шелковая: разумеется, всякий год надобно раза четыре переменять поводки; но это нетрудно. Еще выгода: шелковым поводком гораздо крепче привязывается крючок, чем волосяною лесой; причина очевидная: упругость волос. Толщина поводка зависит от толщины леси. На самую толстую лесу я обыкновенно навязываю поводок, ссученный из шести, на среднюю из четырех, а на маленькую из двух обыкновенных шелковинок английского шелка. Здесь разумеется *маленькая* удочка, или *плотичная*, волоса в четыре: для удочки наплавной поводок из двух шелковинок будет тяжел. Шелк для поводков лучше употреблять зеленый, ибо он сходен цветом с травой, но в случае нужды годится всякого цвета. Хороший шелк бывает так крепок, что на свежий поводок из *одной* шелковинки можно вытащить с осторожностью рыбу в пять фунтов; только такие поводки, если удить постоянно, надобно переменять раз или два в неделю.

Есть еще поводки, получаемые из-за границы, из индийского растения или сырца-шелка с прикрепленными уже крючками; они имеют все достоинства и пороки целых таковых лес. Рыба берет на них очень хорошо, но предупреждаю охотников, чтоб они не привязывали своих лес к выписным, волосяным поводкам за *петельку*, которая всегда у них делается, а связывали бы поводок с лесой обыкновенным рыбацким узлом. Индийский волос на петельке легко рвется, и потому я до них небольшой охотник. Я испытал это, к несчастью, много раз. -- Леса в один конский волос употребляется без поводка, впрочем, можно и вовсе не употреблять поводков, а привязывают крючок прямо к лесе, что и делают почти все охотники.

УСТРОЙСТВО УДОЧКИ

Как скоро все части удочки у вас будут изготовлены, то вам остается только устроить целую удочку. Удочки бывают различной величины смотря по своему назначению: *маленькие* для мелкой рыбы: гольцов, пескарей, ершей, уклек (в Оренбургской губернии их называют сентявками и белоглазками), ельцов, мелких окуней и плотвы; *средние*, более других употребительные, для крупных окуней, язей, головлей, лещей, линей и карасей; *большие* удочки назначаются для самой крупной рыбы: для пород, сейчас мною поименованных, достигающих иногда огромной величины, и особенно для пород хищных: для шук, жерихов, сазанов, судаков, карпий и лохов, или *красуль*. Разумеется, это разделение произвольно, и если удить в водах, где водятся все породы рыб, то легко может взять огромная рыба на среднюю и даже на маленькую удочку; она любит иногда попроказить и, не трогая большие, самые лакомые насадки, хватает за пшеничное зернышко, кусочек хлеба с булавочную головку или муху... И страшно и весело бывает тогда рыбаку!.. Горько, когда рыба сорвется или порвет лесу; зато какое счастье, если на маленькую удочку вытащит он большого язя или головля. Верно одно, что на большую удочку не возьмет уже мелкая рыбка -- по величине насадки.

Итак, вы берете крючок, привязываете к нему поводок, поводок привязываете к лесе и сейчас прикрепляете к ней грузило; если у вас наплавок с петелькой и пером, то надеваете его с другого конца леси и, отмеривши ее столько, чтоб она была четверти две или полторы длиннее удилица, привязываете ее двойною петлею к тонкому его концу, к самой верхушке, а как вся леса должна быть всегда гораздо длиннее удилица, то остальную ее часть надобно плотно обвить около него, спускаясь сверху вниз, и где леса кончится, там привязывать ее гладенько к удилицу вощенной ниткой.

Теперь устроена у вас удочка обыкновенная, всего более употребляемая; но есть еще два рода удочек: *подонная* и *наплавная*, или *накидная*. Первая удочка, то есть ее леса, бывает длиною до восьми аршин и более; грузило ее состоит из пули и прикрепляется: от трех четвертей до одного аршина расстоянием от крючка, который обыкновенно берется из самых крупных номеров, то есть: первого, второго, третьего. -- Такая удочка с самой толстой лесой, волос в тридцать, употребляется на больших и быстрых реках без

наплавка; леса привязывается к маленькому и самому гибкому удилищу; а как ее нельзя закинуть обыкновенным образом, то леса забирается кругами в руку до самого грузила, и таким способом крючок с насадкой закидывается на большое расстояние. Тут уже удилище всегда держится в руке и служит для указания, что рыба взяла, для подсечки и для того только, чтоб уводить и утомить рыбу, по большей части самую крупную; но она подтаскивается уже просто за лесу и вынимается рукою или сачком. По большей части такое ужение производится по ночам и с лодки. Я сам видел, как рыбак удил таким образом на Москве-реке (в 1827 году) огромнейших головлей, фунтов по девять; он уверял меня, что головли иногда попадают в четырнадцать фунтов.

Наплавная, или накидная, удочка устроивается из лесы в два и даже в один конский волос, без грузила, наплавка и поводка. На длинную лесу навязывается самый маленький крючок (№ 10, 11, 12), а она привязывается к тонкому, легкому и гибкому удилищу. Насадка состоит из мух и самых маленьких красненьких червячков, называемых *мотылями*, которых я нигде, кроме окрестностей Москвы, не видывал. Крючок почти не тонет, и рыба хватает насадку на поверхности воды. Удить надобно на местах быстрых. Предпочтительно берут: ельцы, языки, головлики и уклейка. Разумеется, удилище надобно держать в руке. Я не охотник ни до подонной, ни до накидной удочки. Особенно трудно закидывать последнюю. Обыкновенно удят на нее с моста или войдя в воду по колени и глубже; в таком только положении удобно ее закидывать по ветру: ужение беспокойное и требующее большого навыка. Чувство осязания в руке должно быть так развито, чтобы верно указывало время подсечки: со всем тем на каждую рыбу придется по несколько промахов. Подонная и наплавная -- начало и конец всех удочек. Кстати здесь сказать, что вообще ужение без наплавка мне не нравится не только потому, что оно беспокойно, ибо надобно постоянно держать удилище в руке, но главное потому, что ужение без наплавка много лишается своей прелести. Внимательное наблюдение за движениями наплавка, за различием и значением этих движений, ожидание, что сейчас потянет или утащит наплавков, -- все это вместе составляет наслаждение для охотника. Притом есть такого рода клев, где только глазами можно различить, когда надобно подсечь; а если судить по силе дерганья (без наплавка же иначе судить нельзя), то будешь беспрестанно ошибаться: станешь подсекать не вовремя и пропускать настоящее мгновение для подсечки, ту небольшую *потяжку*, которую никогда нельзя различить рукой. Итак, удочки у нас готовы всех сортов: надобно уметь их насадить, или, как многие охотники говорят, наживить.

НАСАДКА

Насадкою называется все то, что для приманки рыбы насаживается на острый конец крючка, который, если насадка велика, прячется в ней весь. Исчисляя многообразные виды и роды насадок, я скажу об уменье насаживать, ибо оно также разнообразно. Можно сделать одно общее правило: жало крючка должно быть так скрыто в насадке, чтоб его не было видно глазами и слышно осязанием; чтоб оно не укололо рта рыбы при самом первом ее прикосновении, но чтоб в то же время выход жала был свободен и чтоб при подсечке или собственном движении рыбы (которая, взявши в рот насадку, иногда вдруг бросается в сторону), жало мгновенно высовывалось и впивалось во внутренние части рта рыбы.

1) Самая обыкновенная, везде находимая в навозе весной, летом, осенью, употребляемая всеми насадка -- есть красный *навозный червь*, называемый в низовых губерниях *глистою*. Только в середине лета рыба берет на него не так охотно. На него клюют все породы рыб, кроме жериха и щуки, но и те иногда изволят им лакомиться, особенно щука. Разумеется, на навозного червячка, по его мелкости, обыкновенно берет мелкая и средняя рыба, но иногда хватает и крупная. Красного червяка надобно насаживать, впуская жало в его голову,

[Иногда можно насаживать и с хвоста, если мелкая рыба беспрестанно отрывает только один хвостик. Особенно выгоден этот способ насадки при ужении ершей. Жало крючка скрывается тогда в голове червяка.]

весь крючок должен быть в нем скрыт; всего лучше, чтобы головка держалась на привязке лесы или на плечиках крючка, середина скрывала в себе крючок и жало, а хвост изгибался на свободе. Таким образом, червяк, нигде по бокам не прорванный, будет довольно долго жив и сохранит свой натуральный вид: и то и другое очень важно для приманки рыбы. Она весьма охотно хватается за длинный хвостик, но для мелкой рыбы, особенно для плотвы, такая насадка не удобна: рыба схватит за длинный конец и наплавок утащит; рыбак дернет -- и полчервяка безвредно останется во рту рыбы. Разумеется, чем меньше удочка, тем меньше насаживается червяк. Для большой рыбы на один и тот же крючок насаживают по нескольку навозных червей, даже по десятку и более, прокалывая их поперек и спрятав жало в одном из червей: это называется удить на *кучу глист*.

2) *Земляной червь*, фигурой совершенно сходный с червяком навозным; он длиною бывает вершка в три и даже четыре, а толщиною почти в мизинец; цвета бледно-коричневого, самые же крупные -- коричневого. Земляные черви насаживаются не совсем так, как навозные. Насадка делается двумя способами: или проколоть червяка пониже головы пальца на полтора, весь крючок поместить в остальной его части, а плечики крючка спрятать в скважине, или насаживать с хвоста, отступя пальца на два и более, острый конец крючка скрыть в голове червяка, которая будет несколько висеть, а тупой -- в его середине. Многие предпочитают второй способ, утверждая, что рыба охотнее берет червяка с головы; но я не могу вполне с этим согласиться. По моему замечанию, мелкая рыба жаднее берет червяка с хвостика, а крупная, особенно окунь, -- как случится и всего чаще поперек. Этой породы червей я не видывал в Оренбургской губернии, а здесь, около Москвы, их очень много. Удочки надобно употреблять самого большого размера. Язи, головли, лини и особенно окуни берут на этого червя очень хорошо; он имеет и ту выгоду, что мелкая рыба его не трогает.

Есть еще глиста, или червяк, тоже земляной. Он отличается от обеих пород червей, сейчас описанных: он белесоват, очень длинен, но не толст; тело его прахово и легко рвется; он пригоден для насадки средних удочек. Обе породы земляных червей не живут в навозе, а в земле. Вторых можно везде найти, а первых -- иногда очень трудно: в сухое время они уходят глубоко в землю и только после дождя вылезают наружу, особенно ночью. Любимое их местопребывание -- рыхлые гряды в огороде: там, после дождя, можно застать ими надолго, но для сбережения надобно держать их в большом глиняном горшке, засыпав сверху, вершка на два, обыкновенной землей; горшок должно ставить в подвал и на ужение брать червей понемногу. Таким образом можно сохранять их несколько дней, даже неделю, в сильные жары.

3) В Москве-реке, в речках, в нее впадающих, и в заливаемых ею озерах водится маленький червячок, называемый *мотыль*, вероятно, оттого, что, состоя весь из крошечных суставов, он мотается во все стороны. Насаживать его очень хлопотно, ибо как скоро вы его проколете, то из него вытечет красная влага и останется одна прозрачная кожица. Несмотря на то, туземные рыбаки умудряются насаживать мотылей на маленькие удочки: прокалывая двух или трех поперек, в четвертом искусно прячут жало. Всякая мелкая рыба клюет на них очень охотно именно летом, когда плохо берет на червяка навозного; но возня с ними очень скучна.

4) Есть еще довольно большой, толщиною в палец, длиною в вершок, с красною, жесткою головою, *белый червь*, в Симбирской губернии называемый *сальником*, а около Москвы, бог знает почему, *угрем*. Это гусеница навозного жука. Он насаживается точно так же, только всегда с головы, как и обыкновенный червь, с тою разницею, что находящуюся в нижней его части черную дрянь надобно слегка выдавить и червяка сполоснуть, а не то он в воде скоро весь посинеет и даже почернеет. На него охотно берут крупные язи, окуни, особенно головли. Мелких же сальников, называемых у нас *молошниками*, насаживают не выдавливая.

Все породы червей надобно сберегать в ящичках, деревянных или металлических, которые бы плотно задвигались и были наполнены землею, всегда влажною: излишняя мокрота и сухость равно им вредны; всего лучше такие ящички после ужения ставить на погребницу или в другое сырое и прохладное место.

5) Раки составляют во всякое время отличную насадку и приманку для рыбы в тех водах, где они водятся; в водах же, где их нет, рыба на них не берет, но, вероятно, можно приучить. Обыкновенно употребляют облупленные, сырые раковые шейки, но можно употреблять и внутренние стороны рака и его клещенки; жаль только, что эту превосходную насадку немилосердно треплет плотва, и где ее очень много, там она выведет из терпенья всякого терпеливого рыбака. Можно удить и на вареных раков: рыба берет на них хуже, но плотва не станет так сильно трепать и раздергивать эту насадку. Самый же лакомый кусок, на который с жадностью бросается всякая крупная рыба, есть рак *линючий*. Всем известно, что раки линяют, то есть переменяют свою скорлупу, летом, в июне и в июле месяце.

[Не утверждаю, но мне сказывали, что в иных местах раки линяют два раза в год.]

Это время их болезни, и потому они сидят в норах, откуда надобно вытаскивать их руками. Линючий рак тогда готов для насадки, когда можно с него и со всех его частей, даже с ножек, слупить осторожно старую жесткую скорлупу; под нею останется тонкая, молодая кожица, и он делается так нежен и мягок, что самого огромного рака может заглотать и язь, и головль, и линь, у которого рот очень мал относительно его величины. Все роды больших рыб, не исключая и хищных, до невероятности жадны до линючего рака. Он насаживается целый, исключая клешни, которые составляют особую лакомую насадку. Сначала крючок продевается сквозь середину шейки, начиная с ее конца, вдоль по кишечному каналу, и вынимается вон внизу, возле первых двух ножек, так что шейка остается продета поводком; отступя на полпальца, крючок снова впускается весь во внутренность рака, и жало его выходит несколько наружу возле рачьих глаз. Поводок легонько выправляется, и рак получает свою естественную длину и фигуру. Эту насадку надобно делать очень искусно: если вы прорвете где-нибудь молодую кожу и жидкая внутренность рака выйдет наружу, то жадная и дерзкая плотва сейчас начнет щипать за прорванное место и совершенно испортит вашу насадку.

Клещенки, или клешни, у крупных раков отрывают у самого туловища, во всю их длину, не повредив нигде ни маленького кончика, очищают от старой кожи и так же осторожно насаживают с верхнего узкого конца на крючок, который прячется в самой клешне при ее раздвоении: она расправляется на поводке и имеет вид вытянутой длинной женской перчатки. На нее очень жадно берет рыба средней величины и даже крупная.

Если линючий рак уже прорван, то можно насаживать его по частям, то есть: шейку особо, туловище разрезать вдоль пополам и каждую половинку употреблять также особо, наблюдая при насадке общее правило. Эти половинки рачьего туловища покрыты с внутренней стороны каким-то мохом; большие окуни жадно берут на них. Ужение на такую насадку называется "уженьем на *рачий мошок*". Все раковые насадки надобно часто вынимать и осматривать, если наплавок не совершенно спокоен: они легко портятся от прикосновения мелкой рыбы, то есть жало крючка высовывается наружу.

Раков всего лучше иметь живых; но как это не всегда возможно (впрочем, раки живут без воды дни два и три), то надобно очистить шейки и сохранять их в жаркое время на льду.

6) *Печеный хлеб и хлебные зерна*. Ржаной хлеб, мягкий, умятый руками до степени липкого теста, скатанный несколько кругловатыми шариками, составляет также весьма употребительную насадку, особенно у крестьян, живущих по рекам, изобильным рыбой. Величина шариков бывает различная, смотря по величине крючка и рыбы, какую желаешь поймать: от мелкой горошинки до небольшого грецкого ореха. Всего охотнее берет на хлеб плотва, но берет также и всякая другая рыба, исключая пород хищных, также ершей и гольцов. Хлебная насадка, кроме удобства ее приготовления, имеет две выгоды: а) клев

на нее вернее, ибо круглый кусочек хлеба нельзя таскать с места на место безнаказанно, как это часто делает рыба с хвостом насаженного червяка; и б) от вас зависит, насадив большой кусок хлеба, величиною с грецкий небольшой орех, защитить тем себя от дерганья мелкой рыбы и ждать спокойно крупной, чего нельзя сделать ни с шейкой нелиняющего рака, ни с червяком. Можно удить на ситный и белый хлеб, но ржаной более имеет запаха, и рыба охотнее берет на него.

Хлебные зерна овса, ячменя, гороха, а всего лучше пшеницы употребляются предварительно распаренные в горячей воде, отчего они делаются крупными, мягкими и удобными для протыкания жалом крючка. Насаживают по одному зерну, по два и по три, смотря по их мягкости, величине и по рыбе. Тут особенно надобно наблюдать, чтобы острие крючка выходило свободно. На зерна преимущественно ловится рыба, заранее прикормленная. Рыба берет всякая, кроме пород хищных, и даже весьма крупная.

7) *Живец, животка*, или мелкая, живая рыбка. На мелкую рыбку берет окунь, щука, шереспер, или жерих, судак и головль. На рыбку берет охотно и налим, но только по ночам; на маленькие кусочки изрезанной рыбки поздно осенью клюет плотва красноперка. Рыбку обыкновенно насаживают, впуская в ее спинку острый конец крючка, от головки к хвостику. Многие охотники задевают крючком за губу живца и утверждают, что этот способ гораздо лучше, что насаженная таким образом рыбка ходит бойчее, долее живет и лучше приманивает хищную рыбу. Все это отчасти и правда, но не менее правда и то, что рыбка, задетая за губу, часто срывается сама и еще чаще отрывается, если схватит ее не самая крупная хищная рыба и не вдруг всю заглотает. Для насадки употребляются все породы рыб, кроме хищных; в случае крайности можно и их употреблять, разумеется покуда они очень малы; пескари же, гольцы и лошки во всех своих возрастах служат превосходными живцами. Мелкую рыбку для насадки надобно сохранять живою, что довольно трудно. Самый простой способ -- держать ее в ведре с водою, которую переменять как можно чаще, а всего лучше -- в маленькой плетеной сажалке, которая может подле вас стоять или плавать в воде; но переносить эту сажалку с места на место неудобно.

8) *Кобылки, жуки, мухи*. Все роды кобылок употребляются для ужения: от саранчи до кузнечика. Всего охотнее, как мне случалось заметить, берет крупная рыба на большую зеленую кобылку, а средняя и мелкая -- на серенькую, очень маленькую. Удить надобно с легким грузилом и не рано, а около полдён, когда рыба гуляет поверху. Можно даже совсем снять грузило и пустить наплавок как можно мельче, иногда вершка в три глубину, обращая таким образом обыкновенную удочку в наплавную. Все породы насекомых насаживаются одним способом: крючок впускается в спинку от головки к хвостику. Этот род ужения бывает успешнее в водах чистых и довольно быстро текущих, особенно в реках степных, потому что в степях более водится кобылки, чем в других местах, и рыба привыкла к ней, часто попадающей в воду.

Жуки употребляются для ужения так называемые майские, но в средней полосе России они появляются в июне и держатся до половины июля и потому напрасно называются майскими. На них берут язи и головли. При насадке их надобно наблюдать, чтобы верхние, жесткие крылышки были приподняты и из-под них торчали их вторые крылья, длинные, мягкие и прозрачные. Некоторые охотники даже отрывают верхние, жесткие крылья.

Обыкновенные мухи составляют лакомую приманку для мелкой рыбы; она жадно берет на них с весны до осени, на удочку наплавную, или накидную; изредка берет рыба и порядочной величины, особенно головли.

Надобно, чтобы мухи и всякие насекомые, употребляемые для насадки, были свежие, живые, для чего следует их наловить перед самым ужением и посадить в чистый, сухой, стеклянный пузырек, потому что в мокром или имеющем какой-нибудь запах они тотчас перемрут.

Можно удить на коромыслов, бабочек, летучих тараканов, одним словом на всех насекомых и даже на улиток (слизней). Удят также всякую крупную и хищную рыбу на кусочки сырого мяса.

Я не употреблял сам, но слышал, что насаживают крючки "зеленью", то есть водяным цветом, когда он делается довольно густ.

За неимением другой насадки случилось мне один раз (на рыбной реке, Деме, в Оренбургской губернии) попробовать насадить крючок кишочкой кулика, и рыба брала всякая!.. Я пробовал то же раза два в других местах и всегда с успехом. Я ловил мелкую рыбу, потому что удил на тонкие кишочки, а на толстые, может быть, брала бы и крупная рыба.

Итак, у нас готовы не только удочки, но и всякая насадка: надобно выбирать места для ужения.

О ВЫБОРЕ МЕСТА

Если вы случайно заедете или постоянно живете на такой местности, где на реке есть мельница и пруд -- спешите туда: там найдете вы самое разнообразное ужение и приволье в выборе места, о чем я буду говорить ниже. Я должен признаться, что пристрастен к запруженной реке. Вид пруда и мельницы, стук ее снастей, шум падающей воды -- приводят в тихое и сладкое волнение душу старого рыбака. Чем-то дорогим прошедшим глядят воды и водяные травы, шумят вертящиеся колеса, дрожит мельничный амбар и пенятся кипящие под ним волны! Кустами обросшая плотина, дорожки, протоптанные прохожими, помольцами и хозяевами, переходы через воду из жердочек -- все говорит о чем-то давно знакомом, близком сердцу. Где мельница -- там и рыба. Пруд -- ее притон и гульбище! Там много всякой пищи, там привольно метать икру и выводиться маленькой рыбешке. Около мельницы во все времена года, во всякую пору дня охотник найдет и достанет рыбу. В раннюю весну, в позднюю осень, в дурную погоду -- она держится больше в материке, в верховьях пруда; в теплое время, в летние жары -- она гуляет по полям, в травах и камышах; в холодное ненастье -- жметя по течению материка к теплой навозной плотине; но особенно любит она держаться в ямах, под спусками вешняка или под водяными колесами. Напрасно низвергающийся поток относит назад стаи мелких рыбок, они сторонкой беспрестанно возвращаются на самую быстрину, и хищные породы рыб хватают мелюзгу, обессиленную борьбою с стремлением воды. Рыбак вскарабкается на мокрый лежень, на котором тяжело ходит мельничный вал, и под навесом водяных труб, обросших зеленым мохом, под каплями и нитями просачивающейся воды, вздрагивая на своем месте при каждом обороте колеса, бросает удочку, насаженную червяком или всего лучше рыбкой, в самую быстрину, в волны и пену -- и таскает жадных окуней и небольших шук... Но сказав о мельнице как о выгодном месте в частности, обращаюсь к выбору мест для ужения вообще.

Выбор мест бывает различен не только по времени года, но и по времени дня. Весною, пока вода еще несколько мутна, рыба бродит зря, как говорят охотники, и клюет везде на всех глубинах, ибо берега рек еще не определились, не заросли по местам густою осокой, айром или камышом; еще не поднялись со дна водяные травы, не всплыли лопухи; береговые деревья и кусты не оделись листьями, не покрыли прозрачные воды тенью зеленого навеса, маня рыбу пищею во всякое время и прохладю в полдень.

При раннем весеннем ужении, которое может иногда начинаться в исходе апреля, когда в реках еще много воды и они бегут быстрее обыкновенного, надобно грузило прибавить, чтобы крючок опускался как можно глубже, потому что удить приходится в *натяжку*, то есть леса стремлением воды будет натягиваться и крючок не будет касаться дна, а это весной необходимо. Рыба жметя обыкновенно ко дну, к берегам, особенно крутым, где течение потише. Места надобно выбирать не мелкие и не слишком глубокие; крючок с насадкой червя навозного или земляного (на хлеб удить на быстряхах неудобно) от сильного течения будет прибывать к берегу, и потому должно так класть или втыкать удилище, чтобы насадка только касалась берега и чтоб леса и наплавки не ложились на него; в противном случае они станут при подсечке задевать за берег, а это никуда не

годится: рыба, хватая играющую насадку с набега, сейчас встретит упор от задевшей лесьы или наплавка и сейчас бросит крючок, да и подсечка никогда не может быть верна, ибо рука охотника встретит такое же препятствие, и подсечка не может сообщиться мгновенно крючку. Когда вода еще не совсем слила и не просветлела, трудно достать раков, насекомых еще никаких нет, и потому единственная насадка -- черви; но как скоро река войдет в межень и образуются тихие места, то на них всякая нехищная рыба очень охотно станет брать на хлеб.

В реках не запруженных, текущих вольно, собственною массою воды, обыкновенно выбирают для ужения омуты, то есть глубокие места, где вода вдруг теряет свою быстроту, падая в яму; потом, завертывая назад около берега, она встречается с верхнею, текучею струею, борется с нею и, наконец, теряет свое стремление: из этой борьбы образуется тишина; в таких тихих омутах постоянно держится рыба.

Летом надо выбирать глубину умеренную, дно песчаное или хрящеватое (то есть состоящее из мелких камешков), идущее от берега покато и отлого в глубину; на таких местах хорошо удить рано утром и поздно вечером. Еще лучше, если вода аршина на два от берега проросла травой и накрылась ее листьями, как бы зеленым ковром. Тут много выгод для охотника. Тут есть для рыбы и пища и защита от яркого солнца, а главное, тут не видно рыбака, сидящего на берегу, и ловко ему положить свои длинные удилища на травянистую ткань. Глубокие места, обросшие круглыми, как тарелки, зелеными лопухами, представляют те же выгоды. Места, где деревья зелеными ветвями своими наклонились над водою, где гибкие кусты омыают длинные листья свои в прозрачных струях, тихо ропшущих от их прикосновения, благонадежны для ужения не очень раннего и не очень позднего: ибо в это время рыба, уже поднявшись со дна, ходит на умеренной глубине и очень любит держаться около зелени листьев. Охотники хорошо это знают и на реках и озерах, берега которых совершенно голы, прибегают к хитрости, устраивают искусственную зелень: срубают вершину какого-нибудь молодого дерева (если оно мало, то два и три) или целый куст тальнику, вербы, выбирают удобное для ужения место и кладут их на воду, погрузив до половины и воткнув нижние, заостренные концы в берег. Мелкая рыба не замедлит броситься к зеленым листьям, а за ней придет и крупная. Дни в два рыба привыкнет держаться около кустов, которые впоследствии, когда листья поблекнут, можно переменять по ночам. Так же поступают и на больших реках, где удят с лодки, привязав к ней связку вершин древесных или куст. Если место не так глубоко, то лодка стоит на *приколе*, то есть привязанная к длинному колу, воткнутому во дно; если же глубоко, то лодка держится на веревке с камнем, опущенным на дно.

Осенью для ужения крупной рыбы по утрам и вечерам надобно выбирать самые глубокие места; но около полудня рыба уже не прячется от солнечного зноя, как летом, под траву, кусты, тень нависших берегов и даже тень мостов; напротив, обрадовавшись теплоте солнечных лучей, она стаями выплывает на поверхность воды, хватая падающие на нее увядающие листья и всяких насекомых. Тут надобно удить как можно мельче и предпочтительно на всяких насекомых.

Есть осеннее ужение "*нахлыстом*", как выражаются рыбаки, которого мне не довелось испытать, но которое, говорят, бывает очень удачно. Оно особенно выгодно и приятно потому, что в это время другими способами ужения трудно добывать хорошую рыбу; оно производится следующим образом: в маленькую рыбацкую лодку садятся двое; плывя по течению реки, один тихо правит веслом, держа лодку в расстоянии двух-трех сажен от берега, другой беспрестанно закидывает и вынимает наплавную удочку с длинной лесой, насаженную червяком, кобылкой (если они еще не пропали) или мелкой рыбкой; крючок бросается к берегу, к траве, под кусты и наклонившиеся деревья, где вода тиха и засорена падающими сухими листьями: к ним обыкновенно поднимается всякая рыба, иногда довольно крупная, и хватает насадку на ходу. Вероятно, вместе с сухими листьями падают в воду какие-нибудь насекомые, и потому падение листьев привлекает рыб. Я много раз сам наблюдал, как хватает рыба упавшие листья и уносит вглубь: некоторые листочки всплывают, а другие пропадают; может быть, рыба глотает те из них, которые еще зелены. В тихое время и на тихой воде, в верховьях прудов, где материк стоит наравне с берегами,

обросшими лесом, листья застилают воду иногда так густо, что трудно закинуть удочку, и если грузило легко, то крючок с насадкой будет лежать на листьях; разумеется, надобно добиться, чтобы крючок опустился и наплавок встал; удить надобно всячески, то есть и очень мелко и глубоко, потому что рыба иногда берет очень высоко, под самыми листьями, а иногда со дна. Это ужение имеет одну невыгодную сторону: в листьях трудно разглядеть наплавок; но зато рыба охотно и смело берет под листовым покрывалом, и прозрачность осенней воды в этом случае помогает успешному ужению, ибо рыба издали видит упавшую в воду насадку, а человека не видит. Берут по большей части окуни, средние головли, язи и крупные ельцы. Впрочем, может взять и всякая рыба. Приятность этого ужения состоит в том, что оно спокойно и что в позднее осеннее время нельзя в других местах выудить никакой порядочной рыбы, кроме хищной; а из-под листьев мне случалось выуживать хороших язей, головлей и очень крупную плотву: последняя брала на хлеб, а первые -- на крупных земляных червей.

Во всякое время года выгодны для ужения *перекаты* (мелкие места реки), устья впадающих речек и ручьев, ямы, выбитые падением воды под мельничными колесами и вешняками. Перекаты -- проходное место рыбы, переплывающей из одного омута в другой, скатывающейся вниз, когда вода идет на убыль, и стремящейся вверх, когда вода прибывает; перекаты всегда быстры, следовательно удить надобно со дна и с тяжелыми грузилами. Течение воды будет тащить и шевелить насадку на крючке, и проходящая рыба станет хватать ее.

При устьях впадающих речек и ручьев всегда держится мелкая рыбешка, а около нее держатся все породы хищных рыб: щуки, жерихи, судаки, окуни и даже головли, которые, несмотря на свою нехищную, по-видимому, породу очень охотно плещут маленьких рыбок. В глубоких ямах, выбиваемых паденьем полой воды под вешняками или скрынями, всегда водится много крупной рыбы. Под шумом воды, падающей с мельничных колес, также всегда стоит рыба, хотя и не так крупная.

Из всего этого не следует заключать, что только в местах, мною исчисленных, должна клевать рыба. Где есть вода, там она может плавать, следовательно, и брать на удочку. Рыба пользуется этой свободой, и нередко клев ее бывает так прихотлив, что приводит в недоумение опытного рыбака.

До сих пор мы говорили о реках. О выборе мест в небольших речках и ручьях, где ловится на удочку форель (пеструшка), кутема и лох, нечего сказать особенного: такие места, то есть небольшие омуточки или ямки, переменяются беспрестанно, и об этом будет сказано в статье об ужении форели. Выбор мест для ужения в проточных прудах, заросших травой и камышами, имеет свои особенности. Ужение в их материке (материком называется русло настоящей реки) есть ужение речное. Тут нет выбора мест, зависящего от положения берегов, ибо вода затопила их и стоит выше земной поверхности на аршин, иногда и более; тут надобно знать положение дна, заметив его при спуске полой воды или, если этот пруд вам незнаком, ощупав дно рыбачьим лотом. (Лотом называется маленькая гиря или большая свинцовая пуля, привязанная на длинный шнурок.) Отлогое дно, идущее от берега в глубину, твердое, не заросшее травой, не имеющее задевов, без сомнения есть самое лучшее место; но здесь ужение производится уже с лодки или с нарочно устроенных для того мостков или плота. Для ужения в *полях*, то есть в разливе пруда, проросшего травой и камышами, как это особенно бывает в губерниях черноземных, надобно выбирать местечки поглубже, не заросшие травой или камышом. Летом вся рыба бросается туда и полой делаются единственным и обильнейшим местом для ужения, о чем мы поговорим подробнее в своем месте. В озерах, если берега их обросли травой и кустами, выбор мест для ловли удочкой во многом сходен с выбором мест в реке. В копаном пруде берега и дно везде одинаковы, и потому можно удить где угодно. Впрочем, всегда надобно соображаться с привычками самой рыбы: где она больше

держится, там и удить. Опыт -- лучший указатель в этом деле.

Места для ужения получают особенные достоинства от прикормки.

ПРИКОРМКА

Прикормкою называются бросаемые в воду хлеб, хлебные зерна, квасная гуща, червячки и вообще все то, что ест рыба. Много есть рыбаков-охотников, которые целый век удят без прикормки и даже не находят в ней большой пользы, но последнее несправедливо: прикормка дело великое, и не только доставляет обильнейший лов, но дает возможность выуживать рыбу в таком месте, где без прикормки вы бы никак ее не выудили, и в такое время года, когда эта порода рыбы перестала уже брать. Разумеется, мы говорим о прикормке постоянной, которую хорошо готовить следующим образом: берутся хлебные зерна ржи, овса, пшеницы или какие есть; прибавляются отруби, корки ржаного хлеба, особенно пригорелые (рыба далеко слышит их запах), все это кладется в чугунок, наливается водой и ставится в жаркую печь, сутки на двое так, чтобы совершенно разопрело.

Прикормки бывают *временные* и *постоянные*. Временною прикормкою мы называем бросанье оной во время ужения, или с вечера накануне, или перед самым ужением. Можно бросать и червей и раков, расщипанных в куски. Постоянную называется опущение в воду, на самое дно, мешка с прикормкою, сейчас мною описанною; величина мешка произвольная, но весьма достаточно, если он будет четверти две с половиной в длину и полторы в ширину. Мешок должен быть сшит из рединки, так, чтобы не только просачивалась жидкость, но и зерна местами высывались. Мешок с такою прикормкою, с камнем для тягости, привязанный на веревочке, опускается на самое дно в избранном для ужения месте. Мешок надобно класть недалеко от берега, так, чтобы удочки ходили около него впереди, для того чтобы подходящая к прикормке рыба прежде встречала насаженные крючки. Мешок должен быть привязан шнурком к маленькому кольищу, который втыкается в берег или под берег так, чтобы его нельзя было и приметить никому и чтобы только хозяин мог его отыскать. Шнурок нужен, во-первых, для того, чтобы, в случае надобности, можно было перенести мешок с прикормкою на другое место, и, во-вторых, для того, что если вы заденете за него удочкой, то можете вытащить мешок и крючок отцепить, а без шнурка вы оторвали бы его. Задеть можно при всей осторожности: сама рыба натащит. Мне случилось один раз зацепить крючком за мешок; я вытащил его посредством шнурка и нашел припиленную к нему крючком моей удочки плотицу.

Постоянная прикормка должна лежать с неделю, прежде чем начнется ужение; очень полезно, сверх того, побрасывать всякий день прикормки особо, горсти по две, по утрам или вечерам. Если сделать такую прикормку с весны, сейчас как сольет вода, покуда не выросла трава около берегов и на дне реки, пруда или озера и не развелись водяные насекомые, следственно в самое голодное для рыбы время, то можно так привадить рыбу, что хотя она и высосет прикормку из мешка, но все станет приходить к нему, особенно если поддерживать эту привычку ежедневным бросаньем прикормки в одно и то же время; разумеется, уже в это время предпочтительно надобно и удить.

Прикормка постоянная имеет еще ту выгоду, что менее приманивает мелкой рыбы, чем временная.

Нет никакого сомнения, что не только можно, но и должно на то удить, чем прикармлиена рыба, то есть: на хлеб и на распаренные хлебные зерна; но охотники редко выдерживают такую последовательность и спешат предложить дорогим гостям вкуснейшие и любимейшие ими кушанья, как-то: червей, раков и др. В оправданье охотников можно сказать то, что на хлеб и зерна некоторые породы рыб, особенно хищных, совсем не берут; за что же рыбак добровольно лишает себя возможности их выудить, лишится разнообразия добычи, столь приятного всякому охотнику.

Делаются хлебные прикормки с конопляным маслом, с сыром; пришивают к мешку,

завернувши в тряпочку, маленькие кусочки бобровой струи (даже привязывают их к крючкам): все это я пробовал, но никакой особенной пользы не видел; хлебом же или квасною гущею с конопляным маслом, по моему замечанию, скорее можно отвадить рыбу; я два раз испытал это очевидно на карасях. Я уверен, впрочем, что должна существовать такая лакомая пища для рыбы, которая имеет силу непременно собрать ее в одно место: но покуда еще не сделано этого важного открытия.

Хотя после всего мною сказанного нельзя оспоривать, что постоянная прикормка очень выгодна для ужения, но, повторяю, есть охотники, которые предпочитают ужение без прикормки. "Что за удовольствие, -- говорят они, -- поймать рыбу, которая посредством долговременной привычки сделалась почти ручной, приваженною есть корм без всякого опасения, в известное время, как дворовая птица? Тут пропадает искусство удить, тут почти равняется умеющий с неумеющим рыбаком; тут не нужны ни труд, ни забота, ни бессонные ночи. Нет, изучить, отгадать местопребывание, свойство и вкус осторожной, пугливой, вольной рыбы, привлечь и обмануть ее искусною насадкой, подстеречь ее прикосновение к крючку -- вот в чем наслаждение рыбака! Одна такая рыба стоит десяти прикормленных!" Несмотря на то, что я много уживал с прикормкой, продолжаю и теперь удить и защищаю ее выгоды, я должен признаться, что в возражении против нее -- много правды, если смотреть на ужение только с его поэтической стороны.

ОБ УМЕНИИ УДИТЬ

Нет, кажется, ничего проще, как взять удочку, насадить червячка или кусок хлеба, закинуть в воду и, когда погрузится наплавок, вытащить рыбу на берег. Все это правда, а не менее того и то правда, что существует большое умение удить рыбу. Для приобретения вполне этого умения надобно много опытности и даже некоторых особенных способностей. Например, нужны: ловкость в руках и искусство сохранять натуральный вид червяка, рака и насекомых, насаживаемых на крючок; острое зрение для наблюдения за движениями наплавка, иногда едва приметными и вовсе непонятными для непосвященного в таинство ужения; нужно неразвлекаемое внимание, ибо клев рыбы, смотря по временам года и по насадке, бесконечно разнообразен; нужны сметливость и догадка... Вы уже смеетесь, вы подумали, любезные читатели, что я хочу исчислять все качества, необходимые ружейному охотнику, о которых напечатано в "Совершенном егере", и дойду наконец до "*острых, прямых зубов?*" Хотя их не худо иметь каждому человеку, но я скажу вам нечто другое. Настоящему рыбаку, охотнику-артисту, необходимо изучение нравов рыб, а это самое трудное и темное дело, хотя рыбы живут и в прозрачных чертогах. Нравы их должно отгадывать; данных очень немного, и потому надобно иметь и проницательность и соображение, а сколько труда, беспокойства!.. Вечерняя и утренняя заря -- наилучшее время для наблюдения нравов рыб, относительно их пищи, а летом, как говорится, заря с зарей сходится... итак, наблюдателю немного часов останется спать.

Если бы кто-нибудь вздумал спросить меня хотя ради шутки: что я разумею под словами "*нравы рыб?*", то я отвечал бы, что под этими словами я разумею вообще природные свойства рыб, то есть в каких водах преимущественно любят жить такие-то породы рыб, что составляет их любимую пищу, в какое время года и в какое время дня держится рыба в таких-то местах, и проч. и проч.

Надобно признаться, что мы очень мало знаем эту любопытную сторону натуральной истории в *жизни* обитателей вод. Все, что мне случалось читать, весьма неудовлетворительно, а иногда и очевидно не верно. Рассказы рыбаков по ремеслу, которые, впрочем, редко и мало занимаются ловлею на удочку, конечно, могут быть очень полезны, но эти люди часто смотрят с отвращением на свое ежедневное, трудовое занятие, работу, доставляющую им скудный кусок насущного хлеба. У них нет любви к своему делу, следовательно не может быть внимания и наблюдательности образованного человека, но повторяю, что рассказами их очень можно воспользоваться. Говоря о каждой

породе рыб отдельно, я скажу все то небольшое, что знаю о их нравах, также о клеве и способах удить. Предупреждаю моих читателей, что хотя все, мною сказанное, будет совершенная правда, но легко может оказаться неудачным и даже безуспешным в исполнении. Не только в разных водах у одних и тех же пород рыб бывают разные вкусы и свойства, но в одной и той же реке нравы их изменяются с течением времени. Вероятно, это зависит от изменения свойств воды, берегов дна и обыкновенного рыбьего корма. Например, от усиленного народонаселения, скотоводства, постройки мельниц вода делается мутнее и теплее; берега теряют обраставшие их прежде травы, в разливах прудов вырастают новые, свойственные только воде мелкой и запруженной; породы рыб отчасти замещаются другими; рыба от сытного корма делается не так жадна, а с тем вместе изменяется ее клев. Итак, мне остается сказать только об одних общих правилах относительно умения удить.

Первое. Важнейшее дело в умении удить -- умение хорошо устроить удочки; об этом уже было говорено, но я повторяю вкратце: удилище должно быть прямо, гладко, легко, ловко для подсечки, конец его гибок; леса должна быть ровна и ссучена не круто. Крутая леса будет свиваться, наплавок станет вертеться, крючок с насадкою приподниматься кверху, и если в этом положении возьмет рыба, то по большей части случится промах. Это несносно на ужение и даже пугает рыбу; такую лесу или надобно рассучить, что довольно хлопотно, или бросить. Узелки, которыми поводок привязан к лесе и крючку, должны быть невелики, без махров; поводок должен идти от внутренней стороны крючка; крючок -- хорошо загнутый, всегда острый: как скоро жало притупляется, сейчас переменить крючок;

[Чтобы жало крючка не тупилось, надобно не втыкать его никогда в удилище, что делается весьма часто.]

насадка свежая, живая, насажена искусно. Вся удочка должна быть соразмерна в своих частях, красива, даже изящна. Такая удочка -- большая порука за успех.

Второе. Не менее важно уметь пользоваться благоприятною погодою и временем дня. Самые драгоценные часы для ужения -- раннее утро. Нет никакого сомнения, что в это время рыба голоднее, берет охотнее и смелее, потому что вода еще не так прозрачна, и что оттого рыба заклевывает вернее. Вечером также рыба берет охотнее, чем в продолжение дня, особенно поздно вечером: тогда и крупная рыба начнет смело ходить около берегов даже на местах очень чистых и мелких, и хотя рыба ест во всякое время дня, но вечером она жаднее ищет корма. Чем жарче погода, тем надобно удить ранее: среди лета, в ясные знойные дни, едва блеснет белая полоса на востоке, охотник должен быть на месте ужения: мы разумеем ужение крупной рыбы и особенно на прикормленном месте; покуда рыбак бросит прикормку, разовьет и насадит старательно удочки, уже займется заря, начнут выскакивать пузыри со дна на поверхность воды от идущей со всех сторон рыбы, и клев наступает немедленно. Он не продолжается долго, часов до шести. Как только солнце хорошенько обогреет и лучи его поглотят утреннюю прохладу, ступайте на другое место удить среднюю или мелкую рыбу, или ступайте с своею добычею домой и ложитесь спать. В дождливую и прохладную погоду не нужно начинать удить так рано, особенно весной и осенью, даже можно удить почти целый день.

Третье. Весьма также важно знать, в каких местах, в какое время года и в какую погоду держится рыба. Можно получить об этом некоторое понятие, прочтя все написанное мною; но узнать настоящим образом этого нельзя по одному описанию; тут необходимо знание опытное, собственное наблюдение. Иногда место и время кажется очень хорошо, со всеми выгодами, а рыбы нет или она не берет; иногда совсем наоборот: рыба клюет и в дурное время и на плохих местах. Никак нельзя оспаривать, что у рыбы есть любимые места, по-видимому, без всякой причины. Самые благоприятные дни для ужения -- дни теплые, серые, с перепадающими дождями и особенно тихие: при одном только ужении окуней и плотвы даже сильный ветер бывает иногда полезен. В знойные, безоблачные дни можно удить только рано поутру и поздно вечером (о полдневном ужении поговорю особо); но в серые, с перепадающими дождями дни можно удить целый день. Хотя иногда

набежит туча с грозой и сильным вихрем, с частым и крупным дождем, который забьет ваши наплавки под траву, в шумные брызги и пузыри изрубит гладкую поверхность воды, взмутит ее, если она неглубока, отнесет длинные плетеницы трав туда, где их не бывало, так изменит положение места ужения, что вы сами его не узнаете... но туча пронеслась, влажная, парная теплота разливается в воздухе, мгновенно наступает глубокая тишина, все приходит в порядок: круглые, зеленые лопухи медленно отплывают на свое прежнее место, длинные листья прибрежной травы снова расстилаются широко над водою, и рыба, испуганная на время внезапным возмущением стихий, с новой жадностью бросается на ваши, между тем оправленные, крючки. Теперь поговорим собственно о процессе ужения.

Четвертое. Охотник должен наблюдать возможную тишину и стараться, чтобы рыба его не видала, особенно, если вода светла, место неглубоко и удочки закидываются недалеко от берега. На воде мутной, на значительной глубине, также под шумом мельничных колес или падающей воды и при далеком закидывании удочек можно наблюдать менее осторожности.

Пятое. Удочку должно закидывать, не шлепая по воде удилищем, всегда подальше и потом привести на то место, на котором вы назначаете держаться наплавку (не дав крючку лечь на дно); закинутую же удочку никак не должно *подтаскивать* к берегу, а если это нужно, то вынуть ее совсем и закинуть ближе: подтаскивая, сейчас заденешь за какую-нибудь неровность дна.

Шестое. Без надобности не должно часто вынимать удочки, особенно при ужении крупной рыбы: этим можно испугать ее; но если беспрестанно дергает мелкая рыба, то неминуемо должно часто вынимать и оправлять или переменять испорченную насадку; но делать это следует осторожно и тихо.

Седьмое. Никогда не должно употреблять много удочек. Если вы удите со дна, можете закинуть три удочки, никак не более, насадив их разною насадкою, если она у вас есть и если место ужения просторно. При малейшем движении наплавка надобно сейчас положить руку на удилище, не пошевелив его с места, чтобы в ту же минуту, как скоро рыба погрузит наплавку или значительно потащит в сторону, можно было ее подсечь. Если наплавки ходят на весу, то более двух удочек употреблять не должно: ибо тут иногда вслед за первым движением мгновенно следует погружение наплавки и лишнее число удочек будет мешать; если же вы удите мелкую рыбу, которая берет часто посреди беспрестанного дерганья, то надобно удить на одну удочку и держать удилище в руке, иначе вы будете кидаться от одной удочки к другой и на обеих пропускать время, благоприятное для подсечки.

Восьмое. Знание времени, поры для подсечки, без сомнения, всего важнее в уменье удить; но сделать общее правило, когда надобно подсекать, невозможно, ибо у всякой рыбы особый клев и особая подсечка, и та изменяется по изменению характера клева и времени года; хотя о ней будет сказано при описании каждой рыбы отдельно, но это дело так важно в уменье удить, что о нем стоит поговорить особенно. Я слыхал всегда от старых, опытных рыбаков, что всего нужнее дать рыбе *заклевать хорошенько*, то есть: проглотить насадку вместе с крючком и утащить наплавку на дно. Я долго и слепо этому верил; но впоследствии, при собственном внимательном наблюдении, убедился, что это правило никак нельзя принимать безусловно. В отношении к рыбам хищным оно верно всегда, наплавку, точно, погружается; но в отношении к другим породам рыб, особенно некрупным, это правило вредно: они не проглатывают, а берут насадку в рот и плывут в сторону, очень часто не утаскивая наплавку; если встретится какое-нибудь препятствие (и оно встретится непременно от упора натягиваемой лесы), особенно если рыба услышит жесткую спинку крючка, а всего более, если уколется его жалом, то она сейчас выбросит насадку вместе с крючком. Итак, *потяжка* наплавка, то есть время, когда он поедет в сторону, особенно при некотором наклонении нижнего конца -- есть настоящая пора для подсечки. Подсекать должно всегда живо, но не слишком сильно, всегда несколько вверх и в противоположную сторону той, куда рыба тащит наплавку. Это последнее правило еще нужнее соблюдать, когда удишь со дна.

Девятое. Как можно надобно стараться, чтобы не класть удилища на воду и не

погружать их концов в воду. Если позволяет место, то можно легонько втыкать концы удилиц в берег, или класть их на береговую высокую траву, или подставлять под них рогульки, которые заблаговременно можно воткнуть у берега в воду на местах, где вы постоянно удите. Это чрезвычайно нужно для скорости и верности подсечки. В таком случае необходимо класть удилица на воду, если она, по отмели, далеко проросла травой, так что удилице едва достает ее края, а иногда и не достает. При таком неудобном ужении надобно тащить заклевавшую рыбу, если можно, прочь от себя или прямо до самой поверхности воды и потом выкинуть на берег. Это делается для того, чтобы рыба не запуталась в траве, куда она (особенно крупная) сейчас бросается.

Десятое. Леса, от удилица до наплавка, особенно, если она длинна, не должна слишком много погружаться в воду; она может задесть за что-нибудь на мелком дне у берега, и вы сделаете промах.

Одиннадцатое. Не должно вытаскивать рыбу с одного приема, из всей силы: у мелкой рыбы вы станете рвать губы и забрасывать так далеко на берег, что иногда не скоро в траве и найдете, даже потеряете; а с крупной рыбой можете порвать лесу или сломать удилице. Надобно быстро подсечь, и если рыба невелика, то легонько ее вытащить; если же вы посылите большую рыбу, то после подсечки, которая должна быть довольно сильна, чтобы жало крючка могло вонзиться глубже, надобно дать ей свободу ходить на кругах, не ослабляя лесы, и не вдруг выводить на поверхность воды, а терпеливо дожидаться, когда рыба утомится и сделается смирна; тогда, смотря по удобству берега или подведя поближе, взять ее рукою под жабры, если берег крут -- или вытащить ее таском, если берег полог, для чего надобно отбежать назад или в сторону. Впрочем, это непростительная вина удить, не имея с собою сачка в таких местах, где может взять крупная рыба. При вытаскивании крупной рыбы без сачка, увидев и услышав ее, надобно подводить к берегу, особенно крутому, в таком положении, чтобы голова рыбы и верхняя часть туловища были наружи и приподняты кверху: само собою разумеется, что это можно сделать с толстой крепкой лесой, в противном случае надобно долго водить рыбу сначала в воде, потом на поверхности и подтаскивать ее к берегу очень бережно, не приподымая уже головы рыбьей кверху, и потом взять ее рукою, но непременно в воде.

Двенадцатое. Если возьмет очень большая рыба и вы не умеете или не можете заставить ее ходить на кругах в глубине, если она бросится на поверхность воды и пойдет прямо от вас, то надобно попробовать заворотить ее вбок, погрузив удилице до половины в воду; если же это не поможет и, напротив, рыба, идя вверх, прочь от вас, начнет вытягивать лесу и удилице в одну прямую линию, то бросьте сейчас удилице в воду. Это одно спасение: если вы станете упорствовать, то потеряете и рыбу и удочку, ибо без гиби, происходившей от конца удилица, леса непременно и в одну минуту порвется. Рыба утомится, плавая на брошенном вами удилице, и прибьется или к берегу, или запутается в траву на мелком месте: там можете вы удобнее взять ее руками.

Тринадцатое. При вытаскивании большой рыбы никогда не должно брать рукой за лесу, хотя бы и казалось это очень удобным: тут может случиться та же потеря, о которой я сейчас говорил. В одном только случае надобно прибегнуть к этому средству: если у вас переломится удилице очень высоко тогда, нечего делать, надобно поймать обломанный конец удилица и полегоньку подвести рыбу к мелкому месту или пологому берегу и, взяв рукой за лесу на аршин или менее от рыбы, выволочь ее таском на берег. Если же место глубоко и берег крут, то, подведя к нему рыбу и придерживая на слаби левою рукою за лесу -- правую взять рыбу под жабры и выкинуть на берег, как уже и было мною сказано. Должно всегда помнить, что леса, особенно не толстая, только потому выдерживает тяжесть большой рыбы, что она плавает в воде, что вода гораздо гуще воздуха, следовательно лучше поддерживает рыбу, и что гибкий конец удилица служит, так сказать, продолжением лесы.

Четырнадцатое. Если рыба на удочке запутается в траве, то никак ее не тащить; напротив, ослабить лесу и дать рыбе свободу выпутаться самой из травы, что она почти всегда делает: нужно только терпение. Наплавков или леса сейчас вам покажет, что рыба пошла в ход; тогда надобно проворно вывести ее на чистое место и далее поступать так,

как я сейчас говорил. Если же по прошествии долгого времени рыба не отпутьвается и слышно по руке, что она крепко затянулась и задела на дне за корни травы или корягу, то надобно лезть в воду и отцепить руками: тут сохранится иногда и удочка и рыба, или надобно достать длинный шест, вырезать на тонком конце его углубление (род рогульки) и, дойдя им по лесе до крючка и до корня травы, за которую он зацепил, легонько вырвать траву из дна или отцепить от коряги; в этом случае рыбу уже трудно сохранить.

Пятнадцатое. Никогда не должно уходить с места, не попробовав поудить на удочки разной величины и разной глубины и на все роды насадок, какие у вас есть. Рыба бывает непостижимо своенравна и прихотлива, по крайней мере так кажется нам по нашему неведению: сколько раз со мной случалось, что на удочку, хуже других устроенную, не на месте лежащую, на один и тот же обрывок червяка или рака беспрестанно брала хорошая рыба, тогда как наплавки других удочек, во всем ее превосходящих, с живою, лакомою насадкой, лежали неподвижно; таким указанием пренебрегать не должно, и, не *мудрствуя лукаво*, советую, оставя другие удочки, продолжать удить на ту, на которую берет, то есть на счастливую, насаживая на нее не целых червей и раков, а небольшие обрывки их и закидывая удочку на то же самое место. Кто знает, может быть положение дна так выгодно для лежания насадки, что она видна со всех сторон?

Шестнадцатое. Хотя справедливо мнение, признанное всеми рыбаками, что рыба ходит высоко в августе и сентябре, а в прочие месяцы ходит низко, но к этому надобно прибавить, что состояние погоды совершенно изменяет ход рыбы. Если погода стоит жаркая и солнечная то еще в исходе июля рыба поднимается высоко и держится под навесом трав, преимущественно широколистных, что продолжается в августе и даже в сентябре -- до наступления холодного времени; впрочем, рыба опускается не столько от холодной погоды, как от дождей и сильных ветров: вообще, крупная рыба держится глубже мелкой. Итак, главнейшее правило состоит в том, чтобы соображаться с временами года и состоянием погоды: на дворе тепло, ясно и тихо -- рыба гуляет везде, даже по самым мелким местам (особенно вечером), следовательно там и надобно ее удить; наступает ненастье, особенно ветер -- рыба бросается в траву, прячется под берегами и кустами: должно искать ее там; наступает сильный холод -- рыба становится на станы, то есть разделяется по породам, собирается стаями и ложится на дно в местах глубоких: надобно преследовать ее и там и удить очень глубоко. Такие станы, известные рыбакам, и зимою дают возможность, прорубя над ними проруби, удить рыбу, несмотря на стужу.

Кажется, я все сказал, что более или менее составляет уменьше удить или к нему относится. Говоря сколько можно вообще, я не мог избежать и частных, которые неминуемо должны повториться в своем месте.

Теперь следует сказать несколько также общих замечаний о "клеве" и причинах неудачи в ужении, зависящих от характера самого рыбака.

Рыба не всегда клюет одинаково. Никак нельзя ручаться, чтоб превосходный клев вдруг не изменился. У рыбаков существуют на этот счет разные мнения. Одни говорят, что рыба перестает брать перед ненастьем, что она *слышит* ненастье, и я считаю это мнение справедливым. Много раз случалось мне замечать, что в прекрасную погоду вдруг рыба переставала брать, и почти всегда, через сутки или ближе, наступало упорное ненастье, то есть сильные, продолжительные дожди с холодным ветром. Я замечал также, что рыба потом привыкала к дурному времени и начинала опять брать, хотя не так хорошо, как прежде; за сутки же до наступления ведра клев восстанавливался прежний. Другие рыбаки убеждены, что рыба отлично берет *"на молодую"* и очень плохо -- на *"ущерб месяца"*. С этим согласиться я не могу, потому что мои наблюдения этого не подтверждают. Вот положения, выведенные мною из многочисленных опытов и не подлежащие сомнению: 1) Рыба клюет жаднее, когда нет травы, и предпочтительно весной, сейчас по слитии полой воды. 2) Чем жарче становится летом, тем хуже клюет рыба, и в сильные летние жары только самое раннее утро и поздний вечер могут дать рыбаку что-нибудь порядочное. 3) В середине лета рыба очень неохотно клюет на *навозного* червяка, а на хлеб лучше, чем в другое время года; всего же лучше -- на рака, особенно линючего. 4) Прохладная, не ярко солнечная погода выгоднее для ужения летом, потому что рыба менее гуляет и держится

глубже на местах, известных охотнику.

Никак нельзя спорить, что в ужении, как и везде, многое зависит от счастья и что есть счастливые рыбаки, так же как есть счастливые игроки. Иначе мудрено будет объяснить ни на чем не основанную удачу одного и ничем не заслуженную неудачу другого. Но, как счастливый игрок, без уменья, нередко, остается в проигрыше, так и счастливый рыбак, без уменья, выуживает мало. Везде надобны твердость, терпенье и уменье воспользоваться счастьем. Нетерпеливый рыбак, раздосадованный тем, что у его соседа-рыбака на дурном месте, на грубо устроенную удочку, на глупую, несвоевременную насадку частехонько поклевывает рыба, а его удочки, мастерски устроенные, по-охотничьи насаженные, лежат неподвижно, нередко бросает выгодное прикормленное место, переходит на другое, на третье, пропускает удобное время и возвращается домой с пустыми руками, тогда как сосед, перейдя на оставленное им место, несмотря на плохие удочки и неуменье удить (отчего, разумеется, он потеряет половину рыбы), возвращается домой с полным кошельком. Впрочем, это более касается до характера, а не до уменья удить. Вообще не должно никогда гневаться на неудачу. Я много знавал рыбаков, у которых если сначала что-нибудь не удавалось, например: запутывалась или зацеплялась удочка, а всего хуже, если срывалась первая хорошая рыба, то они, рассердясь, и насаживать начнут дурно, и подсекать станут рано и слишком резко, да и удить бросят. Таким образом, будучи сами кругом виноваты, эти нетерпеливые охотники обыкновенно обвиняют свое несчастье.

Об ужении на крючки с готовыми, искусственными насекомыми я ничего не могу сказать, потому что сколько раз его ни пробовал, пробы были неудачны.

Ужение форели (пеструшки), кутемы и лоха, или красули, имеет совсем особенный характер, если производится на быстрых, мелких речках; в верховьях же прудов тех же самых речек, в которых иногда водятся эти породы рыб, оно ничем не отличается от обыкновенного ужения, ибо вода уже в них глубока и не совсем прозрачна. Удить форель в речках незапруженных и мелких, следовательно совершенно прозрачных, надобно с величайшею осторожностью: малейший шум, человеческая тень, мелькнувшая на поверхности воды, мгновенно заставят спрятаться под берег или корни деревьев пугливую рыбу, из-под которых она не выходит иногда по нескольку часов. Высмотрев издали удобное место,

[Удобными местами считаются омуточки, ямки, где вода завертывается и бежит тише и где форель выпрыгивает иногда на поверхность, ловя червячков, падающих с деревьев, мошек и других насекомых.]

надобно подкрадываться из-за кустов и, пропустив сквозь них длинное прямое удилище, на конце которого навита коротенькая леса без наплавка с небольшим грузилом, крючком и насадкою красного навозного червяка, тихонько развить лесу и опустить в воду; если рыба вас не увидит, то она схватит в ту же секунду, иногда едва допустит червяка погрузиться в воду. Если же вы опустите крючок и рыба не берет немедленно, то значит: или ее нет, или вы ее испугали. Сейчас надобно идти на другое место. Для ужения выбирают по речке, как я уже сказал, небольшие омуточки. На одном месте никогда более пяти, много шести рыб не выудишь. Иногда можно закидывать удочку, спрятавшись за крутыми берегами, густыми деревьями или кустами, *не пропуская сквозь них удилища*: в таком случае леса должна быть подлиннее. Надобно признаться, что ужение довольно беспокойно и утомительно. Пеструшка и особенно лох, по словам некоторых охотников, охотно берут на маленькую рыбку.

Пеструшка, хотя очень редко, попадает иногда довольно большая; я не выуживал более двух с половиною фунтов, но достоверно знаю, что другие рыбаки выуживали в пять фунтов и более. Лох бывает огромной величины: я видел лоха в двадцать семь фунтов; он зашел, в весеннее водополье, в маленький ручей и был пойман недоткой. В небольшой речке и на малой глубине возиться с рыбой очень трудно. Водить неловко, из

берегов торчат корни, на берегах кусты и деревья, а леса по большей части бывают нетолстые, крючок небольшой, удилище негнупкое, а рыба самая бойкая... Беда да и только! При таких обстоятельствах мудрено избежать несчастной потери. Впрочем, очень крупная рыба редко берет в маленьких омуточках, а более в верховьях прудов, в местах глубоких: там хорошему охотнику с средними удочками обыкновенного устройства нечего бояться отчаянных прыжков этой бешеной на удочке рыбы, и драгоценная добыча не уйдет от его сачка.

Ужение около полдён, о котором я обещал сказать особо, в жаркие летние дни производится в таких местах, где густая тень покрывает воду, как-то: под мостами, плотами, нависшим берегом, толстыми пнями и корягами, нередко торчащими в воде, под густым навесом трав, расстилающихся иногда над значительною глубиною. Особенно окуни любят стоять в тени и берут в полдни довольно хорошо; иногда хватит язв и головль даже на мелкопущенную удочку. Но только в проточных прудах, заросших камышами и травами, полдненное ужение имеет настоящее значение. Летом в жаркий день, часов с девяти утра, вся порядочная рыба уйдет из материка и чистых мест разлива в полои, проросшие разными травами и зеленым густым лесом камыша, над которым возвышается уже палочник своими пуховыми темно-коричневыми султанами. В травах и камышах всегда бывают местечки поглубже других, которые никогда не зарастают и которые называются "протоками". Вот тут-то надобно удить, разумеется на лодке. В траве около таких мест, в надлежащем расстоянии, заблаговременно втыкаются колья, к которым привязывается лодка для того, чтобы она не качалась. Тут непременно нужны длинные удилища, ибо лодка должна стоять недалеко от места ужения и удилища кладутся на траву. В камышах же ненадобно кольев. Подогнав осторожно лодку к незаросшему месту, надобно стать к нему боком, так, чтобы лодка и рыбак совершенно были спрятаны в камыше, которого горсти по две с обеих сторон захватываются и подгибаются под себя: рыбак плотно сядет на них, и лодка будет стоять неподвижно. Удилища должны лежать поперек лодки. По большей части вода бывает неглубока, тем более надобно тишины и осторожности в движениях, особенно при вытаскивании рыбы, которая очень хорошо берет в таких местах и очень крупная. Это ужение в полоях имеет особенную важность потому, что в знойное летнее время, кроме раннего утра и позднего вечера, и то на местах прикормленных, трудно выудить что-нибудь порядочное и в материке пруда, и в его верховье, и в реке, тогда как здесь добыча бывает иногда чрезвычайно изобильна и разнообразна. Весело смотреть на *кружок*,

[Кружком называется мешок из крепкой частой сети; в середину его вставляется обруч, нижний конец завязывается наглухо, а верхний собирается на крепкий шнурок, которым он и привязывается к чему случится.]

привязанный к лодке с противоположной стороны, в котором ходят крупные окуни, язв, головли, лини, лещи и даже щуки!

Но, кроме сказанных выше причин, полдненное ужение на лодке имеет, по крайней мере для меня, своего рода совершенно особенную прелесть. Для многих она покажется непонятною; для многих даже невыносимы палящие лучи летнего полдненного солнца, которое, отражаясь в воде, действует с удвоенною силою; но я всегда любил и люблю жары нашего кратковременного лета. Пышет знойный полдень. Совершенная тишина. Не колыхнет зеленый, как весенний луг, широкий пруд, затканный травами, точно спит в отлогих берегах своих; камыши стоят неподвижно. Материк и чистые от трав протоки блестят, как зеркала, все остальное пространство воды сквозь проросло разнообразными водяными растениями. То ярко-зеленые, то темноцветные листья стелятся по воде, но глубоко ушли корни их в тинистое дно; белые и желтые водяные лилии, цвет лопухов, попросту называемые кувшинчиками, и красные цветочки темной травы, торчащие над длинными вырезными листьями, -- разнообразят зеленый ковер, покрывающий поверхность пруда. Какая роскошь тепла! Какая нега и льгота телу! Как приятна близость воды и возможность освежить ею лицо и голову! Рыбе также жарко: она как будто сонная

стоит под тенью трав. Завидя лакомую пищу, только на мгновение лениво выплывает она на чистые места, пронзаемые солнечными лучами, хватает добычу и спешит под зеленые свои навесы.

Всякому рыбаку известно, что нередко случается задевать крючками удочек за неровное дно, берег, камни, травяные и древесные корни, торчащие в воде неприметно для зрения, или ветви целых деревьев, нередко в ней лежащих. Много пропадает от того крючков и даже лес. Избежать таких невзгод нельзя, особенно если удишь в водах неизвестных; притом рыба, преимущественно окуни, именно в таких крепких местах любит держаться и, попавшись на удочку, сама натаскивает ее на задев. Итак, для отдевания удочек всегда надобно иметь гладкое железное кольцо, вершка в полтора в поперечнике, в один фунт или менее веса, привязанное на длинном, тонком и крепком шнурке; продев в него задний конец удилица задевой удочки, надобно дать кольцу свободу бежать вниз сначала по удилищу, а потом по лесе, которую в это время держать несколько ослаби: кольцо, дойдя до крючка, отденет его своею тяжестью.

[Я читал в одной французской книжке, что такое кольцо делается с двумя крючками, крепко припаянными к внешней стороне кольца один против другого, для того чтобы, задев крючками за корягу, за которую зацепилась удочка, можно было ее вырвать и тем спасти крючок]

За неимением кольца можно довольно успешно отдевать удочки шестом, точно так, как я говорил об отдеванье запутавшейся в траве рыбы. Но может случиться, что нет ни кольца, ни шеста и некому лезть в воду, чтобы отцепить крючок -- потеря его неизбежна; остается оторвать и сколько можно сохранить лесу; для этого нет другого средства, как навивать ее на удилище до тех пор, пока она лопнет.

Никогда не должно спешить отдеванием зацепившейся удочки. Очень часто бывает, что рак затаскивает крючок в нору, а рыба -- под берег. Удилище надобно положить, не натягивая лесы; нередко случается, что через несколько времени удочка отцепится сама, то есть ее отцепит рыба, или выпустит рак, или вымоет из берега водой.

Иногда удочки отцепляются диковинным образом, но, без сомнения, это делает рыба. Я видел своими глазами, как удочку, задевшую грузилом за крутой берег, отцепила плотва, дернув книзу за крючок. Это и не мудрено; я видел, как крючок, воткнувшийся в деревянную плаху очень крепко, потому что я несколько раз сильно дергал удочку, рискуя даже оторвать -- был отцеплен рыбой, которая, схватив насаженный крючок сзади и потянув вниз, весьма легко сняла его с дерева. Этого мало -- я задел один раз крючком на глубоком месте так крепко, что, пробившись более часа, бросил удочку, чтоб не пугать рыбу и отдеть после. Через полчаса я вижу, что вдруг наплавок исчез, лесу натянуло и тащит в воду, даже удилище; я схватил его и выволок большого окуня: насадка была раковая.

Теперь следует взглянуть вообще на все породы рыб, ловлю которых мы занимаемся.

О РЫБАХ ВООБЩЕ

Стихия рыбы -- вода; назначение -- плавать в ней, для чего снабжена она многими плавательными перьями и ими же опушенным хвостом. Для погружения себя в воду и стояния на всех ее глубинах имеет она во внутренности своей пузырь, лежащий вдоль спинного хребта, наполненный воздухом и перетянутый на две неравные половинки: должно предположить, что посредством сжиманья и разжиманья этого пузыря рыба погружается вниз или поднимается вверх. Дальнейшие подробности внутреннего устройства рыб относятся уже к натуральной истории. Я поговорю о том, как и где живут они и как размножаются.

Трудно вообразить себе плодовитость рыб. Многие из них имеют такую мелкую икру и в

таком множестве, что если б она оплодотворялась и выводилась вся, то каждая рыба производила бы ежегодно, может быть, миллион себе подобных и для помещения их недостало бы воды на земной поверхности. Но не то выходит на деле. Природа недаром снабдила таким изумительным обилием икры каждую рыбу самку, ибо, кроме того, что икра нередко остается неоплодотворенною, она истребляется каждую минуту окружающими ее в воде и живущими над водою в воздухе хищными врагами, для которых служит лакомой пищей. Не могу определить, в каком возрасте рыбы самки начинают *метать*, или *бить*, икру, способную к принятию оплодотворения, а молоки самцов -- получают способность оплодотворять; но то не подвержено сомнению, что икру и молоки через год после своего рождения ежегодно имеют маленькие, молодые рыбки, не достигшие и десятой доли своей природной величины. Каждая порода рыбы мечет икру в свое определенное время, так что эта операция производится почти круглый год.

[Многие охотники утверждают, что некоторые породы рыб мечут икру по два раза в год. Но я никак не могу с этим согласиться. Хотя икра во внутренности рыб (одной и той же породы) бывает точно в разное время года, но это только доказывает, что они мечут икру в разные сроки. Я убежден, что каждая рыба самка мечет икру один раз в год. Убеждение мое я основываю на медленности, с какою икра растет в рыбе: два раза в год -- некогда совершиться этому процессу.]

Когда наступит пора

[Эту пору узнает всякий, взглянув на пойманную в то время рыбу, особенно взяв ее в руки. Кроме того, что она бывает необыкновенно толста, даже пузаста -- из самок течет жидкая икра, а из самцов -- беловатая слизь, похожая на молоко.]

и рыбы самки почувствуют охоту или надобность выкинуть из себя обременяющую их икру, а самцы -- молоки, и те и другие собираются стаями; самцы теснятся вплоть за самками, даже смешиваются с ними: первые выпускают икру, вторые обливают ее молоками; за ними следят другие породы рыб, преимущественно хищные: щуки, окуни, судаки, жерихи, налимы и проч., и даже не называемые хищными головли и язи.

[Я полагаю, что все без исключения породы рыб едят всякую икру, даже собственную свою.]

Все они с жадностью глотают мелкие, как мак, яички, опутанные слизью, плавающие кучками в виде ключев шерсти или паутин, держащиеся на поверхности и на всякой глубине воды. Мечущие икру и молоки самки и самцы, особенно первые, стараются прижаться или удариться об что-нибудь жесткое; они трутся около берегов и водяных растений, предпочтительно около камыша и лопухов, около подводных коряг, корней и камней. Некоторые породы, как-то: лещи, караси и плотва, выскакивают беспрестанно из воды и шлепаются об ее поверхность, чтоб от движения и толчков свободнее вытекали икра и молоки. Сидя тихо и смирно с удочкой на берегу озера или речного залива, проросшего травами, а иногда притаившись в лодке в густых камышах пруда, я имел случай нередко, хотя поверхностно, наблюдать любопытную картину *рыбьего боя*:

[Процесс метанья, или боя, икры даже этих трех пород, сейчас мною названных, наблюдать очень трудно, потому что он происходит по большей части в травах или камышах, а главное потому, что рыба боится приближения человека. Некоторые рыбаки утверждают, что не самцы гонятся за самками, а напротив: самки за самцами, и всегда бывают гораздо в большем числе, чем самцы, что первые трутся около последних, загоняют их на мель, на густую траву, и, когда самец, обернувшись кверху брюшком, начнет изливаться молоки, -- самки прямо в эту оплодотворяющую жидкость выпускают свою икру. Я не беру на себя решить, которое мнение справедливее. Оплодотворенная

икра в теплое, солнечное время выводится через десять, двенадцать и четырнадцать дней.]

при совершенной тишине в воздухе поверхность воды волнуется, как будто ветром, от вертящейся и прыгающей рыбы; брызги летят во все стороны, и плеск воды слышен издали. В первый раз я был очень удивлен таким зрелищем. Я подошел с ружьем к небольшому озеру, кругом обросшему высокою и плотною гривою камыша, и вдруг услышал какой-то странный шум воды; полагая, что он происходит от утиных выводков, я осторожно вошел в камыш, по колени в воде пробрался до его края и увидел -- настоящую рыбу пляску, производимую средней величины плотвою. Не вдруг догадался я, что значит такое явление, хотя слышал о нем. Впоследствии несколько раз имел я случай наблюдать этот процесс у лещей и особенно у карасей; но при всем моем желании рассмотреть его в подробностях я никак не мог; пожиранье же икры другими рыбами я видел сам, да и наживал ее часто в желудках пойманных рыб.

Другие породы рыб, особенно донные, то есть ходящие или плавающие обыкновенно по дну, как-то: ерши, пескари, гольцы, лини, а всего более налимы, которые мечут икру около святок, -- при совершении этой операции, вероятно, трутся около берегов и подводных коряг или о хрящеватое, каменистое дно: последнее предположение доказывается тем, что именно на таких местах, именно в это время года, попадают налимы в морды или нероты. Выметываемая икра вышесказанными породами рыб, казалось бы, должна подвергаться меньшей гибели, потому что воды покрыты льдом да и рыба зимою не плавает везде, а стоит по своим местам; кажется, этих пород должно бы разводиться гораздо более других; но этого никак нельзя сказать, особенно о налимах. Без сомнения, есть другие причины, от которых также пропадает их мелкозернистая, бесчисленная икра.

Итак, при самом появлении рыбьих яичек начинается их истребление; оно продолжается до полного образования мелкой рыбешки, которая, будучи окружена теми же врагами, может по крайней мере прятаться от них и спасаться проворством своего плаванья и малостью роста. Кроме хищных и нехищных рыб, немало также поедает икру птица; самые главные истребительницы -- утки, чайки и вороны: утки и чайки хватают ее, плавающую в воде, даже ныряют за ней, а вороны достают ее сухопутно, ходя по берегам и по мелкой воде, преимущественно около трав, куда икру прибивает ветром и где она, прилипнув к осоке или камышу, на которые всплескивается волнами, часто обсыхает и пропадает даром. Должно предположить, что в первый год или в первые года рыба растет очень скоро, потому что после вывода из икры, мелкой, как размоченный мак, достигает она в один месяц величины овсяного зерна в шелухе. Я убедился в этом собственными наблюдениями; о дальнейшем росте рыбы, а также о долговечности ее ничего положительного не знаю. Говорят и пишут, что щуки живут до трехсот лет, а карпии -- более ста, чему, как уверяют печатно, были деланы несомненные опыты, ибо в пруды, которые никогда не сходят, но освежаются проточною водою или внутренними родниками, пускали маленьких щук и карпий с золотыми или серебряными кольцами, продетыми сквозь щечную кость, с означением на кольцах года: таких рыб ловили впоследствии (разумеется, уже потомки) и убедились по надписям годов в их долговечности.

Рыба имеет болезни, которые часто обнаруживаются черными пятнами по всему телу; если эти пятна находятся только на поверхности кожи, то рыба переносит их благополучно, но если чернота пойдет вглубь и коснется внутренних органов -- рыба умирает. Около Москвы, в речках, по большей части припруженных, замечал я, что почти каждую осень на плотве появляются черные пятнышки; здешние рыбаки уверяли меня, что это происходит от осенней морозобитной травы, которою плотва питается, и что никакого вреда от того ей не бывает: кажется, это справедливо. В небольших непроточных прудах, в которых водятся караси в большом изобилии, нередко случается, что они, особенно белые, получают сначала кровавые, а потом черные пятна, но я редко замечал, чтоб караси именно от них снули. Я сначала думал, что пятна происходят от внутренних причин, но при внимательном рассмотрении я, наконец, увидел, что они происходят от укушения крошечных зеленых червячков, которые в иные года, особенно в жаркое и сухое лето, появляются в стоячих водах в невероятном множестве; они заползают под чешую

карасей и кусают их до крови: в одной ранке я нахаживал более десятка червячков. Сверх того, в таких прудах водятся большие, зеленоватые водяные черви (вероятно, вырастающие из маленьких зеленых), завертывающие себя в трубочку, как будто склеенную из осоки, -- водяные ящерицы и жуки.

[Водяные червяки имеют способность выползать до половины из своих трубочек и прятаться в них совсем. Водяные жуки -- плоские, каштанового цвета, с беловатыми по краям обводками; они проворно ползают по земле и летают быстро по воздуху: поднимаются прямо из воды и опускаются прямо в воду. Мне сказывали, что подмосковные крестьяне употребляют их вместо пиявок.]

Все они кусают и портят бедных карасей и препятствуют их размножению и полному росту, а сидящих в плетеных сажалках или прорезях даже совсем заедают. Вдобавок вся эта гадость берет на удочку, насаженную навозным червяком, и мне часто случалось вытаскивать на крючках этих отвратительных гадин. Нигде я не встречал такого обилия и разнообразия этой подводной фауны, как около Москвы.

Иногда попадает снулая рыба без всяких наружных и внутренних признаков болезни, но кишки и пузырь оказываются как будто сморщенными и несколько высохшими.

Здоровье рыбы, без сомнения, зависит от хорошей воды и пищи. Все охотники знают, что в одной воде рыба бывает жирна, вкусна и бойка, в другой -- тоща, безвкусна и вяла. Но какие качества воды и какая пища полезны или вредны для рыбы -- мы решительно не знаем. Вода действует даже на цвет рыбы: не изменяясь в своих природных пестринах и отметинах, она изменяется в их яркости или цветности единственно от пересадки из одной воды в другую. Это дознано многими опытами: озерные караси, например, по большей части бывают яркого темно-желтого или золотистого цвета, а пересаженные в копаные, глинисто-мутные пруды делаются бледно-бланжевыми; окуни в иных реках бывают очень темны и ярко-пестры, но, посидев долго в пруде, становятся светлыми, белесоватыми: точно то же делается более или менее и с другими породами рыб.

Рыба очень нередко задыхается зимой под льдом даже в огромных озерах и проточных прудах:

[Из многих, мною самим виденных таких любопытных явлений самое замечательное случилось в Казани около 1804 г.: там сдохло зимою огромное озеро Кабан; множество народа набежало и наехало со всех сторон: рыбу, как будто одурелую, ловили всячески и нагружали ею целые воза.]

сначала, в продолжение некоторого времени, показывается она в отверстиях прорубей, высовывая рот из воды и глотая воздух, но ловить себя еще не дает и даже уходит, когда подойдет человек; потом покажется гораздо в большем числе и как будто одурелая, так что ее можно ловить сакон и даже брать руками; иногда всплывает и снулая. Как скоро число прорубей будет значительно увеличено -- рыба отдыхает и скрывается. Это последнее обстоятельство произвело общую уверенность, что рыбадохнет от недостатка прорубей, то есть от недостатка продушин, в которые могли бы вылетать спершиеся водяные испарения и мог бы получаться свежий воздух. Это отчасти справедливо; но согласиться безусловно с таким заключением нельзя, и вот почему. 1) Все озера и пруды, и большие и малые, не находящиеся близ жилья человеческого, никогда не имеют прорубей, потому что некому и не для чего их делать; не имеют также и полыней, то есть мест незамерзших, бывающих, как известно, только на реках больших и быстротекущих: следовательно, в таких прудах и озерах не должна бы совсем водиться рыба, особенно в изобилии; опыт показывает противное. 2) В прудах и озерах, находящихся в селениях или близ селений, имеющих постоянные проруби для водопоя скота и других надобностей, рыба в иные года сдыхается под льдом при одинаковом числе прорубей. 3) Это сдыханье, при одних и тех же обстоятельствах, случается не каждый год, а лет через десять и более. Итак, из всего мною сказанного следует заключить, что есть какие-нибудь другие условия, при

содействии которых дохнет рыба под льдом, но что независимо от этих причин рыба отдыхает, если будет увеличено сообщение воды с атмосферическим воздухом, и что содержание больших прорубей, ежедневно вычищаемых не только на прудах, не имеющих течения, и озерах, но даже на прудах проточных и даже на тихих омутистых реках, покрывающихся сплошным льдом, -- для сохранения здоровья рыбы весьма полезно.

Рыба снет иногда от примеси вредных посторонних веществ, как-то: навозной жидкости со скотных дворов и испорченной воды с фабрик и металлических заводов, если то или другое как-нибудь проникнет в озеро или пруд, преимущественно не проточный. Но на рыбу бывает повальный и внезапный мор от причин совершенно неизвестных. В последний раз мне случилось видеть такой мор в 1841 году: я жил это лето в подмосковном селе Ильинском; от него верстах в трех есть довольно большой, глубокий пруд и мельница при деревне Оборвихе на речке Сомынке; всякой рыбы много водилось в этом пруду, потому что в нем нельзя было ловить неводом и даже бреднем по множеству подводных каршей, коряг и густой травы. Я ездил туда удить почти каждый день. Один раз (в исходе июля), подъезжая к пруду, я увидел, что все берега белелись, точно по краям воды лежал снег; подошед ближе, я рассмотрел, что это была снулая рыба: окуни, плотва, языки, головлики и небольшие щурята. Мельник сказал мне, что мор начался вчера. В снулой рыбе не оказывалось никаких признаков болезни; крупные язи и огромные щуки ходили поверху и кружились; крестьяне ловили их и употребляли в пищу без всякого вреда. Замечательно, что лини, караси и ерши остались невредимы. Я сейчас попробовал удить из любопытства: рыба брала изредка, но очень тихо и вяло и выуженная казалась почти снулою. Мор продолжался дней пять и вдруг прекратился. Через несколько дней клев начался по-прежнему, и в рыбе не было заметно никакого уменьшения: в окружающих водах рыба осталась совершенно здоровою. Очевидно, что это не была общая эпидемия и что причина ее была местная, находившаяся только в Сомыньском пруду, в воде которого, однако, никакой перемены я заметить не мог. Мне рассказывали крестьяне, что будто какой-то пьяный солдат, поссорившись с мельником в кабаке, погрозил ему и, проходя мимо пруда, что-то в него бросил. Предоставляя на произвол каждого читателя удовлетвориться или нет таким объяснением, я, с своей стороны, скажу, что нам весьма еще малоизвестны как целительные, так и ядовитые вещества, особенно травы, которые знает народ. Одно верно, что Сомыньский мор рыбы происходил не от дурмана, не от табаку, не от кукольванца, ибо действие этих отрав кратковременно и продолжается менее суток. Эти отравы производятся следующим образом: истертый в мелкий порошок табак, дурман, а всего чаще кукольванец, ибо он несравненно сильнее, смешивают с печеным хлебом или сырым тестом и раскидывают небольшими кусочками в тех местах, где более держится рыба, которая с жадностью их глотает. Через час или менее, смотря по качеству и количеству отравы, рыба делается пьяною, одурелою: выходит на мель, всплывает на поверхность воды, кружится, мечется, тычется в берега, даже иногда выскакивает на них и особенно забивается в камыши и травы, где они есть. Отравители, большею частию деревенские парни и мальчишки, нетерпеливо дожидавшиеся этой потехи, с громкими и радостными криками бегают по берегам, по мелкой воде, поросшей травкою, берут снулою и ловят руками засыпающую рыбу: для крупной употребляют и сачки. Хотя в сравнении с прежним это губительное добывание рыбы значительно уменьшилось, но, к сожалению, все уверены, что отравленная таким образом рыба, даже снулая, служит безвредною пищею для человека. Хотя трудно с этим согласиться, но положим, что такая уверенность справедлива, да для рыбы эта отравка очень вредна: та, которая наглоталась кукольванца много, умирает скоро, всплывает наверх, бывает собрана и съедена; но несравненно большая часть окормленной рыбы в беспомощности забивается под берега, под коряги и камни, под кусты и корни дерев, в густые камыши и травы, растущие иногда на глубоких местах -- и умирает там, непримеченная самими отравителями, следовательно пропадает совершенно даром и гниением портит воду и воздух. Я даже думаю, что вся рыба, окормленная кукольванцем и отдохнувшая, потому что мало съела отравы, непременно должна долго хворать, терять способность к достижению полного роста и, может быть, к размножению своего потомства. Я замечал, что где часто окормливали рыбу, там она

значительно уменьшалась, хотя число пойманной посредством отравы ничего не значило в сравнении с числом рыбы, какое вылавливали прежде ежегодно, в той же воде, обыкновенными рыболовными снастями. Замечено также, что после отравы кукольванцем рыба перестает брать на удочки.

Хищные породы рыб питаются мелкою рыбешкой; нехищные -- глотают все, что ни попало: тем не менее питание этих последних иногда дело загадочное. В прудах, озерах и реках, поросших и проросших водяными травами и растениями, рыба кормится ими и водящимися около них водяными насекомыми и гадинами. Это понятно, и все рыбаки знают, что самую питательную пищу предоставляет рыбе молодой камыш, первые побеги которого на вкус сладки. Если подойти тихонько к пруду или озеру камышистому и травянистому и послушать внимательно, то удивишься, какой странный и неумолкаемый шум, даже чавканье, производит рыба, кушая траву. Но чем питается нехищная рыба в больших реках, текущих всегда в берегах песчаных, на которых не растет ни одной былинки, дно которых также песчано и чисто и где очень мало водится водяных насекомых? Наконец, чем питается рыба в деревянных сажалках, с деревянным дном, называемых *прорезями* (потому что они *прорезаны* или просверлены), в которых обыкновенно рыбаки держат пойманную рыбу иногда по несколько месяцев и никогда ее не кормят? На эти вопросы я отвечать удовлетворительно не умею. Поневоле надобно согласиться с мнением рыбаков, которые говорят, что рыба, кроме всякой другой пищи, питается тиной, илом, землею, песком и даже -- одной водой. Пребывание в сажалках без корма только этим и можно объяснить, допустив предварительно, что всякая вода содержит в себе множество инфузорий, неприметных для глаза человеческого, следовательно питательна для рыбы уже сама по себе.

Весною, при наступлении водополя, как скоро вода делается мутна, реки начнут прибывать и подниматься, рыба также поднимается кверху и идет против воды, сначала около берегов: тут ловят ее во множестве саками. Когда же реки выступают из берегов и разольются по поемным местам, рыба также разбредется по полям, не переставая упорно стремиться против течения воды. Это инстинктивное стремление бывает так сильно, что не видавши трудно поверить: несмотря на ужасную быстрину, с которою летит спертая полая вода, вырываясь в вешняках или спусках из переполненных прудов, рыба доходит до самого последнего, крутого падения воды и, не имея уже никакой возможности плыть против летящего отвесного вниз каскада -- прыгает снизу вверх; беспрестанно сбиваемые силою воды, падая назад и нередко убиваясь до смерти о деревянный помост или камни, новые станицы рыб беспрестанно повторяют свои попытки, и многие успевают в них, то есть попадают в пруд. Во время весенних разливов рыба заходит в самые вершины рек, речек и ручьев; заходит в такие места, что трудно поверить, стоя на таком месте летом, чтобы тут ловили крупную рыбу крыленами или вятелями, ставя их сначала по течению, а потом против течения воды. Но как скоро *дрогнет* вода, то есть пойдет на убыль, рыба поворачивает назад и с таким же стремлением скатывается вниз, с каким до сих пор шла вверх, для чего немедленно бросается она из мелких мест в глубокие, из разливов -- в материк. Нередко случается, однако, что, зайдя слишком высоко или далеко в луговые поймы, не находит она водяного пути для возвращения в реку и остается в ямках и бокалдинах: если увидят люди, то поймают ее, а если нет и бокалдины высыхают уединенно, рыба гибнет и достается на пищу воронам и разным другим птицам -- иногда и свиньям. Рыба, застигнутая внезапно обмелением водяных сообщений в ямах, или, по-московски, в бочагах, переходит иногда из одного в другой *сухопутно*, прыгая по тому мокрому следу, где недавно бежала вода. Если же хотя крошечный ручеек останется, она перепрыгает по нем вниз непременно. Даже из копанных сажалок или прудков, сквозь которые протекает ручеек, рыба уходит этим самым способом, если только берега низки. Такие весенние путешествия рыбы снизу вверх и обратно повторяются отчасти при всякой случайной, но значительной прибыли воды: при внезапном прорыве огромных прудов и при *наводках*, случающихся от сильных и продолжительных дождей.

Не все породы рыб могут жить в одной и той же температуре воды: для одних нужна чистая, быстрая и холодная вода, для других -- более теплая, тихая и даже стоячая,

имеющая дно иловатое и тинистое. Я скажу об этом поточнее в описании рыб, а здесь означу только порядок, следуя которому живет одна порода за другою почти во всякой реке. Большая часть рек начинаются холодными, как лед, ключами; протекая на открытом воздухе, прогреваясь солнечными лучами, увеличиваясь разными притоками -- они постепенно теплеют. В самой голове таких ключей или родников живет форель, то есть пеструшка, кутема и лох, или красуля; за ними лошок, голец и налим. Потом появляются головль, плотва, окунь, щука и пескарь; далее -- уклейки, ельцы, ерши, язи, судаки и жерихи, если вода велика; наконец -- лещи, лини, карпии и караси. Некоторые из поименованных пород, как-то: гольцы и караси, могут жить и водиться в водах самых холодных и самых теплых, в самых чистых и в самых грязных. Разумеется, точность такого порядка иногда нарушается; но где же нет исключений от причин и обстоятельств местных. Итак, все породы рыб могут жить в одной и той же реке, если течение ее *продолжительно*, только одни выше, где вода холоднее и чище, а другие ниже, где вода теплее и мутнее: в этом убедиться нетрудно, исследовав течение какой-нибудь порядочной реки. В водополье вода везде одинакова: везде мутна и холодна, и рыба, обыкновенно обитающая в теплой сравнительно воде, поднимается вверх до самых холодных ключей; но при возвращении назад, если случайно что-нибудь захватит ее в таких местах, где вода для нее еще холодна, или, наоборот, скатится она слишком низко, так что вода для нее окажется уже тепла, -- рыба или поднимется выше, или опустится ниже, только непременно отыщет сродную ей температуру. Если не может этого сделать в тот же год по причине прудовых затворов и решеток, то непременно сделает в следующую весну. Непреодолимость такого стремления к обычной температуре воды испытали многие охотники, пробуя развести у себя в пруду те породы рыб, которые водились в той же самой реке, только несколько верст пониже. Все усилия оказывались бесполезными: сажали рыбу мелкую и крупную, днем и ночью, во все времена года, держали сначала месяца по два в сажалках, загороженных в том же пруду, -- ничто не помогало. Весной рыба поднималась вверх, так что ее ловили верст за пятнадцать выше, и потом вся без остатка скатывалась вниз. Итак, оставалось одно средство: заставить рыбу выметать икру в той самой воде, где назначалось жить ее потомству, и оно иногда удавалось.

В проточных небольших родниковых прудах, имеющих всегда свежую и даже холодную воду, которые весной мало прибывают от полои воды и *никогда не уходят*, спуски которых всегда загораживаются решетками и верховья мелки, будет жить всякая рыба, хотя бы температура воды не сходствовала с натурою рыбы, но будет только *жить*, а не *водиться*: даже не достигнет полной природной величины своей. Самый лучший способ, да и более удающийся, к разведению известных рыбьих пород в проточных и непроточных прудах, в которых они сами собой не держатся или не заводятся, состоит в следующем: надобно ловить рыбу, которую желаешь развести, перед самым метаньем икры; на каждых шесть икряных самок отобрать по два самца с молоками, посадить их в просторную сквозную огородку или сажалку, устроенную в назначенном для того пруде; когда из выметанной в свое время икры выведется рыбешка и несколько подрастет -- загородку разобрать всю и рыбу выпустить в пруд: старая уйдет, а молодая останется и разведется иногда, если температура воды не будет уже слишком много разниться с тою, в которой была поймана старая рыба. Точно таким образом разводят и раков.

[Я имел случай убедиться, что раки могут жить в густой тине или в речном иле глубиною более аршина от земной поверхности. Один раз, в исходе лета, при мне чистили сруб родникового колодца, глубиною с лишком в два аршина, который весеннею полою водою поднимался и был доверху занесен земляным илом и тиной очень плотно; не знаю, почему он не был вычищен ранее. На полторааршинной глубине, где пошла земля помокрее, начали попадаться крупные, живые раки; их выкидали десятка два, и они были отлично жирны и вкусны; итак, раки могут обходиться почти без воздуха.]

Я сейчас говорил о том, как иногда бывает трудно разводить некоторые породы рыб в

такой воде, где прежде их не было; но зато сама рыба разводится непостижимым образом даже в таких местах, куда ни ей самой, ни ее икре, кажется, попасть невозможно, как, например: в степных озерах, лежащих на большом расстоянии от рек, следовательно не заливаемых никогда полою водою, и в озерах нагорных. Оренбургской губернии, в Стерлитамацком уезде, есть на реке Белой несколько отдельно друг от друга стоящих гор, очень высоких и видных с луговой стороны верст за сорок. Когда небо покрыто тучами, они живописно белеют на темном горизонте.

[Я недавно с удовольствием прочел несколько строк об этих горах в статье г. Авдеева "Поездка на кумыс", напечатанной в декабрьской книжке "Отечественных записок" 1852 года.]

Не знаю, что теперь находится на их вершинах, но лет пятьдесят тому назад на двух из них были небольшие озера с чистою и холодною водою, и в одном озерке, кажется на горе Юрак-Тау, водились караси, а может быть, и другая рыба. Как они могли попасть туда -- объяснить трудно. Я знал также один из так называемых в Оренбургской губернии *провалов* (круглые, более или менее глубокие ямы, имеющие фигуру воронки) в вершинах реки Ика; этот провал с незапамятных времен, как и многие другие, с весны сохранял долго снег, а летом был совершенно сух, так что в нем, сверху по бокам, росла лесная малина. Вдруг слышу, что он наполнился водою, а года через два -- что в воде завелись караси: и в том и в другом явлении я удостоверился своими глазами. Повторяю мой вопрос: как могли попасть туда караси, когда озера с карасями, самые ближайšie, находились в пяти верстах от провала? Надобно допустить известное предположение, что птица (всего скорее чайка или ворона), проглотив где-нибудь рыбку оплодотворенную икру, залетает потом в такие места, на такую воду, где прежде рыбы не водилось, выкидывает икру в своем помете и что пищеварительный сок птичьего желудка или зоба не лишает эту икру способности вывести из себя маленьких рыбок. Таким только образом можно объяснить появление рыбы на горе Юрак-Тау и в Икском провале, хотя я и должен признаться, что такое объяснение меня не вполне удовлетворяет.

Рыба имеет тонкий слух и острое зрение, особенно форель, но, кажется, рыба вообще больше боится стука, чем вида человека или животного, по крайней мере скоро к ним привыкает; но к звуку она чувствительна до невероятности; звуком можно ее оглушить до беспометства, чему служит доказательством всем известное *глушение* рыбы ударами дубинки по тонкому осеннему льду. Рыбаки знают, что на рыбу сильно действует самый слабый звук. Кому из них не случалось смиренно стоять или сидеть близ закинутых удочек, ожидая крупной рыбы, и видеть, как мелкая, поднявшись вверх, покрывает и рябит всю поверхность воды около его наплавков? Вдруг рыбак кашляет или чихнет -- и как брызги во все стороны рассыплются серебряные стайки мелких рыбок, точно мгновенный дождь sprysнул воду; то же делается от всякого внезапного звука или появления щуки, большого окуня, жериха и других хищных рыб.

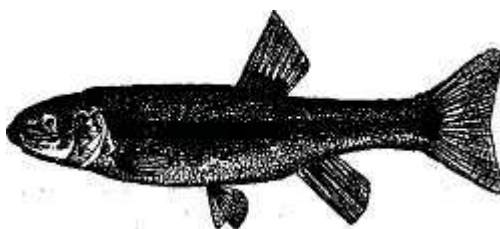
Почти все молодые рыбки, особенно некоторые из пород не очень крупных, так красивы, или, лучше сказать, так милостивы, резвы и чисты, что народ на юге России употребляет слово *рыбка* как слово ласки, нежности -- в похвалу красоте и прелести девической. Оно нередко встречается в народных малороссийских песнях, в которых чувство любви если не так глубоко, не так серьезно, как в старинных песнях великорусских, зато нежнее, эстетичнее, так сказать. В повести Гоголя "Майская ночь, или Утопленница" молодой казак Левко, вызывая из хаты свою милую Галю разными нежными словами, между прочим говорит: "Сердце мое, *рыбка* моя, ожерелье! Выгляни на меня. Просунь сквозь окошечко хоть белую ручку свою..." Для великорусского крестьянина это слишком нежно; но и он очень любит смотреть на всякую рыбу в воде, весело мелькающую на поверхности, сверкающую то серебряной, то золотой чешуей своей, то радужными полосами; иногда тихо, незаметно плывущую, иногда неподвижно стоящую в речной глубине!.. Ни один, от старого до малого, не пройдет мимо реки или пруда, не поглядев, как *гуляет вольная рыбка*, и долго, не шевелясь, стоит иногда пешеход-крестьянин,

спешивший куда-нибудь за нужным делом, забывает на время свою трудовую жизнь и, наклонясь над синим омутом, пристально смотрит в темную глубину, любясь на резвые движенья рыб, особенно, когда она играет и плещется, как она, всплыв наверх, вдруг, крутым поворотом, погружается в воду, плеснув хвостом и оставя вертящийся круг на поверхности, края которого, постепенно расширяясь, не вдруг сольются с спокойною гладью воды, или как она, одним только краешком спинного пера рассекая поверхность воды -- стрелою пролетит прямо в одну какую-нибудь сторону и следом за ней пробежит длинная струя, которая, разделяясь на две, представляет странную фигуру расходящегося треугольника... Нужно ли говорить после этого, что рыбак-охотник глядит на всякую рыбу еще с большею, особенною любовью, а на крупную и почему-нибудь редкую глядит с восхищением, с радостным трепетом сердца! Не охотникам, может быть, покажутся смешны такие выражения; я не буду тем оскорбляться -- я говорю охотникам, и они поймут меня! Каждый из них, достигнув старости, находит отраду в воспоминании того живого чувства, которое одушевляло его в молодости, когда с удочкой в руке, забывая и сон и усталость, страстно предавался он своей любимой охоте. Он, верно, с удовольствием вспоминает это золотое время... И я помню его, как давнишний, сладкий и не совсем ясный сон; помню знойные полдни, берег, заросший высокими, душистыми травами и цветами, тень ольхи, дрожащую на воде, глубокий омут реки, молодого рыбака, прильнувшего к наклоненному над водою древесному пню, с повисшими вниз волосами, неподвижно устремившего очарованные глаза в темно-синюю, но ясную глубину... И сколько рыбы кипело в ней! Какие язи, головли, окуни... И как замирало сердце юноши, как стеснялось дыханье... Давно уже это было, очень давно! Молодые охотники и теперь испытывают то же, и дай бог им надолго сохранить это живое, невинное чувство страстного рыбака.

Приступаю к описанию пород рыб мне известных, которые берут на удочку. Начну с мелкой рыбы, никогда не достигающей значительной величины, потом скажу о породах крупных, но не хищных, очень редко питающихся рыбою, и, наконец, о породах собственно хищных, для которых мелкая рыбешка составляет существенную и почти единственную пищу.

1. ЛОШОК

[Недавно я узнал, что "лошки" называются в Можайском уезде "голопузкой", а в Верейском -- "свинобойкой". Вероятно, они водятся и в других губерниях.]

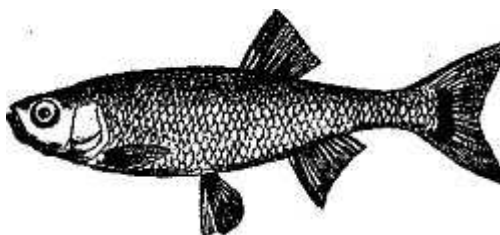

Самое имя этой красивой рыбки указывает, что оно уменьшительное от имени рыбы лох, и оно не даром дано ей: красные, черные и белые крапинки, которыми она испещрена, очень похожи на крапины лоха, или красули, достигающей огромной величины; но рыбка, о которой я говорю, -- самая маленькая рыбка: лошок в два вершка -- редкость по величине. Они водятся в маленьких родниковых речках и всегда появляются большими стаями. Иногда в омуточке прозрачного ручья вдруг видишь, что светлое везде дно покрыто чем-то черным: это лошки, которые в несколько рядов стоят друг на друге, и обыкновенно покрупнее внизу, а самые мелкие сверху. Нетрудно наловить их сколько угодно *недоткой* из рединки, частым саком или *хребтугом*,

[Хребтугом называется раскрытый мешок из рединки же, в котором задают лошадям овес.]

привязанным двумя узкими боками к двум палкам; но если не случится под руками и этих нехитрых рыболовных снастей, а есть небольшая удочка, то лошки станут беспрестанно брать на навозного червяка (без хвостика вернее) и простую муху: чем удочка меньше, тем лучше. Разумеется, никто не станет удить лошков без особенной надобности, я сам помню, что уживал их только в ребячестве; но они очень могут понадобиться, ибо составляют превосходную насадку для ужения окуней и всякой хищной рыбы средней величины. Я видел лошков только в Оренбургской губернии; там водились они в большом изобилии и даже не в маленьких речках, а в таких, на которых стояли мельницы поставы на четыре, и я очень помню бесчисленные станицы лошков, лежащие на дне под мельничными водяными колесами. Но умножившееся народонаселение взмутило чистоту и прозрачность тамошних прекрасных речек и ручьев, и лошков становится гораздо меньше. Жареные лошки на сковороде составляют вкусное блюдо; их готовят не чищенных, а выдавливают руками и хорошенько промывают.

2. ВЕРХОВКА

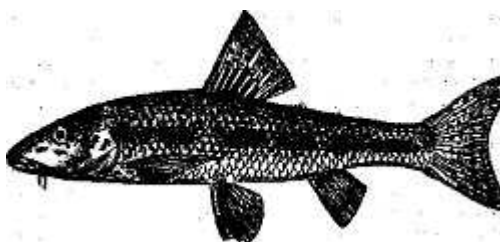
Это также самая маленькая рыба: не больше лошка, только лошок кругл, а она плоска. Верховка так похожа на уклейку, что многие считают их за одну и ту же рыбу, только в разных возрастах; но это несправедливо. Я знаю много рек в разных губерниях, в которых изобильно водится уклейка, под именем *сентявки*, или *белоглазки*, но в которых решительно нет верховки. Имя дано ей по ее свойствам: она любит плавать на поверхности воды и часто ложится на бок, блестя на солнце несколько синеватую серебряною белизною, точно как будто всплыла уснувшая рыбка. Где много ее, там она очень надоедает: вертась кругом удочки с быстротою молнии, она беспрестанно трогает и поталкивает с разбега ваши крючки, грузила, лесы и даже наплавки, особенно, если вы удите не со дна. Ее можно выудить только на самую маленькую удочку, насаженную на тоненького червячка или на крошечный кусочек хлеба, а всего скорее на муху; наплавков надобно пускать как можно мельче: она редко его погружает, но быстро тащит в сторону... Она также пригодна только для насадки крючков на хищную рыбу, и только с этой целью может удить ее рыбак. Около Москвы, во всех реках и чистых прудах, водится в большом множестве, а в Оренбургской губернии ее нет.

3. ГОЛЕЦ

Имя его происходит от свойства кожи: она гола, на ней нет никакой чешуи; она очень тонка и скользка, какого-то неопределенного цвета: серовато-желтоватого или бланжевого с неправильными, неясными пятнами, более или менее темными. В одной и той же воде одни голецы бывают светлее, а другие гораздо темнее. Вообще в речках и ручьях они темнее, а в прудах, особенно в сажалках, -- желтее. Голец не вырастает длиннее трех вершков, и то большая редкость; он совершенно кругл и пузаст; самые крупные бывают толщиной в большой палец мужской руки; маленький ротик его имеет усы. Мечет икру в апреле. Отличительное свойство гольца состоит в том, что он водится во всех водах, начиная от копаного, тинистого, нечистого, теплого летом пруда до холодного и прозрачного, как лед, горного источника. Он первый с форелью (если не прежде ее) появляется в голове родников, лежа иногда под самыми теми камнями, из-под которых бьет девственная струя воды. Вообще голецы так мелки, что редко кто-нибудь занимается собственно их ужением, да и клюют они в реках очень мало; но в омуточках ручьев и прудах, где иногда они разводятся до невероятного множества и берут беспрестанно, -- по-моему, очень весело их удить. Они исключительно клюют на одного навозного червячка. Крючки надобно употреблять меньшего разбора из средних, потому что на маленькие трудно и скучно насаживать беспрестанно, по необходимости выбирая самых мелких червячков; хвостики можно пускать короче, голецы берут и вовсе без хвоста, хотя не так охотно, но зато гораздо вернее, потому что голец клюет не с разбега и не вдруг заглатывает, а взяв в рот конец червяка, тихо плывет в сторону; следовательно, надобно подсекать немедленно, как скоро наплавок повезет вбок или прямо. Удить надобно со дна. Гольцы по мягкости своей кожи служат лакомою насадкой для всех хищных рыб, но и для человека они составляют самую вкусную пищу; уха из одних голецов, осторожно вычищенных, то есть не раздавая в пузырьках желчи, так жирна и вкусна, что едва ли уступит ухе из налимов; жареные и маринованные голецы превосходны. Они берут на удочку до сильных морозов. Я слышал, будто голецы такие жадные пожиратели чужой икры, что в небольших прудах переводят породы других рыб, в чем я, однако, сомневаюсь.

4. ПЕСКАРЬ

Имя его происходит явно от того, что он всегда лежит на песчаном дне. Хотя обыкновенно говорят *пискарь*, а не пескарь, но это единственно потому, что первое легче для произношения. Впрочем, многие уверены, что эта рыбка должна называться *пискарем*, потому что, будучи сжата в руках человека, издает звук, похожий на писк. Самый крупный пескарь не бывает длиннее трех с половиною вершков и -- толще большого пальца руки (и этой величины достигает он редко). Он брусковат и довольно ровен. Спинка и бока

покрыты темно-синими крапинками, а брюшко очень беловатое, серебристого цвета. Пескарь очень красивая, или миловидная, и самая чистая рыбка. Пескари всегда собираются стаями, которые иногда бывают невероятно многочисленны; водятся и в малых и в больших реках, преимущественно песчаных. Про пескарей говорят рыбаки, что они мечут икру по нескольку раз в год; но это несправедливо. Вероятно, эту операцию производят они в зимние месяцы. Будучи посажены в пруды, размножаются и в них изобильно, особенно, если вода чиста (иногда живут и в нечистой, что, впрочем, редкость); но в маленьких прудках они бывают мелки, а в больших проточных прудах и реках необыкновенно крупны. Пескарей уже удят собственно для них, и для многих охотников это весьма приятное ужение, ибо пескари если клюют, то клюют беспрестанно и очень верно; их удят, привязывая даже по два и по три крючка на разных поводках к одной и той же лесе, и они берут иногда вдруг за все три. Для ужения употребляется обыкновенный навозный червяк; средние удочки всего удобнее.

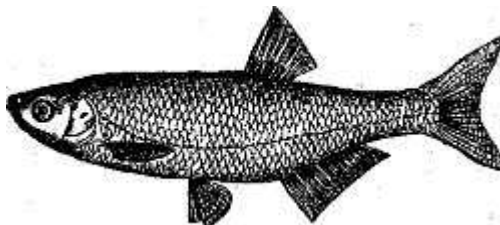
В продолжение моего рыбачьего поприща я заметил в ужение пескарей неизъяснимую странность: в реках и проточных прудах, особенно около кауза и вешняка, они клюют на удочку необыкновенно жадно; в больших непроточных прудах уже берут не так хорошо, а в маленьких прудках или копанных сажалках не берут вовсе, хотя бы и водились в них во множестве; еще странность: в последних они берут иногда на хлеб, а в реках -- никогда. Мне много случалось удить в копанных прудах, где водились только караси и пескари, и я много раз имел случай видеть, как крючки с червяками лежат спокойно на дне или мотаются между стаями пескарей, не обращая на себя их внимание (причем нередко выуживал я пескарей, задевая их снаружи, за бока), тогда как крючок, насаженный кусочком хлеба, едва коснется дна, то сейчас бывает ими окружен. Пескари до тех пор его потрогивают, поталкивают, треплют, щиплют и сосут, пока он свалится с крючка; если крючок и кусочек хлеба очень малы, то иногда случалось и выудить пескаря. Такими проделками они ужасно мне надоедали, ибо сами не клевали настоящим образом, а карасям мешали. Ужение пескарей начинается не рано весной, а когда вода делается совершенно светла: оно продолжается до самой зимы. Они клюют во всякое время дня. Обыкновенно удят их весной и летом в реках на перекатах, на местах мелких, песчаных, хрящеватых, где вода течет довольно быстро и где можно увидеть их стаи, лежащие на дне. Ужение устраивается тремя способами: 1) Можно удить с наплавком и умеренно тяжелым грузилом, пуская так глубоко, чтобы грузило было на весу, а крючок тащился по дну. Это хорошо при умеренной быстроте течения. 2) Можно удить без наплавка с грузилом очень тяжелым, находящимся в расстоянии двух и даже трех четвертей от крючка: грузило ляжет на дно, а леса с червяком будет извиваться по течению воды. Этот способ наилучший, особенно на сильных быстринах. 3) Можно удить вовсе без грузила, с наплавком, а лучше без наплавка, пусть вода несет крючок с червячком по своему произволу: по быстроте течения он не вдруг коснется дна, но при его приближении пескари проворно подымаются кверху и хватают крючок. Нигде я не уживал пескарей в таком множестве и таких крупных, как в Москве-реке. При наступлении морозов пескари сваливаются с мелких мест в глубокие, где остаются на зиму. Там они берут до тех пор, пока крепкий лед покроет поверхность воды; удить должно *непрерывно* со дна.

Пескарь берет живо и верно; его подержка и утаскиванье видны по наплавку и слышны по руке; надобно подсекать его проворно; разумеется, должно удить на одну удочку и всегда держать удилице в руке. Он служит превосходною насадкою для хищной рыбы и самую здоровую пищу для человека. Уха из пескарей, как нежирная и легкая, обыкновенно предписывается докторами больным; пескари, жаренные в сметане, отлично вкусны.

Я уже сказал, что пескарей удят на два и даже на три крючка, привязанных к одной лесе, один другого короче. Правда, если придется удить на месте, где лежит огромная стая пескарей, -- они берут жадно, и случается вытаскивать вдруг по два и по три пескаря. Но я не люблю этого устройства удочек: они ужасно путаются и пригодны только для пескарей, которых, если клев хорош, и на один крючок наудишь множество. Французы большие охотники до двойных и тройных удочек. Они употребляют их для ужения крупной рыбы:

крючки навязывают разной величины, привязки к лесе пускают также очень различной глубины, так что один крючок лежит на дне, а другой висит на аршин от дна; разумеется, и насадку употребляют разную. Такой способ ужения получает уже особый смысл. Я пробовал его, но без успеха; двойная или тройная удочка неловка, уродлива, чаще задевает, и рыба берет на нее неохотно.

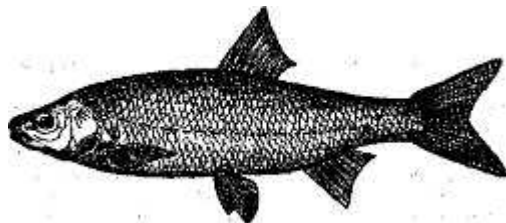
5. УКЛЕЙКА

Я уже сказал, что верховка на нее совершенно похожа, только вчетверо ее меньше: так же плоска, тонка, синевато-серебристого цвета и белоглаза; по этим-то двум последним качествам называют ее в Оренбургской губернии *сентявкой* и *белоглазкой*. Я никогда не видывал уклейки длиннее четверти и шире вершка. Отчего около Москвы называют ее *уклейкой*, добраться я никак не умею. Она водится в большом количестве во всех чистых водах, особенно в реках. Когда вы стоите над синею глубию речного омута или озера и солнце сзади освещает поверхность воды, то непременно увидите на довольно значительной глубине сверканье синевато-серебряных полос, кругловатыми линиями, в разных направлениях, пронзающих воду, -- это уклейки.

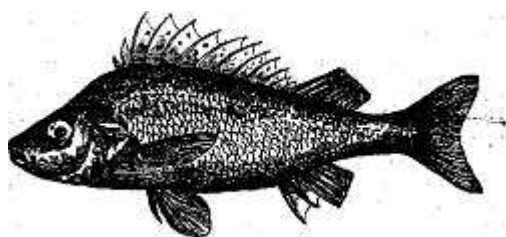
Редко случается, чтоб охотник занимался их ужением; но что бы вы ни удили, только бы крючок был насажен навозным червяком, уклейка не оставит схватить его, испортить или попасть на удочку при первом погружении крючка в воду: разумеется, это делается там, где уклейки очень много. Если же червяк дойдет благополучно до дна, то она уже его мало трогает. Уклейка очень надоедает тем, что портит насадку червя, совсем не для нее назначаемую; впрочем, она бросается только на небольшого червя. Если кому угодно ее удить, то надобно употреблять маленькие удочки, наплавков пускать очень мелко, с крошечным грузилом или даже без грузила; всего охотнее и вернее берет она на мушку; на червяка с хвостиком также клюет хорошо, но не так верно, потому что часто хватает только за свесившуюся половину червяка; без хвостика же клюет неохотно, а на хлеб еще неохотнее. Клев ее быстр; она налетает с разбега и вдруг утаскивает наплавков в сторону, иногда погружая его и в воду; а если сама попадет на крючок, что бывает нередко, то натянет лесу и дернет даже за удище, если вы не вдруг подсечете. Для нее нет особенных мест: она держится по всей реке, но я замечал ее в большем количестве в местах глубоких и тихих. Уклейка пригодна для насадки на всякую хищную рыбу, даже и на крупную, которую она может приманить издали, кидаясь на крючок с необыкновенною быстротою во все стороны и сверкая блестящей белизной своей. Уклейка никогда не бывает жирна и потому не употребляется для ухи, но изжаренная в сметане и высушенная -- а еще лучше прокопченная, как сельдь, -- очень хороша. Вообще вкус ее приятнее вкуса мелкой плотицы. Уклейка клюет до поздней осени, но после сильных морозов -- уже только в глубоких омутах и со дна.

6. ЕЛЕЦ

Рыба, неизвестная в низовых губерниях; может быть, так названа потому, что впервые появилась в известной реке Ельце, на которой стоит город Елец. Блестящей серебряной чешуей своей она сходна с уклейкой, но она белее, не плоска, а брусковата; похожа складом на головля. Длинною бывает с небольшим в четверть, а толщиною пальца в полтора; глаза, перья и хвост какого-то неопределенного серовато-сизого цвета, а спинка потемнее. Вообще эта рыбка очень живая и красивая. Елец водится довольно изобильно во всех реках Московской губернии, также в проточных прудах и озерах, заливаемых речною весеннею водою, но в небольших, копанных, несвежих прудах жить не может. Он так же, как и уклейка, очень проворен в своих движениях, но шире, белее и ярче сверкает в глубине; берет по большей части со дна и охотнее держится на местах неглубоких, быстрых, хрящеватых и каменистых. Клюет довольно верно; если со дна, то сначала ведет наплавок, не погружая: в это время должно подсекать его; если же насадка не касается дна, то берет живо и совсем утаскивает наплавок. Удить его надобно на навозного червяка, но крупные берут охотнее на земляного небольшого червя; говорят, что елец клюет и на хлеб, но мне никогда не случалось выудить ельца на хлебную насадку. В осень ельцы любят играть на солнце, и в это время надобно удить их, навязывая наплавок очень мелко, спуская его иногда до самого поводка; после же сильных морозов, в октябре, они берут только уже со дна, в глубоких омутах. Средней величины ельцы пригодны для насадки на щук и больших налимов. Вкус ельца составляет нечто среднее между плотицей и уклейкой, следовательно имеет мало достоинства. Клевать начинает очень рано, даже в апреле, когда вода в реках еще слишком сильна и мутна.

7. ЕРШ

Имя ерша, очевидно, происходит от его наружности: вся его спина, почти от головы и до хвоста, вооружена острыми, крепкими иглами, соединенными между собой тонкою пестрою перепонкою; щеки, покрывающие его жабры, имеют также по одной острой игле, и когда вытащишь его из воды, то он имеет способность так растопырить свои жабры, так взъерошить свой спинной гребень и загнуть хвост, что название ерша, вероятно, было ему дано в ту же минуту, как только в первый раз его увидел человек. Ерш в этом виде, быстро выхваченный из воды, не покажется даже рыбой, а чем-то круглым и мохнатым; даже на подъеме он покажется тяжелее, чем другие рыбки равной с ним величины. Русский народ любит ерша; его именем, как прилагательным, называет он всякого невзрачного, задорного человека, который сердится, топорщится, ершится. Про ерша сочинил он, вероятно всем известную, целую сказку с лубочными картинками своенародной фантазии

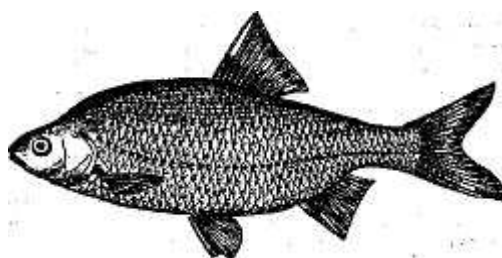
и иногда с забавными созвучиями вместо рифм. По-моему, ерш -- лучшая рыбка из всех, не достигающих большого роста. Складом своим он совершенно сходен с окунем, хотя никогда не питается рыбой. В реках средней полосы России он не бывает и четырех вершков длины, но в Петербурге, в устье Невы, ловятся ерши необыкновенной величины: я сам видал их, с лишком в четверть длиною. Слышал также об огромных сибирских ершах. Ерш имеет необыкновенно большие навывкате, темно-синие глаза; от самой головы, как я уже сказал, идет у него жесткий гребень, почти в вершок вышиною; он оканчивается, не доходя пальца на два до хвоста, но и это место занято у него другим небольшим гребешком, уже мягким, похожим на обыкновенное плавательное рыбье перо; ерш колется, как окунь, если взять его неосторожно; он весь пестрый, кроме брюшка, но пестрины какого-то темноватого, неопределенного цвета; он весь блестит зеленовато-золотистым лоском, особенно щеки; кожа его покрыта густою слизью в таком изобилии, что ерш превосходит в этом отношении линя и налима; хвост и верхние перья пестроваты, нижние перья беловато-серые. Ерши водятся только в чистых водах и в большом количестве в реках песчаных или глинистых, также и озерах, заливаемых полою весеннею водою. Где ершей много и они крупны, там ужение их необыкновенно изобильно и приятно; клюют только на красного навозного червяка и, хотя не так охотно, -- на земляных червей; разумеется, для этого надобно отбирать самых мелких; удочки употребляются средние. Ерши гораздо жаднее клюют со дна, чем на весу, и потому в таком только случае не должно удить со дна, если оно травянисто или имеет задевы.

Ерши очень рано весною начинают клевать и перестают в конце самой поздней осени. Если вы нападете на станичку, можете переудить большую их часть: насаживать можно червяков с хвостами и без хвостов, но первое всегда лучше. Ерши берут и заклевывают верно, без обмана, и почти всегда погружают наплавок в воду, но иногда ведут в сторону, тряся его; нередко, вынимая просто удочку, вытаскиваете ерша, который держал крючок во рту. Впрочем, это бывает иногда со всякой рыбой. Я нигде не находил ершей в таком множестве, как в поемных озерах около Москвы-реки: там можно было их выудить сколько угодно: двести, триста и более, зато крупные попадались редко, отчего ужение теряло свою заманчивость. Ершей не употребляют для насадки, вероятно по причине их острых вооружений, которые не нравятся хищным рыбам, но для человека ерш составляет превосходную добычу. Уха из ершей -- самая здоровая, питательная и вкусная пища, но всего лучше они -- особенно если крупны, -- приготовленные на холодное под желе, которое бывает необыкновенно густо. По моему мнению, ничто не может сравниться с деликатнейшим вкусом этого блюда.

Я всегда дорожил крупными ершами и отыскивал их неутомимо. Но клев их в реках очень капризен: иногда на мели, иногда -- только в глуби; сегодня клюют хорошо, завтра не клюют совсем. Ерши в исходе апреля набиты икрой до безобразия и в мае ее мечут, после чего клюют жаднее.

Теперь я поговорю о тех рыбах, которые, родясь такими же крошками, как и те, коих я уже описал, достигают большой величины.

8. ПЛОТИЦА

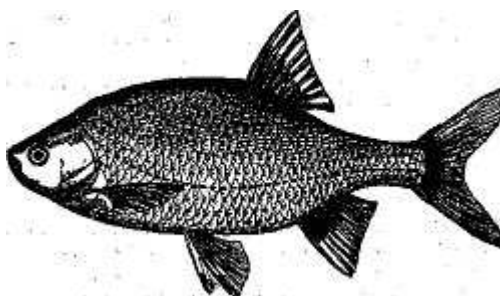
Очевидно, получила свое имя от того, что она плоска. В некоторых губерниях ее называют *сорога*, или *сорожняк*; происхождение этого названия объяснить не умею. Без сомнения, это самая плодovitая и многочисленная порода рыбы. В реках больших и малых, озерах, прудах проточных и копаных, если только вода довольно свежа, одним словом сказать, везде водится плотва во множестве. Это так ее опошвило, что рыбаки совершенна ее не уважают. Только тогда получает она некоторую значительность, когда начинает весить более фунта. Я сам видел плотицу в четыре фунта, но старые рыбаки рассказывали мне в Оренбургской губернии, что в старину попадалась плотва в семь фунтов: такую плотицу выудить уже очень приятно. Плотица несколько широка и кругловата, особенно крупная, плоска, чистосеребристого цвета, который к спинке становится темнее; глаза имеет красные или красно-коричневые, и чем плотица больше, тем глаза становятся краснее; верхние и нижние перья темно-красноваты; чешуя довольно крупная. С увеличением роста плотица становится шире и кругловатее; рот имеет небольшой. Клев ее начинается с самой ранней весны, даже тогда, когда полая вода не совсем слила и еще довольно мутна; одним словом, плотва первая начинает и почти последняя оканчивает рыбий клев. Она жадно бросается на всякую насадку: на обыкновенного навозного червяка, а крупная -- даже на земляного, на хлеб, на всякие распаренные зерна, на раковые шейки и на всяких насекомых. Ее можно удить на всех местах и на всякой глубине; но крупная плотва клюет лучше и вернее со дна, в местах глубоких и тихих, особенно на хлеб; в камышах же, полоях, в мелкой воде она берет на две четверти аршина и даже менее от поверхности воды, особенно в ветреное время. В водах, где водится большая рыба и где рыбак ее особенно имеет в виду, плотва нестерпимо надоедает: от ее дерганья и тасканья нет никакой защиты; одно спасенье -- огромные куски хлеба; самый крупный земляной червь; непрерывный сальник и линючий рак, в целости насаженный на крючок. Я помню в детстве моем, когда Оренбургская губерния была еще гораздо менее населена и реки ее кипели всякой рыбой, особенно плотвой, как во множестве удили ее на кусочки кишок мелких птичек, на травяные стебельки и на всякую дрянь. Но презирать плотву можно там, где много другой, лучшей рыбы. Мне самому случалось жить в таких местах, где я был рад и порядочной плотичке; а как это может случиться и с другим охотником, то и следует поговорить обстоятельнее об ее ужении. Клев плотвы бесконечно разнообразен. Всего благонадежнее удить ее на кусочки хлеба и на распаренные пшеничные зерна, но к этому надобно ее приучить, бросая прикормку, состоящую из того и другого. Мне попадались реки; в которых плотва ни на что не брала, кроме червяка,

[Один почтенный охотник (С. Я. А.) сообщил мне; что в реке Неме, протекающей близ г. Вереи, плотва, водящаяся во множестве, не берет совсем на удочку, так что в иной год выудишь две или одну плотицу.]

и то с хвостом, а это клев самый неверный; не знаю, чем объяснить такую странность: непривычкой ли к хлебу и зерну, или избытком питательных трав и разных водяных насекомых? Крупная плотва особенно любит брать рано утром. Надобно стараться приучить ее клевать со дна; тут она утаскивает и погружает наплавок в воду, а потому подсекать ее нетрудно, и только тут можно удить на две удочки; если же вы удите на весу, то надобно подсекать ту же минуту, как скоро она потащит наплавок или начнет его погружать. Плотва средняя, и особенно мелкая, редко берет верно: внимание, сметка, быстрота и ловкость подсечки тут необходимы. Удилище должно держать в руке. Нечего на это смотреть, что много будет промахов, зато много будет и рыбы. На местах, где давно опущен мешок с прикормкой, плотва очень привыкает кушать распаренные зерна и берет на них без обмана. Тут можно ее наудить сколько угодно, насаживая на маленькую удочку одно или два зерна разбухшей в горячей воде пшеницы и всякий раз пробуя -- свободно ли выходит наружу жало крючка; впрочем, самая крупная плотва скорее возьмет на куски умятого хлеба, величиною в русский небольшой орех. Для насадки червей надобно употреблять средние удочки, а для хлебных крошечных шариков и пшеничных зерен --

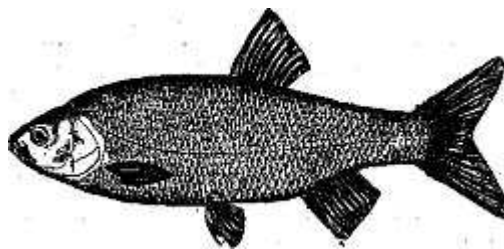
маленькие крючки. Мелкая плотва может служить насадкой для хищной рыбы. Уха из нее невкусна и часто пахнет травой; лучше ее жарить в сметане и сушить. Плотва некрупная клюет до глубокой осени и даже зимою в прорубях; икру мечет в июне.

9. КРАСНОПЕРКА

Рыбаки называют ее *плотица-красноперка*; итак, по-видимому, не следовало бы говорить о ней как особой породе рыбы, но я нахожу между нею и обыкновенною плотицею существенное различие, кроме различия цвета, которое, хотя не так ярко, встречается и у других рыб одной и той же породы. Красноперка гораздо шире обыкновенной плотицы; кругловатой своей фигурой и складом совершенно похожа на *подлещика*, покрыта чешуей желто-золотистого блестящего цвета; края этой чешуи как будто оторочены золотисто-коричневой каемочкой; перья, особенно нижние, яркого красного цвета, отчего она и получила свое имя, глаза коричневые; все это вместе делает ее одною из самых красивых рыб. Красноперка, вероятно, может достигать такой же величины и такого же возраста, как и простая плотица. Икру мечет в одно время с нею. Один раз при мне выудил рыбак красноперку (на раковую шейку) в три с половиною фунта; она была так красива, что мы долго любовались ею. Не везде, где водится обыкновенная плотва, водится и красноперка; около Москвы никто про нее и не слыхивал, да и в Оренбургской губернии, во многих реках, прудах и озерах, изобилующих всеми породами рыб, в том числе и плотвой, нет ни одной красноперки, тогда как в других местах она водится во множестве; клев ее совершенно отличен от клева плотицы: она не тербит, не рвет, не таскает крючка, схватив за кончик червяка; красноперка или вовсе не берет, или берет верно. Очень редко выудишь ее в реке; но в конце лета и в начале осени удят ее с лодки в большом количестве в полях прудов, между травами, и особенно на чистых местах между камышами, также и в озерах, весной заливаемых тою же рекою; тут берет она очень хорошо на красного навозного червяка и еще лучше -- на распаренную пшеницу (на месте прикормленном); на хлеб клюет не так охотно, но к концу осени сваливается она в прудах в глубокие места материка, особенно около кауза, плотины и вешняка, и держится до сильных морозов; здесь она берет на хлеб и маленькие кусочки свежей рыбы; обыкновенно употребляют для этого тут же пойманную плотичку или другую мелкую рыбку; уж это одно свойство совершенно отличает ее от обыкновенной плотвы. Мелкая красноперка очень хороша для насадки на хищную рыбу, потому что живуща и не скоро утомляется, ходя на большом крючке. Вкусом мало отличается от обыкновенной плотвы. Для ужения на зерна употребляются маленькие, а для червей и кусочков рыбы -- средние удочки. По необыкновенно красивой наружности, потому что водится не везде и клюет не всегда, даже появляется во множестве не всякий год -- ужение красноперки несравненно выше ужения плотвы.

10. ЯЗЬ

Не умею определить, откуда происходит его название. Язь, так сказать, уже капитальная рыба и занимает одно из почетных мест в ужении крупной рыбы, настоящем охотничьем ужении, которое преимущественно привлекает истинного рыбака. Тот уже не охотник, кто закидывает маленькую удочку на мелкую рыбу там, где клюет крупная: лучше просидеть или простоять несколько часов, ничего не выудив, глядя на неподвижные наплавки, но ежеминутно ожидая богатой добычи, чем приняться за тасканье дрянных плотичек и, может быть, отогнать этим больших рыб. Язи как-то редко попадаются в малом виде; по большей части они начинают брать на удочку, достигнув порядочной величины; впрочем, это замечание не везде верно.

[Это замечание справедливо только в отношении к Оренбургской губернии; около Москвы совсем напротив: мелкие языки попадаются гораздо чаще.]

Около Москвы небольших язей фунтов до двух называют подъязыками, но в других местах России я не слыхивал такого подразделения. Язи около четырех фунтов попадаются всего чаще, но бывают и в девять фунтов. Самый большой язь, которого мне удалось выудить, весил около семи фунтов. Язь довольно широк, но уже не кругловат и ровнее плотицы; иногда достигает трех четвертей длины и двух вершков толщины, разумеется в спине; хвост и нижние перья имеет красные, а верхние -- сивые, глаза светло-коричневые; покрыт чешуей, которая около спины крупнее и темнее, по большей части серебристого цвета, но попадаются изредка язи, в одной и той же реке, желтовато-золотистые. Они водятся только в водах чистых: реках, проточных прудах и больших озерах; икру мечут в мае. Язи легко привыкают к прикормке, особенно постоянной, и только при этом условии можно выудить много крупных язей в одно утро на одном и том же месте; под словом *много* я разумею какой-нибудь десяток. С начала весны язи охотно берут на куски умятого хлеба, величиною с небольшой грецкий орех, потом на крупных земляных и на кучу навозных червей, или глист, также на раковые шейки; вначале и середине лета -- на линючих раков и на большого белого червя (сальника); попозднее -- на кобылок, а осенью язи почти не берут; если и возьмет какой-нибудь шалун, то уже не на большую насадку и удочку, а на удочку маленькую, мелко пущенную и насаженную на пшеничку, муху или тому подобную мелочь. Одного из самых крупных язей я выудил на большого зеленоватого комара особенной породы, на крошечную удочку; зато я водил его около часа. Настоящий клев язей -- со дна; для ужения употребляются крючки большие, если велика насадка, и средние, если она мала. По слитии полой воды вслед за плотицей сейчас начинают брать язи; самый лучший клев их, по замечанию рыбаков, бывает в то время, когда цветет калина. Если вы удите без прикормки, *на ходу рыбы*, то надобно, выбрав узкое место реки, одну удочку закинуть на середину, другую поближе, а третью у берега; если же удите на прикормленном и отлогом месте, то выгоднее класть все наплавки около травы, поближе к берегу, а удилица -- на траву. Без всякого сомнения, в обоих случаях самое драгоценное время для ужения язей -- раннее утро. Тут они берут задолго до восхождения солнца, так что, только сидя лицом к заре и то наклонясь к земле, можно различить наплавки. Только истинный охотник может вполне оценить всю прелесть этого раннего ужения... При торжественной тишине белеет восток и гонит на

юго-запад ночную темноту, предметы выступают из мрака, яснеют; но камыши стоят еще неподвижны, и поверхность вод не дымится легким паром: еще долго до солнца... Вдруг начинаете вы слышать, сначала издали, бульканье поднимающихся со дна пузырей: это воздух, выпускаемый чрез ноздри крупною рыбою... Это верный знак, что идут язи... Пузыри выскакивают ближе, вы уже их видите... Сейчас начнется клев... Язь берет верно и прямо утаскивает наплавок в воду; подсечка должна быть скорая, решительная, но не слишком крепкая и не порывистая. Язь -- одна из сильных рыб и на удочке ходит очень бойко. Надобно осторожно, утомив наперед, выводить его на поверхность воды и наблюдать, чтобы круги, которые он станет давать, были не слишком широки: иначе ему будет легко, бросившись в сторону, натянуть лесу и оборвать.

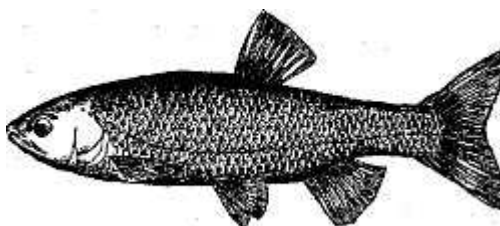
Большие язи бывают очень жирны, и уха из них довольно вкусна, но всего лучше готовить их на холодное под соусом с сметаной и хреном; жаль только, что язь очень костлив. Цвет его тела бледно-бланжевый.

Наибольшую часть крупной рыбы, выуженной мной в течение всего рыболовного моего поприща, составляют язи; река Бугуруслан, на которой я вырос, изобиловала в то время преимущественно язями; головли переводились, а лещи еще не заводились. Итак, большие язи были вождельной добычей рыбака. Да и как славно брали они тогда на хлеб, без всякой прикормки, по всей реке без исключения. Только, бывало, и слышишь о порванных лесах, разогнувшихся или переломленных крючках и удилицах. Разумеется, язей таскали через голову, как плотичек, -- итак мудрено ли, что выуживали четвертую часть из числа попадавшихся?..

К числу диковинных случаев, виденных мною на уженье, можно причислить и следующий: удил я один раз на берегу своего пруда (Оренбургской губернии), а другой рыбак сидел на мостках, устроенных в траве над самым материком, посредине пруда. Вдруг вижу я, что рыбак встал на ноги и начал водить, по-видимому, большую рыбу. Эта история продолжалась так долго, что я пришел в большое удивление. Я попробовал спросить, но расстояние было велико, и мы слышали только крик друг друга, а слов расслушать не могли. Мне надоело смотреть на однообразные движения рыбака, и я занялся собственными удочками; изредка я взглядывал на него и видел все одно и то же. Наконец, по крайней мере через час, увидел, что рыбак поспешно плывет на лодке прямо ко мне: он привез в сачке не отцепленного огромного язя (с лишком в пять фунтов) и пригласил меня посмотреть, каким манером он попался на удочку. В самом деле, это была диковинка: шелковый поводок (в две шелковинки) обернулся и захлестнулся за конец спинного плавательного пера, а крючок, насаженный червяком, не тронутый висел у язя сбоку. Я пробовал держать рыбу на весу (а в воздухе это несравненно тяжелее, чем в воде) -- и рыба держалась крепко. Впоследствии с тем же рыбаком случилась другая история в этом же роде, еще удивительнее, но я расскажу ее, говоря о щуке.

Сообщаю новость охотникам: в прошлом, 1851 году, ночью на 15 сентября, попал мне язь в три фунта на крючок, насаженный карасем и поставленный на налимов, в яме под вешняком. Итак, язь может взять и на рыбку.

11. ГОЛОВЛЬ

Хотя очевидно, что имя его происходит от большой головы, но она у него совсем не так велика, а если и кажется большей величины, чем у других рыб, то единственно оттого, что лоб у головля очень широк и как-то сливается с его брусковатым станом. Головль не так широк, как язь, длиннее его и гораздо толще в спине. По уверению многих рыбаков, достигает до аршинной длины и до четырнадцати фунтов весу; сам же я не видывал головля более девяти фунтов. Он гораздо красивее язя: чешуя крупнее и серебристее, а каждая чешуйка по краям отненена тонкою, блестящею, коричневою каемкой. Рот имеет довольно большой, глаза темные; нижние перья красноваты, а верхние, особенно хвост, темно-сизого цвета, так что когда в полдневный пригрев солнца рыба подыметя со дна на поверхность воды то сейчас отличишь головлей по темно-синим, черным почти, хвостам. Головль любит воду чистую и свежую, водится даже в такой холодной воде, в которой язь не может держаться, так что в реках всегда появляется вслед за породами форели. Даже не знаю, живет ли он в больших озерах, но в проточных речных прудах размножается обильно; исключительно держится на песчаных и хрящеватых местах, даже каменистых; в полях головль редкость: река, материк в пруде, вот его место. Он необычайно быстр в своих движениях чему способствует склад его стана, которым несколько похож на щуку. Не так легко прикармливается хлебными зернами и вообще осторожнее язя, но иногда берет на хлеб; лучше любит червей и особенно сальника, раковые шейки и целых линючих раков; самые большие головли берут на рыбку, предпочтительно ночью, для чего и ставят на них осенью, когда делается холоднее, крючки, насаженные пескарями, гольцами, а по неимению их уклейками и плотичками. Я уже упомянул об ужении головлей летом, по ночам, с лодки, на длинные лесы. Крупный головль большею частью берет со дна; клев его необыкновенно быстр, и он почти всегда сам себя подсекает и потом стремительно выскакивает наружу, мечется, на удочке, как бешеный, и выпрыгивает иногда весь из воды. Рыбак должен стараться предупредить все эти опасные проделки и, угадав по быстроте движений, что у него взял головль, не пускать его со дна наружу, пока он не утомится и не присмирет, иногда погружая для этого конец удилица в воду. Нет рыбы его сильнее, бойчее, быстрее, неутомимее. Огромный головль на удочке -- великолепное зрелище! Самый опытный, искусный рыбак не без страха смотрит на его быстрые, как молния, неусмиряющиеся прыжки и тогда только успокоится, когда подхватит сачком. Головлей удят и без грузила и без наплавка, на наплавную удочку средней величины, насаживая на крючок кобылку, жучка, муху или навозного червяка; это ужение производится на быстрых течениях реки; попадают преимущественно средние головлики и редко крупные; впрочем, большого головля на такую лесу почти невозможно выудить. Хотя он сходен вкусом с язем, но как-то чище, деликатнее. Ужение больших головлей я считаю первоклассным ужением как по осторожности, необыкновенной быстроте и бойкости их, так и потому, что они берут редко: поймать двух, трех крупных головлей в одно утро -- богатая, даже великолепная добыча. Но отчего так редко берут большие головли, тогда как, вероятно, каждому охотнику случалось видеть их гораздо более, чем другой крупной рыбы -- это разрешить я никак не могу. Головли всегда и везде приводили меня в отчаяние -- на реках Оренбургской, Симбирской, Пензенской и Московской губерний. Всего обиднее видеть их иногда гуляющих стаями в полдень, по самой поверхности воды, иногда лежащих на каменистом или песчаном неглубоком дне речного, как стекло прозрачного переката! Под самый рот подводишь им все любимые насадки: раков, огромных земляных червей, жирного сальника, пескаря -- все понапрасну! Точно и не видят! Иногда вдруг один подойдет, как будто понюхает (и займется дух от ожидания у охотника), толкнет рылом насадку и отойдет прочь! Иногда случалось, что кусок опустится прямо на головля, лежащего на дне, и что же? Отодвинется немножко в сторону и ляжет опять на песок, пошевеливая, как кормовым веслом, черным хвостом своим. Рыбаки обыкновенно объясняют это тем, что головли видят охотника и не берут из осторожности. Но бог знает, справедливо ли это объяснение: сторожкая, пугливая рыба, увидев какую бы то ни было движущуюся фигуру, может уплыть прочь, спрятаться -- это понятно; но дальнейших соображений осторожности я не признаю: почему же головли берут редко и в глубоких местах, в воде непрозрачной, где

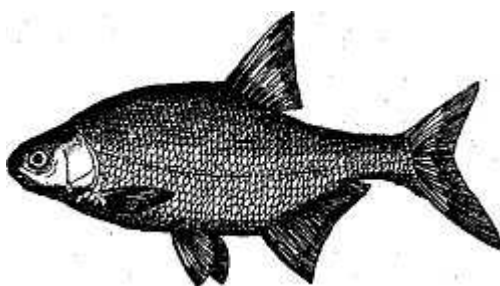
рыбака решительно не видно? Нет, тут должны быть другие причины, которых мы не знаем.

Говоря о головле, считаю не лишним рассказать случай, служащий доказательством, что никогда не должно брать рукою за лесу, вытаскивая большую рыбу, о чем я упомянул выше. Удил я один раз после обеда рано весною в верху большого пруда (то есть в материке), заросшего камышами. Я стоял на узкой стрелке: так назывался мыс, залитый с трех сторон водою. Крупная рыба еще не начинала брать. Три мои большие удочки лежали неподвижно; наконец, тронуло на белого червя (сальника); два раза стаскивало, в третий раз я как-то ловко подсек и вытащил головлика. Видя, что крупная рыба не берет, я откинул большую удочку, взял среднюю, в шесть волосков, насадил маленького сальника и закинул. Не успел я положить удилица, как наплавок исчез... подсекаю -- огромная рыба!.. Гибкое удилице согнулось в кольцо до самой руки. Сначала, по быстроте прямолинейных движений, я подумал, что это щука; но рыба не замедлила меня разуверить: огромный головль, какого я ни прежде, ни после не видывал, вылетел на поверхность воды и начал свои отчаянные прыжки... Тонкая леса моя была так крепка, удилице так гнучко, я водил так осторожно, что через полчаса головль утомился. Я подвел его к берегу, чтобы подхватить сачком, но сачок был *мал* и *мелок*, рыба в нем не умещалась.

[Вот доказательство сказанного мною выше, что сачок всегда должен быть глубок и не мал.]

Между тем вдруг головль сделал отчаянный прыжок и выскочил на густую осоку, которая свесилась с берега и была поднята подтопившею его водою: стоило только осторожно взять головля рукой или накрыть его сачком и вытащить на берег таском; но я, столь благоразумный, терпеливый, можно сказать искусный рыбак, соблазнился тем, что рыба лежит почти на берегу, что надобно протащить ее всего какую-нибудь четверть аршина до безопасного места, схватил за лесу рукою и только натянул ее -- головль взметнулся, как бешеный, леса порвалась, и он перевалился в воду... Я потерял такую драгоценную для охотника, особенно в такое раннее весеннее время, добычу, что буквально был в отчаянии, да и до сих пор не могу вспомнить этой потери равнодушно, хотя впоследствии утешил себя тем, что написал идилию "Рыбачье горе"...

12. ЛЕЩ

Определить с точностью происхождение его имени довольно трудно. Легко быть может, что слова *лещедь*, *лещедка* произошли от одного корня с именем леща, ибо у широкой и плоской лещеди есть с ним некоторое подобие; лещедкой же называется расколотый пенек дерева или сучка, в который ущемляется все то, что надобно придавить, сделать плоским. Круглой, плоской, широкой своей фигурой лещ отличается от всех других рыб: голова у него небольшая, особенно кажется такою по ширине склада; рот еще меньше относительно величины всего тела. Лещи бывают огромной величины и весу: достигают

почти аршинной длины, двух четвертей ширины и в то же время только до двух вершков толщины в спине. Я от многих слышал, что лещи попадаются в восемнадцать фунтов, но сам не видал больше двенадцати фунтов. Они бывают желтовато-золотистого и серовато-серебристого цвета, но первые редки; брюхо -- белое. Чешуя на них крупная, хвост и перья сизые и очень небольшие, глаза белые, с темными зрачками. Фигура леща неприятна, она представляет что-то уродливое. Он не сносит воды холодной и появляется в реках после всех рыб; преимущественно водится во множестве в реках тихих, глубоких, тинистых, имеющих много плес и заливов; особенно любит большие пруды и озера; икру мечет в апреле, в самое водополье. Я помню, что в реке Бугуруслане, Оренбургской губернии, когда она была еще мало заселена, сначала водилось много головлей и мало язей; потом развелось множество язей, а головлей стало мало; лещи же, сколько их ни пускали в пруд, никак не разводились, хотя верст двадцать ниже, где наша река впадает в другую, именно в *Насягай*, лещей было довольно. Теперь же и в пруде Бугуруслана и по всей реке лещей развелось множество.

[Эта перемена произошла через сорок лет.]

Очевидно, что прозрачная и необыкновенно холодная вода реки от многих мельниц и новых поселений постепенно делалась мутнее, теплее, так что, наконец, стали в ней держаться лещи. Впрочем, был употреблен для разведения их тот способ, о котором я говорил в статье "О рыбах вообще". -- Небольшие лещи называются *подлещиками*. Иные считают их особою породою рыбы, но, по-моему, это несправедливо. Весной, едва реки начнут входить в берега и воды прояснятся, как начинается самый жадный клев лещей, потому что они тощи, голодны после извержения икры и молок, как и всякая рыба, а корму еще мало. Они берут на червяка навозного и земляного, но всего охотнее на первого. Впрочем, их можно прикормить хлебом и распаренными зернами; они хорошо берут на размоченный горох. Для ужения, если оно производится в реках, избираются места тихие и глубокие, всего лучше заводи и заливы. В прудах и озерах можно выбирать место какое угодно, но, разумеется, глубокое, имеющее гладкое, покатое дно и удобный берег для вытаскивания добычи. В некоторых водах они водятся в таком изобилии и с весны клюют так охотно и верно, что их можно выудить невероятное количество. Я разумею лещей средних: очень крупные берут всегда редко. Удить надобно со дна, на две и на три удочки; лещ берет тихо и ведет наплавок, не вдруг его погружая: всегда успеешь схватить удилище и подсечь. Удочки лучше употреблять большие, а крючки средние, насаживая по несколько червяков навозных или по одному, ибо лещ берет без церемонии на обе насадки. Первые его порывы на удочке бывают очень сильны, но он скоро утомляется и всплывает наверх, как деревянный заслон: тут весьма удобно подвести его к берегу, подхватить сачком и даже просто взять рукою. Это я говорю о лещах средней величины, то есть около четырех фунтов. Но первые движения огромного леща, то есть фунтов около восьми, десяти, так порывисты и упорны, что надобно крепкую лесу, очень гнупкое удилище и много уменя и ловкости, чтобы выдержать их благополучно. Вот для чего лучше употреблять удочки большого разбора. Говорю это по рассказам, я сам мало уживал лещей, и не тяжеле пяти фунтов. Многие охотники страстно любят весенний клев лещей, который продолжается недели две. Без всякого сомнения, чем рыба больше, тем лестнее ее выудить, а потому и огромные лещи, которые берут не часто, представляют для охотника заманчивое ужение; но тасканье лещей мелких, то есть подлещиков, весом фунтов до двух, которые берут беспрестанно, до чрезвычайности верно и однообразно, сейчас всплывают наверх, и неподвижные вытаскиваются на берег, как деревянные щепки, -- по-моему, совсем невесело: я пробовал такое ужение, и оно мне не понравилось. Для меня гораздо приятнее выудить леща, между многими другими рыбами, в продолжение лета и в начале осени, когда уже он берет редко.

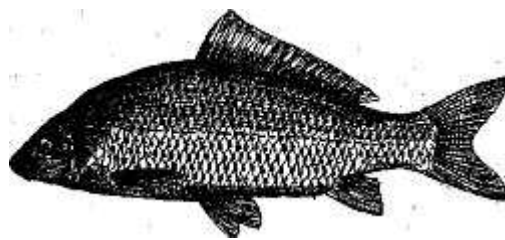
Лещи бывают очень жирны, если хотите вкусны, но как-то грубо приторны, а большие -- и жестки; впрочем, изредка можно поесть с удовольствием бок жареного леща, то есть ребры, начиненные кашей: остальные части его тела очень костливы.

13. САЗАН

Производства его имени сделать не умею; уж полно, русское ли оно? Сазан очень красивая рыба, достигающая пудового веса. Прежде я и не слыхивал, чтобы сазаны водились в реках, средней величины. В Оренбургскую, Симбирскую и другие низовые губернии обыкновенно их привозили зимою в значительном количестве с больших рек и преимущественно с Урала, в который набиваются они со взморья в таком невероятном множестве, что оно может показаться баснословным. Но лет двадцать тому назад в реке Свияге, протекающей под самым Симбирском, вдруг появились сазаны; сначала средней величины и крупные, а впоследствии уже развелось и множество мелких. Не утверждаю за верное, но мне сказывали, что в верховье этой самой реки у какого-то помещика был огромный пруд, не уходивший лет сорок, в котором он развел сазанов (карпий) в изобилии; но вдруг этот пруд прорвало, сазаны ушли и распространились по всей реке. Конечно, всего ближе было зайти сазанам из Волги, в которую Свияга впадает; но почему же они не заходили прежде? Как бы то ни было, но появление сазанов открыло новое превосходное ужение для симбирских рыбаков-охотников. Через несколько лет уже появились сазаны и в других небольших реках Симбирской и даже Пензенской губернии. Мне самому удалось выудить несколько сазанов от трех до четырех фунтов. Без сомнения, они бойчее на удочке всякой другой рыбы. Сазан берет тихо и везет наплавок с возрастающей скоростью, не вдруг погружая его в воду; но как скоро вы его подсечете, он бросается с невероятною быстротой прямо от вас, диагонально поднимаясь кверху и вытягивая в прямую линию лесу и удилище. Не ожидая начала такого маневра, я потерял несколько сазанов и крючков; довольно толстые лесы в одну минуту были порваны. Для ужения крупных сазанов употребляют удочки самого большого размера и особенно крепкие лесы. Сазан клюет только на навозного и земляного червяка. Самый лучший клев -- весной. Сазан очень красив: он покрыт необыкновенно крупною, темно-желто-золотистою чешуей; кажется, будто по золотому полю он весь усыпан гвоздиками с темными шляпками, что напоминает красивую чешую головля. Он довольно широк, при первом взгляде имеет некоторое сходство с карасем, но горбатее, уже и длиннее его; около краев рта имеет два толстые, короткие и мягкие уса, оканчивающиеся кругловатыми и плоскими головками. Сазана я решительно признаю за одну и ту же рыбу с карпией по совершенному их сходству во всем, хотя говорю о каждой особо. У большого сазана мясо несколько грубо, а мелкие сазаны очень вкусны.

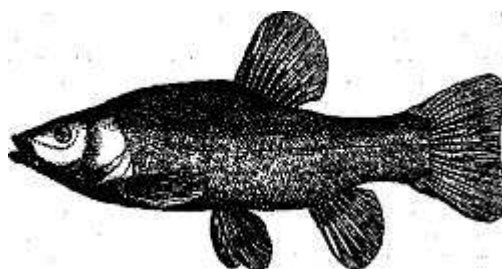
14. КАРП, ИЛИ КАРПИЯ

Карп -- имя иностранное, а карпия -- переделанное на русский лад. Говоря о сазане, я уже сказал, что он и карпия -- одна и та же рыба, с тою разницею, что карпия в прудах имеет цвет не яркий, а серовато-грязный и не достигает такой огромной величины, как сазаны, водящиеся в больших реках и особенно в их устьях, при впадении в море; в

Астрахани, например, улов сазанов бывает невероятно велик и замечателен как по множеству, так и по крупноте их. В самой Москве много водилось карпий в разных прудах, особенно в Пресненских и прудах Дворцового сада, который ныне принадлежит Кадетскому корпусу. В окрестностях Москвы редко найдешь хороший пруд, проточный или непроточный, все равно, лишь бы довольно большой, в котором бы не были разведены карпии. В прудах, долго не чищенных и заглохших тиной, карпии переводятся; нередкодохнут они в прудах и оттого, что в продолжение долгих зим не заботятся о достаточном количестве ежедневных прорубей, отчего вода сдыхается и портится. -- Карпии охотно клюют на земляного и навозного червяка. На удочке очень бойки и сильны, клюют больше со дна. Я не слыхивал, чтоб около Москвы попадались карпии в реках, пойманные же в прудах часто пахнут тиной, если дно в них тинисто. Впрочем, их можно так же, как карасей, сажать в прорезные сажалки, в проточную свежую воду: они скоро потеряют запах тины и получат свой обыкновенный приятный вкус. Карпии, разводимые в прудах, легко приучаются к прикормке в назначенный час и в назначенном месте; если во время их кормления звонить постоянно в колокольчик, то они так к нему привыкнут, что станут собираться на звон колокольчика даже и не в урочное время. Вероятно, и других рыб можно приучить к тому же. В Москве есть еще люди, которые помнят эту проделку в Нескучном саду, когда он принадлежал князю Шаховскому. Весьма недавно в Пресненских прудах водилось множество карпий очень крупных; народ любил кормить их калачами. В самом деле, это было забавное зрелище: как скоро бросят калач в воду, то несколько из самых крупных карпий (а иногда и одна) схватят калач и погрузят его в воду; но, не имея возможности его откусить, скоро выпустят изо рта свою добычу, которая сейчас всплывет на поверхность воды; за нею немедленно являются и карпии, уже в большем числе, и с большею жадностью и смелостью схватывают калач со всех сторон, таскают, дергают, ныряют с ним, и как скоро он немного размокнет, то разрывают на куски и проглатывают в одну минуту. Все эти проделки провожал народ громкими восклицаниями и хохотом. Мне не удалось удить много ни сазанов, ни так называемых карпий, но по рассказам охотников должно заключить, что это ужение, особенно в реках или больших прудах, очень приятно, добычливо и требует в то же время умения, осторожности и сачка: ибо крупная карпия -- самая бойкая, сильная и неутомимая рыба.

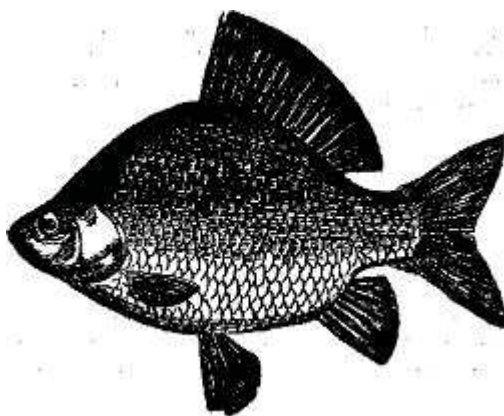
15. ЛИНЬ

Хотя можно имя его произвесть от глагола *лннуть*, потому что линь, покрытый липкою слизью, лннет к рукам, но я решительно полагаю, что название линя происходит от глагола *лннять*: ибо пойманный линь даже в ведре с водою или кружке, особенно если ему тесно, сейчас полиняет и по всему его телу пойдут большие темные пятна, да и вынутый прямо из воды имеет цвет двуличневый линючий. Без сомнения, народ заметил такую особенность линя и дал ему характерное имя. Линь складом своего стана несколько схож с язем, только немного шире, толще его и как-то четверугольнее; он покрыт мельчайшею чешуей темно-зеленого, золотистого цвета, которую трудно разглядеть простыми глазами; он весь как будто обмазан густою слизью; глаза имеет маленькие, ярко-красные; хвост и

перья толстые, мягкие и темные; рот небольшой. Линь достигает значительной величины; уверяют, что лини бывают в четырнадцать фунтов весом, но я не видывал линя более восьми фунтов. Надобно сказать, что я не совсем верю большой величине и весу многих рыб, о которых рассказывают рыбаки и охотники; часто они судят по глазомеру и по руке, и очень ошибаются. Вот, например, лини: сколько я их переудил в жизнь мою, сколько видел выуженных другими или пойманных разными рыболовными снастями; как бы мне не встретить, хотя одного, если не в четырнадцать, то хоть в десять или двенадцать фунтов? Виденный и взвешенный мною на безмене восьмифунтовый линь был длиною в две четверти с вершком, но зато чрезвычайно толст. Лини клюют на хлеб, на земляных и навозных червей, на раковые шейки и на линючих, небольших раков; им трудно заглатывать крупных. Самый клев линей в реках (правильнее сказать: в заливах рек, и то в самых тихих, и то рано весною), озерах и прудах начинается сейчас по слитии внешних вод; летом они берут уже в одних прудах, то есть в их травянистых полоях и верховьях, изредка даже в материке пруда; но в реке незапруженной летом уже ни за что линя не выудишь. В Оренбургской губернии я уживал линей, и помногу, в сентябре, даже при небольших морозах, по глубоким местам в полоях пруда, обросших кругом травой; но около Москвы этого клева не существует: как скоро похолодеет, все лини из заливов и трав уйдут, а в материке не берут. Линь хорошо водится в реках тихих, тинистых и травянистых; холодной воды не любит, но всего больше размножается в проточных прудах, озерах и даже в прудах непроточных, небольших. Рыбаки говорят, что лини мечут икру два раза в год: марте и августе. Нисколько того не утверждая, я замечу, однако, что лучший клев линей бывает в апреле и сентябре, как будто после метанья икры. Заводи, заливы, полои, непременно поросшие травой, -- вот любимое местопребывание линей; их надобно удить непременно со дна, если оно чисто; в противном случае надобно удить на весу и на несколько удочек; они берут тихо и верно: по большей части наплавок без малейшего сотрясения, неприметно для глаз, плывет с своего места в какую-нибудь сторону, даже нередко пятится к берегу -- это линь; он взял в рот крючок с насадкой и тихо с ним удаляется; вы хватаете удилище, подсекаете, и жало крючка пронзает какую-нибудь часть его мягкого, тесного, как бы распухшего внутри, рта; линь упирается головой вниз, поднимает хвост кверху и в таком положении двигается очень медленно по тинистому дну, и то, если вы станете тащить; в противном случае он способен пролежать камнем несколько времени на одном и том же месте. Когда вы почувствуете, что линь очень велик, то ненадобно торопиться и тащить слишком сильно: можно переломить крючок, если он воткнулся в лобковую кость его рта и пришелся на взлом; держите лесу слегка внатяжку и дожидайтесь, когда линь решится ходить; тогда начинайте водить и водите долго, ибо он очень силен и не скоро утомляется; берегитесь травы: он сейчас в нее бросится, запутается и готов оставаться там несколько часов. Далее поступайте так, как следует обходиться с большою рыбою. Линь очень редко срывается, разве порвется леса или сломится крючок. Ужение линей на мелких местах, среди густых водяных трав, что случается очень часто, требует особенной ловкости и умения: запутавшись, завертевши лесу за траву, линь вдруг останавливается неподвижно; разумеется, тащить не должно; но если рыбак, ожидая времени, когда линь придет в движение, опустит удилище и будет держать лесу слишком на слаби, то иногда линь с такою быстротою бросается в сторону, что вытянет лесу в прямую линию и сейчас ее порвет (разумеется, линь большой); а потому советую удить в травах на лесы самые толстые, крепкие и употреблять удилища не слишком гибкие. По своей мягкости и живучести маленькие линьки служат отличной насадкой на хищную рыбу. Уха из линей густа и питательна, имеет вместе особенный, довольно приятный, сладкий вкус; но всего лучше их сушить в сметане. Лини часто пахнут тиной, от чего легко их избавить, посадив в плетеную сажалку и поставив недели на две в проточную воду. В сажалке надобно кормить их печеным хлебом, отчего они скоро разжираются.

16. КАРАСЬ

Самая плодовитая и везде во множестве водящаяся рыба. Складом своим широк и кругловат; фигура его составляет средину между красноперкой и лещом, то есть он шире красноперки и уже леща; покрыт чешуей серебряного или золотого цвета. И белые и желтые караси (как называют их без церемонии рыбаки) живут иногда в одной и той же воде вместе. В небольших копаных прудах во множестве попадаются караси среднего, переходного от белого к желтому, как будто розового цвета; вероятно, это помесь. Вся разница между ними состоит в том, что караси желтые несколько круглее и перья имеют красные, особенно нижние, у белых же они серовато-сизые. Вообще карась -- складная и красивая рыба, преимущественно золотой. Многие уверяли меня, что караси бывают в десять и даже двенадцать фунтов, но я долго этому не верил. Переуdivши в жизнь мою неисчетное множество карасей, я ни одного не выудил тяжелее двух с половиною фунтов. Помню я в детстве моем, как тянули неводами заливные озера по реке Белой (это было тогда, когда Оренбургская губерния называлась еще Уфимскою), как с трудом вытаскивали на зеленый берег туго набитую рыбой *мотню*,

[Мотнею называют остроконечный длинный мешок, находящийся в середине невода.]

как вытряхивали из нее целый воз больших щук, окуней, карасей и плотвы, которые распрыгивались во все стороны; помню, что иногда удивлялись величине карасей, взвешивали их потом, и ни один не весил более пяти фунтов. Но несколько лет тому назад прислал мне зимой в Москву один приятель (Ф. И. Васьков) несколько мерзлых карасей, пойманных в Костромской губернии; все они были необыкновенной величины, или, лучше сказать, толщины, потому что карась, достигнув двух четвертей с небольшим длины, начинает расти только в толщину; один из обитателей Чухломских вод весил девять фунтов! Вот было бы весело поймать такого карася-исполина на удочку! Итак, почему же не быть карасям и в двенадцать фунтов? Живя в Оренбургской губернии, я и не слыхивал об уженье карасей. При изобилии всякой крупной речной рыбы, конечно, никакой охотник не станет думать о карасях. Я познакомился с ними по необходимости, проводя летнее время где-нибудь в окрестностях Москвы. Тут везде есть копаные пруды, иногда очень большие и глубокие, поддерживаемые открывшимися на дне родниками и оттого всегда имеющие хорошую воду; карасей разведено почти везде множество, и я волею-неволею полюбил это уженье. Караси начинают брать весной позднее другой рыбы; надобно, чтоб теплота воздуха и весенние лучи солнца прогрели воду и тем подняли карасей с тинистого дна, из глубоких ям, куда они забиваются на зиму. Если очень холодно, то в начале сентября перестают брать, а если тепло, то берут до октября. Всего охотнее караси клюют на красных навозных червяков, или глист, но берут и на земляных червей и на хлеб: к последнему надо их приучить, бросая куски хлеба для прикормки. Я выудил один раз неожиданно желтого карася на раковую шейку, предназначенную для линя: итак, караси могут брать и на рака. Ежели в пруде водятся и

белые и желтые караси, то на хлеб будут брать преимущественно желтые, а на червяка -- белые; исключения довольно редки. Если же и возьмет на хлеб белый карась, то уже почти всегда не маленький. Странность необъяснимая, потому что белый карась точно так же ест хлебную прикормку, как и желтый. Хотя караси по большей части водятся в озерах и копанных прудах и редко попадают в заливах проточных прудов, но никак нельзя сказать, что они не живут в реках. Я очень часто замечал, что в реке карасей, по-видимому, нет, а во всех озерах и заводках, наливающихся припруженной водою этой же самой реки, везде есть караси. Они разводятся в невероятном количестве в самых нечистых водах и первые годы растут очень скоро, как и всякая рыба. Но живя в водах нечистых, следовательно теплых, караси точно так же могут жить в воде самой холодной. Вот какое тому доказательство видел я сам: в двух верстах от меня, в мордовской деревушке Киватское, была прорванная мельничная плотина, брошенная более десяти лет; против того места, где был прежде вешняк, всегда стояла, полная с краями, глубокая яма воды, студеной, как лед, из которой вытекал ручеек: несомненный признак, что в яме был родник. Почти всякий день проезжал я на охоту с ружьем мимо этого места. Один раз, возвращаясь с охоты, в исходе июня, вижу я кучу народа около вышесказанной ямы. Я зашел посмотреть, что тут делают. Каково было мое удивление, когда я увидел, что несколькими бреднями ловили в яме карасей и уже поймали более воза. Караси были все желтые, все одинаковой средней величины. Ловившие рыбу дрожали от холода, несмотря на жаркое время. Никогда никому не входило в голову, чтоб в этой яме могла держаться рыба, особенно караси: мальчишки увидели плавающие поверху темные тучи какой-то рыбы и рассказали о том в деревне.

Клев карасей чрезвычайно неординарок; иногда они берут беспрестанно и очень верно: тронутый наплавок дает около себя один или несколько кружков и отправляется в сторону, но погружается редко; тут довольно времени схватить удилище и подсечь; тут можно удить на несколько удочек и разложить спокойно свои удилища на чем случится; но иногда, в том же самом пруду, караси начнут клевать до того осторожно, или, лучше сказать, неверно, что надобно удить на одну удочку и держать удилище в руке, потому что должно уловлять, посреди троганья и поталкиванья, малейшую потяжку наплавка; промахов будет немало, но иначе ничего не выудишь; в этом случае гораздо вернее удить на хлеб. Впрочем, иногда караси берут только на хлеб, иногда только на червей. Перемену в характере клева я объясняю тем, что покуда держатся около удочек караси средние, ровные, то клев продолжается верный; когда же привалют стаи мелких карасей (вот почему не годится бросать много прикормки), то начнется одно пустое троганье и поталкиванье, так что порядочный карась должен протесняться сквозь кучу мелких и не может взять тихо и спокойно, а берет также урывками, хватая за хвост червяка, следственно также неверно. Впрочем, и то надобно сказать, что когда в небольшом пруду выужено значительное количество карасей да у числа вдвое большего прорваны, оторваны

[От сильной подсечки нередко совсем отрываются у карасей (и у всякой мелкой рыбы) губы, которые, точно как колечко, держатся на кожице, вытягиваясь в нужном случае наподобие небольшого хобота.]

или поранены губы, то и карась, как он ни прост, должен сделаться осторожным.

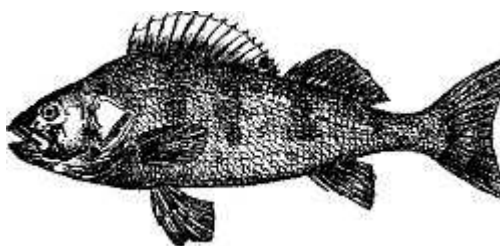
Для хлебной насадки надобно употреблять удочки маленькие, а для червяка -- средние. Очень раннего вставанья по утрам не нужно. В летние жаркие и красные дни, как скоро сядет солнце, караси начинают ходить около берегов; в это время и удочки надобно закидывать как можно ближе к берегу. В полдень же они подымаются наверх и черными большими пятнами, как пролитая смола, то темнее, то светлее, тихо передвигаются с места на место по поверхности воды; тут надобно пускать наплавки как можно мельче, ибо в это время караси берут очень мало со дна. Крупные караси -- я разумею карасей около двух фунтов, -- попав на удочку, довольно бойко бросаются в сторону, вертя и головой и всем телом и виляя хвостом; я предполагаю, что у самых больших карасей этот маневр может быть опасен, и потому надобно стараться сейчас повернуть карася в

сторону, не давая натянуть лесы; карась скоро утомляется и всплывает наверх боком, как лещ. Сушеные и особенно жаренные в сметане караси -- превосходнейшее блюдо, но как они живут в прудах, то вкус их зависит от качества воды и они часто пахнут тиной. Впрочем, если таких карасей насажать в плетеную сажалку и опустить в чистую, проточную воду, то через две, много через три недели они потеряют неприятный вкус и сделаются очень хороши. Карась самая живучая рыба, и потому мелкие карасики служат отличною насадкой для всякой крупной, хищной рыбы.

Две последние породы рыб: линь и карась имеют особенный характер, им только свойственный. Их можно назвать *тинистыми*, ибо они только там разводятся в изобилии, где вода тиха и дно ее покрыто тиной. Тина -- их атмосфера; на зиму они решительно в нее забиваются и остаются живы даже тогда, когда в жестокие бесснежные зимы в мелких прудах и озерах вся вода вымерзает и только остается на дне мокрая, тинистая грязь.

Теперь я приступаю к описанию хищных рыб.

17. ОКУНЬ

Уж право и не знаю, откуда произвести его ими. Не происходит ли оно от глагола *окунуть*: ибо окунь всегда окунает, то есть погружает в воду, наплавков, и даже не один раз, если кусок, им заплываемый, слишком велик?.. Но я нисколько не стою за такое словопроизводство.

После плотвы окунь -- самая многочисленная порода рыбы. В реках, озерах, в прудах проточных и даже непроточных, лишь бы вода была свежа, он разводится изобильно. Окунь довольно широк станом, горбоват, покрыт чешуей зеленоватого, несколько золотистого цвета; на спине имеет гребень с острыми иглами и между им и хвостом плавательное перо; хвост и особенно нижние перья красные, брюшко беловатое, глаза желтые с черными зрачками; поперек всего тела лежат пять полос, что делает его пестрым и вообще очень красивым. На щеках, покрывающих его жабры, он имеет по одной игле, которыми очень больно колется, если его возьмешь неосторожно; большой рот и широкое горло показывают способность глотать большие куски, несоразмерные даже с его ростом, и обличают хищную его породу. Окунь достигает значительной величины и особенно веса. По рассказам людей, впрочем достоверных, бывают окуни в двенадцать фунтов; но я видел только в восемь фунтов, и то мерзлых, привозимых с Урала. Сам я выудил окуня в три с половиною фунта и тяжелее его живых не видывал. В длину окунь не вырастает много, что я особенно заметил, сравнивая восьмифунтового окуня, который был двух четвертей с половиною длины и четыре вершка ширины, с окунем в три с половиною фунта: в длине не было такой большой разницы, какой следовало бы ожидать. Но зато окунь растет в толщину, которая простирается в спине до двух с половиною вершков. Окуни начинают клевать весною, как только прояснится вода, и продолжают до тех пор, пока вода покроется льдом, даже берут зимой в прорубях; впрочем, я никогда не пробовал зимнего ужения. В исходе апреля окуни полны икрой, которую мечут в мае. Выметав икру, начинают они брать жаднее. Самый богатый клев окуней -- в августе и в начале сентября, когда от легких морозов вода делается чище, прозрачнее и им будет не так удобно ловить мелкую рыбу.

[Должно заметить, что это не везде так. Около Москвы, например, во второй половине августа клев значительно уменьшается. Впрочем, здешние речки от беспрестанных мельниц или фабрик находятся постоянно в подпруде и характера рек, текущих самобытно, то есть массою собственной, ненакопленной воды, -- не имеют.]

Почти все охотники очень любят ужение окуней, и многие предпочитают его всем другим: во-первых, потому, что окуни клюют часто и если подойдет стая окуней (а осенью они собираются стаями), то уже немногие из них пойдут прочь, не хватив предлагаемой пищи; во-вторых, потому, что они берут жадно и верно, даже до того, что большею частью совсем проглатывают насадку; и, наконец, в-третьих, потому, что ужение их не требует осторожности. Окунь не только не боится шума и движенья воды, но даже бросается на них, для чего палкой или толстым концом удилица нарочно мутят воду по дну у берега, ибо это похоже на муть, производимую мелкою рыбешкой. Средние окуни чаще берут на весу, а крупные -- со дна, если оно чисто. С весны надобно удить на червей, летом -- на раковые шейки и линючих раков и особенно на большие линючие раковые клешни, которые окуни очень любят; к осени же, до самой зимы, всего лучше удить на маленьких рыбок; если же их нет, что часто случается, то надобно поймать плотичку или какую-нибудь нехищную рыбку, изрезать ее на кусочки, крупные или мелкие, смотря по рыбе, какая берет, и по величине удочки, и насаживать ими крючки. Впрочем, окунь неразборчив и клюет почти всегда на все вышеименованные насадки, даже на кусочки сырого мяса; на крупных же земляных червей окуни берут очень жадно во всякое время года.

[Около Москвы, сколько я ни пробовал удить на кусочки рыбки или мяса, -- окуни у меня никогда не брали.]

Выгоднейшее время для ужения, без сомнения, утро; но в раннем вставанье, до солнца, нет надобности. По утрам должно удить на местах чистых, открытых или около трав; в полдень, напротив (разумеется, в летние жары), окунь любит стоять в тени, в корягах под кустами, под навесом трав и лопухами; следовательно, надобно удить в самых травах; вечером же окунь опять ходит по местам чистым и открытым. Если окуни берут не часто, то можно удить и на три удочки, из которых одну, большего размера, насадив крупной насадкой, положить на дно, а две пустить на весу. Если же окуни берут беспрестанно, то и с двумя удочками трудно управиться. Тут уже дело не в том, чтобы успеть подсечь, а в том, чтоб окуни не слишком далеко заклевывали и не утаскивали удилиц совсем в воду. Далекое заклевыванье отнимает много времени при доставании крючка, портит поводок и рыбу, отчего она сейчас умирает. Как скоро окунь повез наплавок или погрузил в воду, сейчас надобно его вытаскивать. Окунь никогда не хватает, не рвет насадки с разбега, с размаха, как то делают многие нехищные рыбы: клев его решителен, серьезен, добросовестен, ибо никогда не обманчив. Я имел случай много раз наблюдать его в прозрачных водах: завидя добычу, крупный окунь прямо бросается к ней, сначала быстро, но чем ближе, тем медленнее; приближаясь, разевает рот и, почти коснувшись губами куска, вдруг останавливается неподвижно и, не делая движения ртом, как будто потянет в себя воду: крючок с насадкой исчезает, а окунь продолжает плыть как ни в чем не бывало, увлекая за собой и лесу, и наплавок, и даже удилице. Ловя живую рыбу, он поступает иначе: стремительно бросается за нею и хватает ее на бегу. Окунь почти никогда не срывается; промахи случаются также очень редко. Правда, бывает иногда клев, который может привести а заблуждение неопытного рыбака, ибо беспрестанно какая-то рыба утаскивает наплавок и беспрестанно промахи следуют один за другим; видя всякий раз, что конец червяка оторван, охотник сначала считает это шалостью ельцов или плотвы, хотя характер клева чисто окуневый. Между тем посреди множества промахов иногда вытаскивает он порядочных окуней и убеждается, что и окуни иногда шалят, обманывают, клюют неверно. Обвинение несправедливое. Все сии проделки происходят от самых

маленьких окуней, которые грешат невольно, ибо не могут заглотать ни длинного червяка, ни толстой раковой шейки; как же скоро подойдет окунь покрупнее, то сейчас возьмет верно, и рыбак его вытащит; чтоб убедиться в этом, надобно взять маленькую удочку, насадить маленького червячка, и сейчас будет выужен крошечный окунишка. Если охотник не захочет дожидаться подхода окуней покрупнее, которым мелкие сейчас уступят добычу, то надобно перейти на другое место, ибо стая окунишек, на которую он попал, не отстанет целый день от его удочек.

Бесспорно, что крупных окуней удить весело (об огромных нечего и говорить), но я должен признаться, что частый клев окуней средних и мелких так однообразен, так верен, вытаскивание их так просто, что все это вместе иногда может так же наскучить, как и тасканье подлещиков. Искусство удить тут почти исчезает, а с ним -- и весь интерес ужения. Я знаю, что за это восстанут на меня многие охотники, ибо клев окуней считают лучшим, но я говорю откровенно свое мнение. Большие окуни очень упористы и сильны и, покуда не будут утомлены, ни за что наверх не выходят; для них употребляются удочки большого размера, и, несмотря на то, надобно их вытаскивать осторожно; хотя огромный окунь не кидается быстро во все стороны, но зато, стараясь упираться головою в берег или дно, так круто поворачивается, что может порвать и крепкую лесу.

Известно, что окуни составляют превосходное и самое здоровое кушанье: приготовленные на холодное, а еще лучше печеные в чешуе, они имеют отличный вкус и вдобавок совсем не костливы. Уха из них также очень хороша.

Отличительное свойство окуней -- жадность, в чем разве только щука может с ними равняться; ужение *на блесну*, о котором я поговорю особо, служит тому неопровержимым доказательством. Я расскажу два убедительные примера этой жадности, случившиеся со мной. В одно прекрасное летнее утро, на большом озере, называемом по-татарски Киишки,

[Киишки -- по-русски значит длинный. Это озеро находится в тридцати верстах от губернского города Уфы и в полуверсте от реки Белой, с которой сливается весной; разумеется, русские называют его и сидящую на нем деревню Кишки.]

таскал я плотву и подлещиков; вдруг вижу, что на отмели, у самого берега, выпрыгивает из воды много мелкой рыбешки; я знал, что это происходит от преследования хищной рыбы, но, видя, что возня не прекращается, пошел посмотреть на нее поближе. Что же я увидел? на отмели, острым углом вдавшейся в берег, не глубже двух вершков, большая стая порядочных окуней ловила мелкую рыбу, которая от неизбежной гибели выскакивала даже на сухой берег; окуни так жадно преследовали свою добычу, что сами попадались на такую мель, с которой уже прыжками добирались до воды поглубже: я даже поймал трех из них руками. Несмотря на мое присутствие, окуни не переставали гонять и ловить рыбу; я сбегал за своей удочкой и, насаживая мелкую рыбешку, лежавшую на берегу, и закидывая в самую середину стаи, выудил тридцать хороших окуней. Другой случай еще поразительнее: в ненастную и ветреную погоду пришел я удить окуней у мельничного кауза,

[Я уже сказал, что кауз около Москвы называют "дворец". Не происходит ли это название от слова "дверца", то есть маленькая дверь, поднимающаяся для протока воды на колесо? Может быть, сначала говорили "дверец", а потом, для удобства произношения, стали говорить "дворец".]

между сваями, его окружавшими; едва только закинул я среднюю удочку, насаженную на раковую шейку, как пошел проливной дождь, от которого я спрятался под крышею пильной; дождевая туча еще не пронеслась, как я услышал крик зовущего меня мельника; я поспешно бросился к нему и вижу, что он возится с моей удочкой, на которую взяла большая рыба; но я не успел прибежать вовремя: мельник стоял с одним удилищем и лесой, оборванной выше наплавка... Как ни досадна была эта услужливость, от которой я

потерял большую рыбу и прекрасно устроенную удочку, но делать нечего; я развернул другую большую удочку, насадил кучу глист и раковую шейку и закинул: через минуту наплавок исчез, и я вытащил славного окуня, фунта в два, у которого изо рта висела и другая, сейчас оторванная им длинная леща и с наплавком. Оба случая, теперь описанные и иногда рассказанные мною не охотникам, не рыбакам, нередко возбуждали лукавые улыбки, в которых ясно выражалось, что мои рассказы годятся в известную книжку: "Не любо, не слушай, а лгать не мешай"; но иногда ничего нет невероятнее истины и мудренее действительности.

Вот и еще рассказ, не менее сомнительной вероятности для не охотников: я знаю Симбирской губернии в Корсунском уезде один глубокий пруд, весь состоящий из запруженного сильного родника, называемого Белый ключ. Вода была превосходная, так что в ней жили насаженные головли и даже стерляди. В пруду развелось такое множество окуней и пескарей, что ужение вышло отличное и *диковинное*: рыбак закидывал удочку на червяка, сию минуту проглатывал его пескарь, и в непродолжительном времени проглатывал пескаря окунь... Сначала это был сюрприз для охотника, но потом мы все пользовались таким удобством, то есть самопроизвольной насадкой пескарей, и кто хотел удить именно окуней, тот не снимал только с крючка попавшегося пескаря. Говоря о насадке живцов за губу (на странице 311), я сказал о выгодах и невыгодах такой насадки. Всякий, кто поудил бы один час в пруде Белого ключа, убедился бы вполне в справедливости сказанного мною о невыгоде такого способа: это была именно насадка за губу; окуни брали беспрестанно, но вытаскивались менее чем наполовину. Я тут же пробовал насаживать в спинку, и ни один окунь не срывался.

В прошедшем 1853 году, в исходе июля, у одного рыбака взял окунь на земляного червя (чего он не заметил), а на окуня -- щука, которую он и вытащил. Замечательно, что щука не могла проглотить окуня, хвост которого торчал из ее рта.

18. ЩУКА

При всем моем усердии не могу доискаться, откуда происходит имя щуки. Эта рыба по преимуществу хищная: длинный брусковатый стан, широкие хвостовые перья для быстрых движений, вытянутый вперед рот, нисходящий от глаз в виде ткацкого челнока, огромная пасть, усеянная внизу и сверху сплошными острыми, скрестившимися зубами,

[Щука меняет зубы ежегодно в мае месяце. Я, к удивлению моему, узнал об этом очень недавно.]

из коих не вырвется никакая добыча, широкое горло, которым она проглатывает насадку толще себя самой, -- все это вместе дает ей право называться царицею хищных рыб, обитающих в пресных водах обыкновенных рек и озер. Я разумею здесь только те породы рыб, которые называются *бель*, в противоположность чему все другие породы, как-то: осетры, севрюга, белорыбица и проч., называются *красная рыба*. Щука имеет большие, темные, зоркие глаза, которыми издали видит свою добычу; она покрыта чешуей, испещрена все пятнами и крапинами темно-зеленоватого цвета; брюхо имеет белое, хвост и плавательные перья зеленовато-серые с темными извилистыми каемками. Я слышал, что щука может жить очень долго, до ста лет (то же рассказывают и даже пишут о карпии), в

чем будто удостоверились опытами, пуская небольших шурят с заметками на хвосте или перьях в чистые, проточные пруды, которые никогда не уходили, и записывая время, когда пускали их; слышал, что будто щуки вырастают до двух аршин длины и до двух с половиною пуд весу; все это, может быть, и правда, но чего не знаю, того не утверждаю.

[После выхода моей книжки первым изданием случилось мне прочесть в "Охотничьей книге" г-на Левшина, напечатанной в 1812 году (часть 4-я, стран. 487-я) любопытное известие о долговечности щук; выписываю его с совершенною точностью: "Когда вычищали пруды близ Москвы, в Царицыне, чему прошло с небольшим двадцать лет, то, между прочего, при пересаживании рыбы в сажалки поймана была щука около трех аршин длиною и в поларшина шириною, с золотым кольцом, продетым в щечную кость близ жабр, с надписью на оном: "*Посадил царь Борис Федорович*". По тогдашнему исчислению щуке сей оказывалось более двухсот лет. Леман утверждает, что 1497 года в Хейльброке поймана была в одном озере щука девятнадцати футов (семи аршин с лишком), и по надписи на медном кольце, на ней бывшем, оказалось, что в озеро сие посажена она была цесарем Фридрихом II в 1230 году; следственно, в сей воде жила она двести шестьдесят семь лет. Весу в ней было восемь пуд тридцать фунтов; она от старости почти вся побелела. -- Предоставляю читателям поверить, насколько им угодно, справедливости таких рассказов.]

Самая большая щука, какую мне удалось видеть, весила один пуд и пятнадцать фунтов; длиною она была аршин и семь вершков, шириною в спине и боках в четверть аршина, но зато почти во всю длину была равной квадратной толщины. Щука преимущественно питается рыбой и всякой водяной гадиной; она по алчности своей глотает даже лягушек, крыс и утят, отчего большую щуку называют *утятницей*. Щука водится только в водах чистых и появляется в реках вместе с плотвою и окунями, и вместе с ними дохнет, если вода в пруде или озере от чего-нибудь испортится. Она мечет икру в самом начале апреля, а иногда, если весна ранняя, в исходе марта. Где много всякой мелкой рыбы, там и щуки разводятся и держатся во множестве; большею частью ловят их на жерлицы, о чем я поговорю впоследствии. Щука очень охотно берет на удочку, крючок которой насажен какою-нибудь мелкой рыбкой, для чего поводок употребляется металлический или из простой басовой струны, о чем говорено выше, но клюет также на рака и даже изредка на червяка; клев ее иногда очень быстр, и как скоро она схватит насадку, то наплавок мгновенно исчезает из глаз, но случается, что она схватит рыбку, не проглотив ее, тихо поведет наплавок в сторону, несколько не погружая его. Щука нередко берет на простые удочки, закинутые совсем не для нее; разумеется, сейчас, как ножницами, перекусывает самую толстую лесу или поводок, что иногда бывает очень досадно. Только в одном случае можно вытащить щуку на удочку с обыкновенным поводком: если крючок зацепит за край губы и ей нельзя будет достать зубами до лесы, но такие счастливые случаи очень редки. Щук не нужно удить со дна; напротив, приманка будет гораздо виднее, если насаженная на крючок рыбка станет ходить аршина на полтора глубины. Вообще ужение на рыбку редко производится со дна. С весны щуки берут мало на жерлицы, летом же подпадают они около трав, в которых обыкновенно стоят, подстерегая мелкую рыбу, но всего лучше удить их осенью:

[Это говорится про Оренбургскую губернию: там величайшая редкость, если щука возьмет даже летом или осенью на белого червя (сальника); хотя редко, но иногда берет она на раковую шейку; на земляного же и навозного червя -- никогда. Около Москвы совсем напротив: особенно рано весной, выметав икру (и особенно в реке Воре, Дмитровского уезда), щуки берут очень часто не только на земляного, но даже на маленького навозного червяка. Это было бы нетрудно объяснить тем, что подмосковные речки слишком сильно вылавливаются и что в них мало мелкой рыбы, отчего щуки голодны; но я должен сказать, что здесь гораздо чаще берут они на червяка, чем на жерлицы или удочки, насаженные рыбками, преимущественно весной; следовательно,

этого вопроса иначе нельзя разрешить, как предположением, что здешние щуки имеют особенный вкус к червям. В прошедшем 1853 году ужение началось очень рано, и мне удалось поймать несколько небольших щук в апреле месяце: всех на маленькие удочки и всех на червяка. Одну из них выудил я на поводок из *одной шелковинки!* Берег был крутой, я удил без товарища и принужденным нашелся выкинуть щуку (в полтора фунта) на довольно высокий берег. Крошечный крючок она проглотила, но шелковинка в самом зеве захлестнулась за костяную оконечность верхней губы, отчего не попала на зубы; рыба вытаскивалась боком и казалась вдвое тяжелее. Рыбаки понимают, что это очень редкий и счастливый случай.]

во-первых, потому, что вода делается светлее и щуки издали видят приманку, и во-вторых, потому, что водяные травы от морозов опадут и щукам делается не так удобно прятаться и не так ловко ловить мелкую рыбешку: в это время они голодны и жадны.

Рыбаки рассказывают следующую хитрость щуки: она становится на мели, головою вниз по течению воды, и хвостом мутит ил на дне, так что муть совсем закрывает ее от мимо плывущих рыбок, на которых она бросается как стрела, лишь только они подплывут близко: сам я таких штук не видел. Ужение щук очень веселое потому, что, как скоро вы закинете удочку и поблизости есть щука, то она не замедлит явиться, равно и потому, что нередко берут щуки очень большие. Хотя на удочке они очень бойки и в движениях быстры, но как-то не упористы, а ходки и на поворотах повадливы: вероятно, брусковатая, челнообразная фигура их тому причиной; небольшие щуки, фунтов до трех, довольно легко выкидываются на берег даже без сачка; разумеется, леса должна быть толстая и поводок здоровый; равного с ней весу окунь покажется гораздо тяжелее. Присутствие щук легко можно угадать по внезапному прекращению клева плотвы и другой некрупной рыбы и еще вернее по выпрыгиванью из воды мелкой рыбешки, которая как дождь брызжет во все стороны, когда щука с быстротою стрелы пролетит под водою. Выудивши щуку, много две, на одном месте, надобно перейти на другое, на третье место и так далее; то же должно сделать, ежели пройдет с полчаса, и щуки не берут: это верный знак, что их нет поблизости. Некоторые охотники страстно любят ужение щук и предпочитают его всем другим ужениям; не разделяя этого мнения, я понимаю его причину. Для кого не скучно переходить с места на место, а, напротив, скучно сидеть на одном и том же месте, напрасно ожидая клева порядочной рыбы; кто любит скорое решение: будет или не будет брать; кто любит повозиться с рыбой проворной, живой, быстрой в своих движениях, которая выкидывает иногда необыкновенные, неожиданные скачки, -- тому ужение щук и вообще хищных рыб должно преимущественно нравиться.

За щуками, особенно небольшими, водится странная проделка: по недостатку места, где бы можно было спрятаться, щука становится возле берега, плотины, древесного пня, торчащего в воде, сваи или жерди, воткнутой во дно, и стоит иногда очень близко к поверхности воды, целые часы неподвижно, точно спящая или мертвая, так что не вдруг ее заметишь; даже мелкая рыба без опасения около нее плавает; цель очевидна, но инстинктивную эту хитрость она простирает до неразумного излишества. Стоящих в таком очарованном положении щук и щурят не только стреляют из ружей,

[Всякую рыбу, стоящую неглубоко в воде, можно застрелить из ружья. Надобно только взять в соображение угол падения дроби и метить не в самую рыбу, а дальше или ближе. Угол отражения дроби (всегда равный углу падения) будет зависеть от того, как высок берег, на котором стоит охотник.]

но даже бьют, или, правильнее сказать, глушат, дубинами, как глушат всякую рыбу по тонкому льду;

[Как только вода в пруде или озере покроется первым тонким и прозрачным льдом, способным поднять человека, ходят с дубинками по местам не очень глубоким. Заметя близко ко льду высоко стоящую рыбу, сильно ударяют дубинкою над ее головою -- рыба

оглушится (впадет в обморок) и взвернется вверх брюхом: проворно разбивают тонкий лед и берут рыбу руками, покуда она не очнулась.]

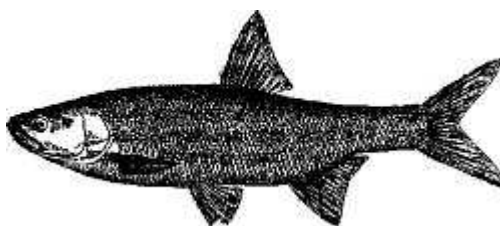
даже наводят на них волосяной силок, навязанный на длинной лутошке, и выкидывают на берег. Я имел случай убить из ружья стоящую в таком положении щуку в девять фунтов. Мало этого, при моих глазах мой товарищ-рыбак, сидевший и удивший со мною в одной лодке, крепко привязанной к кольям, приметив щуку, стоящую под кормом лодки, схватил ее рукою... она весила с лишком два фунта. Алчность щук не имеет пределов; они нередко кидаются на таких рыб или утят, которых никак заглотать не могут, из чего выходят презабавные явления: добыча, будучи сильнее вцепившегося в нее врага, таскает его по воде за собою. Я сам видел, как оперившийся совсем утенок, или, лучше сказать, молодая утка, с ужасным криком от испуга и боли, хлопая по воде крыльями и даже несколько приподымаясь с воды, долго билась со щукой, которая впиалась в заднюю часть ее тела; видел также, как большой язь таскал за собой небольшую щуку, схватившую его за хвост. Но я расскажу два случая, еще более доказывающие непомерную жадность щуки. Рыбак, стоявший возле меня на плотине огромного пруда, вытаскивая небольшую рыбу, вдруг почувствовал на удочке такую тяжесть и упорство, что едва не выронил из рук удилища, но, приняв это за неожиданное движение какой-нибудь средней рыбы, стал тащить с большею силою и выволок на плотину порядочную щуку. Каково было наше удивление, когда мы увидели, что за крючок взяла обыкновенная плотичка, а за нее уцепилась щука, не касаясь крючка, и так крепко вонзила свои зубы, что надобно было палкой разжать ей рот! Другой случай был со мной недавно, а именно в половине сентября 1845 года: пришел я удить окуней, часу в восьмом утра, на свою мельницу; около плотины росла длинная трава; я закинул удочку через нее в глубокий материк, насадив на крючок земляного червя; только что я положил удилище на траву и стал развивать другую удочку, как наплавок исчез, и я едва успел схватить удилище; вынимаю -- поводок перегрызен; я знал, что это щука, и сейчас закинул другую удочку; через несколько минут повторилась та же история, но я успел подсесть и начал уже водить какую-то большую рыбу, как вдруг леса со свистом взвилась кверху: поводок опять оказался перегрызен; явно, что и это была щука и уже большая, ибо я почти ее видел. Не имея с собой поводка для щук, что было очень досадно, я закинул третью удочку, насаженную также на земляного червя, но уже держал удилище в руке, в готовности подсесть щуку при первом движении наплавка; так и случилось: едва наплавок стал наклоняться, я проворно подсесть и свободно вытащил небольшую щуку, которая также откусила у меня поводок, но уже на плотине. Дома, когда стали эту щуку чистить, чтобы сварить к столу, нашли у ней в глотке, кроме последнего, и первый мой крючок с отгрызненным поводком. Итак, это была щука, взявшая у меня в первый и третий раз, ибо вторая, с которою я довольно возился, была вдвое больше выуженной щуки; но какова же жадность, что ни боль от крючка в горле, ни шум от возни со второю щукою не могли отогнать первую! Я очень хорошо знаю, что подробное описание таких случаев может быть интересно только для настоящих и страстных охотников, но именно для них я и пишу. Для них также должен я сказать, что в том же году я выудил щуку в три с половиною фунта на один волос из индийского растения, или сырца. Со мной не было сачка, потому что я удил мелкую рыбу, и я должен был посылать за ним домой; итак, около получаса щука, проглотившая далеко крючок, билась и металась на одном волоске и не могла перегрызть его. Хотя я не охотник до этого выписного волоса, но должен признать превосходное его качество в этом отношении. Щука средней величины, пойманная весною (тогда называют ее щукою с голубым пером) и даже летом и сваренная на холодное прямо из воды, а не снулая, составляет недурное блюдо.

Щука берет иногда очень поздно осенью, по ночам, со дна, на крючки, поставленные на налимов и, разумеется, насаженные рыбкой.

Говоря об язях, я рассказал, как пятифунтовый язь был выужен за спинное перо; но тот же охотник выудил щуку в восемнадцать фунтов за перо хвостовое, проколотое крючком. Хотя леса была толстая и крепкая, но рыбак, видя, что рыба попала огромная, что

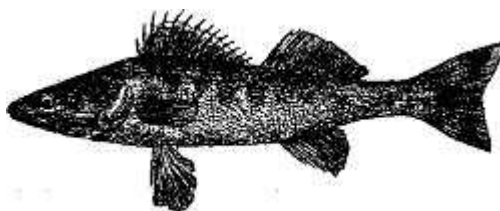
поворотить ее невозможно и что леса вытягивается в прямую линию, -- бросил удилище. Щука гуляла с ним по широкому пруду, погружая даже удилище совсем в воду; рыбак плывал за нею в лодке; как скоро рыба останавливалась, он брал удилище в руки и начинал водить; как скоро натягивалась леса прямо -- бросал удилище. Таким образом, утомляя рыбу *несколько часов* сряду, рыбак вывел ее на поверхность, как сонную или одурелую, и подхватил сачком. Он долго не знал, с какой рыбой возится, и увидел, что это щука, только тогда, когда она в первый раз всплыла наверх. Честь и слава искусству и долготерпению охотника!

19. ЖЕРИХ, ШЕРЕСПЕР

Эта хищная рыба во всех низовых губерниях называется *жерих*, а около Москвы -- *шереспер*. Первое имя, вероятно, происходит от глагола *жировать*, то есть играть, прыгать, что весьма соответствует свойствам этой рыбы, ибо она очень любит выпрыгивать из воды и плескаться на ее поверхности из одного удовольствия, а не для преследования добычи; второе же имя должно происходить от того, что жерих, выскакивая из воды, расширяет свои плавательные, и без того весьма широкие, перья и гребень. Я слышал также и даже читал, что эту рыбу называют *конь*: название -- тоже приличное по ее скачкам. Я буду употреблять первое имя для удобства произношения и потому, что употребление его гораздо обширнее. Жерих длинен, похож на язя своим станом, но уже его и цветом крупной чешуи гораздо белее, серебристее, кроме спины, которая темнее язевой; он имеет ту особенность, что нижняя губа его рта длиннее верхней; верхняя как будто имеет выемку, а нижняя похожа своим образованием на загнутый кверху птичий нос и входит в выемку верхней части рта. Таким образом, рот жериха представляет несколько клюв хищной птицы в обратном положении. Хвост его и верхнее перо очень тверды и широки, цветом серые, а нижние перья красноватые; глаза серые, зрачки темные; рот довольно велик, но не огромен. Нижняя часть тела белая. Жерих не водится в маленьких речках, но любит реки большие или по крайней мере многоводные, глубокие и быстрые; живет также и в больших, чистых озерах, питается всякими водяными насекомыми, мелкою рыбою и на нее только берет на удочку; клев его чрезвычайно быстр, и на удочке ходит он необыкновенно бойко; он вырастает длиною в аршин и весом бывает в восемнадцать фунтов. Говорят рыбаки, что жерихи бывают в тридцать фунтов, но я этого не утверждаю. Икру мечут в исходе апреля и в начале мая. Без сомнения, ужение жерихов одно из лучших, интереснейших для охотника; но, к сожалению, я очень мало знаком с ним и не могу сообщить дальнейших подробностей об этой замечательной рыбе. Я видел, что рыбаки удят их на рыбку, на быстринах, на весу, аршина в полтора глубины. Любимое место жерихов -- глубокие водоемы под вешняками или спусками, где вода кипит и клубится беспрестанно, когда два или три запора подняты, что на сильных реках делается постоянно. В пене, шуме и брызгах прядают вверх и шлепаются эти *водяные кони*, и туда рыбак бросает свою прочно устроенную удочку с тяжелым грузилом. Жерих, приготовленный прямо из воды на холодное, составляет прекрасное блюдо.

20. СУДАК

С этой превосходною рыбою для стола я еще менее знаком как рыбаком, но знаю, что она берет на удочку. Судаки вырастают до огромной величины, вес их простирается до полпуда и более. Живут в больших реках, проточных озерах и прудах, но предпочтительно любят быструю и свежую воду реки. Судак имеет рот вытянутый, длинный, редкие, но толстые и крепкие зубы и довольно большой язык, что дает ему некоторое право, по моему мнению, причисляться к роду форелей. Станом он брусковат и похож на щуку, но немного шире ее; нижняя половина его тела и брюха -- серебристо-белого цвета, а спина и верхние стороны боков -- сероваты; поперек всего тела лежат двенадцать неясных полос темно-синего, неяркого цвета; глаза имеет довольно большие, желтоватые, зрачки темные. В реках, где водится много судаков, они берут охотно на удочку, насаженную рыбкой. Судак, очевидно, хищная рыба; он попадает на жерлицы и крючки так же, как щука, но преимущественно ночью, с весны до половины лета. Живые, не истомленные долгим сиденьем в прорезях судаки составляют лакомое и здоровое блюдо; это необходимая принадлежность хорошего стола, вследствие чего иногда бывают очень дороги; но зато мерзлых судаков в Москву и ее окрестности навозят такое множество, что они к концу зимы делаются иногда чрезвычайно дешевы, то есть рублей по шести ассигнациями за пуд. Для постников это драгоценная рыба: вкусна даже перемерзлая, здорова, не костлива, на все пригодна, не приедается и дешева. Одним словом -- это постная говядина.

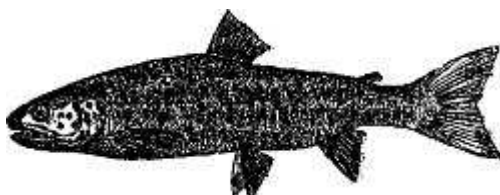
21. ЛОХ, КРАСУЛЯ

Эта превосходная порода рыбы во всех отношениях заслуживает второе имя, которым зовут его в Оренбургской губернии. Иногда употребляют и название "красной рыбы", вероятно по желтовато-розовому цвету ее тела и, может быть, по красным крапинам, которыми она испещрена; но не должно смешивать красулю с собственно так называемую *красною рыбой*, или семгой: последняя отличается от первой более широким станом, серовато-белым цветом чешуи и большею краснотою тела; она живет преимущественно в больших реках. Красуля принадлежит к породе форели и вместе с нею водится только в чистых, холодных и быстрых реках, даже в небольших речках или ручьях, и в новых, не загрязненных навозом прудах, на них же устроенных, но только в глубоких и чистых; стан ее длинен, брусковат, но шире щучьего; она очень красива; вся, как и форель, испещрена крупными и мелкими, черными, красными и белыми крапинами; хвост и перья имеет сизые; нижнюю часть тела -- беловато-розового цвета; рот довольно большой; питается мелкою рыбой, червяками и разными насекомыми, падающими в воду снаружи и в ней живущими. Красуля достигает огромной величины; мне принесли однажды красулю, пойманную в маленькой речке, куда она зашла по мутной, весенней воде: она весила двадцать семь фунтов и была уже несколько брюхаста.

При ужении форели, обыкновенно на красного червяка, попадают иногда и красули, но это бывает редко, потому что они берут преимущественно на рыбку; большею частью ловят их разными рыболовными снастями, бьют по ночам острогою и даже стреляют из ружей, подкарауливая, когда красули по мелким, каменистым перекатам, в красные летние

дни, всегда около полдён, перебираются из одного омута в другой. Эта последняя необыкновенная охота особенно в употреблении у оренбургских татар, живущих по берегам Большого и Малого Зая, протекающих и сходящихся в одну реку в Бугульминском уезде. Проезжая из Бугульмы в Казань, на одной станции знакомый мне ямщик, татарин, попросил у меня на несколько зарядов пороху и крупной дробы; я охотно дал ему и того и другого, но спросил, какую птицу он стреляет. Татарин отвечал мне, что он стреляет рыбу, именно лохов. Разумеется, я расспросил обо всех подробностях этой необыкновенной охоты и даже сам сходил посмотреть места по Малому Зая, на которых он стрелял красуль, водящихся в этой реке в большом изобилии: берега были высоки и удобны для того, чтоб за ними притаиться, а перекаты так мелки, что и небольшую рыбку нетрудно было застрелить. -- Во всю мою жизнь я выудил только одну красулю, на маленького навозного червяка, фунта в три весом, но и та чрезвычайно бойко ходила на удочке; можно предположить, что очень трудно возиться с большой красулей. Вкус ее превосходен. Она имеет довольно большой язык, как и все три породы форелей.

22. ФОРЕЛЬ, ПЕСТРУШКА

В Оренбургской губернии водилась она в чрезвычайном изобилии во всех ручьях и речках, ибо все они были студены летом, как лед, и прозрачны, как горный хрусталь. Но набежавшее отовсюду разнородное и разноплеменное народонаселение, впрочем, далеко еще не заселившее этого чудесного края, поизмяло его роскошные луга и помутило светлые воды. Теперь форели водится гораздо менее, но все еще много. В некоторых речках, мне известных, она осталась в их верховьях, до первой мельницы. Простой народ и не знает слова *форель*; он называет эту прелестную рыбу: *пестряк*, а в собирательном: *пеструшка* -- имя самое приличное, ибо она вся испещрена черными, красными и белыми крапинами. Станом, складом, пестротой кожи -- одним словом, всем она так похожа на красулю, что можно почесть их за одну и ту же рыбу; но пеструшка кажется шире и плосче красули и гораздо пестрее; рассовывают, что она бывает огромной величины, до пятнадцати фунтов веса; но я плохо этому верю и думаю, что смешивают с нею красулю, которых мелкими я никогда не встречал; признаюсь, я не чужд сомнения, что пестряк и красуля одна и та же рыба, только в разных возрастах. Я сам видел пестряка в семь фунтов, убитого острогою.

Это избиение всех родов форели, противное истинному охотнику до ужения, как и всякая ловля рыбы разными снастями, производится следующим образом: в темную осеннюю ночь отправляются двое охотников, один с пучком зажженной лучины. таща запас ее за плечами, а другой с острогою; они идут вдоль по речке и тщательно осматривают каждый омуток или глубокое место, освещая его пылающей лучиной; рыба обыкновенно стоит плотно у берега, прислонясь к нему или к древесным корням; приметив красулю, пестряка, кутему или налима, охотник с острогой заходит с противоположной стороны, а товарищ ему светит, ибо стоя на берегу, под которым притаилась спящая рыба, ударить ее неловко, да и не видно. Рыбак с острогою осторожно, соблюдая возможную тишину, погружает понемногу в воду свой нептуновский трезубец и, доведя его на четверть расстояния до спины рыбы, проворно вонзает в нее зазубренные иглы остроги. Точно таким образом бьют и всякую другую рыбу в прудах, озерах и речных заливах, разъезжая

на лодке, с тою разницею, что огонь разводится на железной решетке, прикрепляемой к носу лодки железною же рукояткой; тут иногда добывают такой величины щук, каких нельзя поймать и удержать никакою другою рыболовною снастью. В этом последнем случае я охотно допускаю острогу.

Я говорил выше об уженье форели по речкам; повторяю, что никогда не был до него большим охотником, но я много удил пеструшки и кутемы, и с большим наслаждением, в верховьях чистых прудов, где вода, не затопляя берегов, стоит наравне с ними, образуя иногда очень глубокий, следовательно и не совсем прозрачный, материк. Тут можно удить со дна на две удочки и класть удилища на берег, не наблюдая особенной осторожности и тишины; тут клев пеструшки уже не имеет необыкновенной своей быстроты, и можно успеть схватить удилище, когда наплавок начнет шевелиться и погружаться. Это уженье самое веселое и заманчивое, особенно, если есть надежда на крупную форель и кутему. Самые большие пестряки, мною выуженные, весили около трех фунтов, но и те очень бойко ходили на удочки, и сачок был очень нужен. Я особенно люблю это уженье; тут нет надобности перемещать часто места, и можно просидеть целое утро спокойно, со всеми удобствами, трубкой, сигаркой, на одном месте. В жаркое летнее время надобно удить рано, а в холодное -- целый день. Я всегда удил на средние удочки, на обыкновенного навозного или земляного червяка, по большей части со дна, но многие охотники удят мелко и на рыбку; может быть, последняя насадка лучше, ибо в желудке пеструшки часто находят мелкую рыбешку. К сожалению, мне не случилось этого попробовать. -- Пеструшка так нежна, что летом и пяти минут не проживет в ведре с холодною водою; куда удишь, можно сохранить ее живою в *кружке*, но домой всегда приносишь или привозишь ее снулою, хотя бы место уженья было в самом близком расстоянии: от того она много теряет своего деликатного, единственно ей только свойственного вкуса. Обыкновенно готовят пеструшку снулою и не нахвалятся ее вкусом; но гастроном, желающий вполне оценить достоинство форели, должен отведать ухи, сваренной из форели, только что пойманной, на берегу реки или из привезенной в бочке со льдом.

[Если нельзя довести пеструшку живою до кухни, то лучшее средство к сохранению ее вкуса -- заколоть ее, завернуть в траву и поливать в тени холодною водою (обложить льдом -- еще лучше). Всякая рыба теряет вкус, когда заснет, потому что истомится, умирая в ведре, и, вероятно, выпустит несколько желчи.]

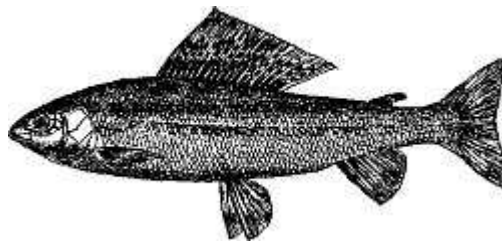
Пеструшка превосходна также, приготовленная на холодное, равно жаренная и сушеная в сметане.

Пеструшка идет позднюю осенью очень хорошо в морды. Она берет и зимой на удочку в прорубях; даже ночью удят ее с фонарем, наводя луч огня прямо в прорубь. Я сам видел, как крестьянские мальчики ловили некрупную пеструшку, протыкая дубинками тонкий осенний лед и опуская в пробитое отверстие нитку с крючком, насаженным навозным червяком; нитка привязывалась посередине к небольшой палочке, которая клалась поперек отверстия, так что рыба, попав на крючок, никак не могла утащить палочку в воду. Наставив много таких удочек по речным омуточкам, мальчики ходили взад и вперед по речке и осматривали свои рыболовные снасти: попавшуюся рыбку снимали, а сдернутый червяк заменяли новым.

Несмотря на то, что пеструшка самая пугливая, сторожкая рыба и самая быстрая в своих движениях -- ее ловят руками (также кутему и налимов), ибо она любит втискиваться между корягами и корнями дерев, залезать под камни и даже в норы. Я уже говорил о ловле всякой рыбы руками, которая в большом употреблении около Москвы.

23. КУТЕМА

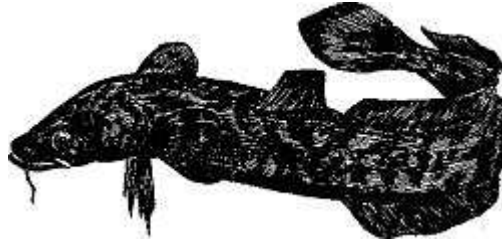

Я нигде не видывал этой рыбы, кроме Оренбургской губернии. Хотя имя ее звучит по-русски, но это слово, как я слышал, чувашское и значит: *светлая, блестящая*. Я решительно причисляю ее к роду форелей. Во-первых, потому, что где водится пеструшка, там непременно живет кутема и гораздо в большем количестве; во-вторых, потому, что она имеет язык, и в-третьих, потому, что она совершенно сходна с форелью устройством своих костей, всеми своими нравами и превосходным вкусом. Складом своего стана она несколько пошире пеструшки, хотя относительно довольно толста в спине; цветом вся сизо-серебряная, плавательные перья и хвост имеет также сизые с легким отливом розово-лилового цвета; оттенок этот приметен, если посмотреть к свету на ее перья и спину, которая несколько темнее нижней части тела, совершенно белой. Кутема, по единогласному мнению туземцев и по собственному моему наблюдению, не вырастает длиннее двух четвертей и не весит более двух с половиною, много трех фунтов; хотя она также любит чистую и холодную воду, но несколько менее взыскательна на этот счет, чем пеструшка. Когда на дикой, чистой, вольной речке или ручье сделают первую мельницу и запрудят воду плотиной из свежего хвороста и земли, пригнетя сверху несколькими пластами толстого дерна, взодранного плугом, то в первые годы в этом пруду, чистом и прозрачном, как стекло, живут пеструшка, красуля и кутема. Такой пруд бывает чудно хорош! особенно в тихое время, по зарям утренним и вечерним, когда сверкающее зеркало воды, подобно огромному куску льда, неподвижно лежит в зеленых, потемневших берегах. Наклонясь к заре, увидишь выпрыгивающих на гладкую поверхность воды кутему и пеструшку, как будто розово-серебряных от блеска зари: они ловят разных мошек и других крылатых насекомых, толкущихся над тихою водою и нередко падающих в нее. В таком пруде, отдаленном от селения, куда навоз возить далеко и плотина которого поддерживается дерном и землею, могут долго водиться все эти три превосходные породы форели. Впоследствии времени, когда хворост перегниет, плотина осядет, на мельничном дворе накопится навоз, а девать его некуда, потому что там пашни не уваживают, тогда этим навозом (и даже деревенским, если пруд не слишком отдален) начнут усыпать плотину; он сообщит воде свой запах, и пеструшка не станет жить в пруде, а удалится в верх реки; кутема же остается в нем несколько времени. Когда же вода еще более испортится, то и кутема пропадет. Она берет на удочку охотнее пеструшки, так что ее всегда выудишь вдвое дольше. Что касается до ужения этой рыбы, то оно совершенно одинаково с ужением пеструшки, и потому я не стану говорить о нем особенно.

Вот все породы рыб, которые берут на удочку и водятся в водах тех губерний, в которых мне случалось жить, следственно и удить. Это небольшой клочок в отношении к бесконечному пространству нашей Руси, и много есть пород рыб, неизвестных мне даже по имени, и способов ужения, незнакомых мне по опыту, отчего записки мои очень не полны. Предоставляю другим вознаградить этот недостаток. Я считаю, однако, не лишним поговорить о двух породах рыб, которые хотя не берут на удочку во время обыкновенного дневного ужения, но попадают на крючки или обыкновенные удочки, если их ставить на ночь. -- Нельзя также пройти молчанием раков; раки вполне заслуживают внимания рыбака: они играют важную роль в ужении; охотнику необходимо знать, когда, где и как можно доставать их. Надобно также сказать кое-что и о тех способах рыбной ловли, которых хоть нельзя назвать ужением, но которые ближе к нему, чем к ловле другими снастями: я разумею блесну, крючки и жерлицы. Рыбы, о которых я хочу поговорить, называются налим и сом.

24. НАЛИМ

Налим водится и в маленьких родниковых речках и во всех больших реках, проточных прудах и озерах, имеющих хорошую, свежую воду. Он принадлежит также к породе хищных рыб, ибо преимущественно питается мелкою рыбешкою; фигура его совсем особенная и не совсем приятная: от головы, с довольно большим и широким ртом и одним усом, торчащим из-под нижней губы, сейчас начинается белесоватое брюхо, которое у больших налимов бывает кругло и велико; от брюха стан его сплющивается и оканчивается длинным, плоским, извилистым плесом, опушенным, до небольшого кругловатого хвоста, сплошным, мягким, плавательным пером. Налим не имеет чешуи, а покрыт слизью, так что его трудно удержать в руках; он весь мраморный: по темно-зеленому желтоватому полю испещрен черными пятнами; глаза имеет темные; некоторые налимы бывают очень темны, а другие очень желты. Я не видал налима более пятнадцати фунтов, но говорят, что он достигает тридцати фунтов. Хотя я только от одного рыбака слышал, что он выудил налима, но, судя по тому, что позднюю осень и в начале зимы налим берет со дна на обыкновенные удочки, насаженные рыбкою или куском рыбы и поставленные около берегов на ночь, -- его очень можно выудить, если удить ночью; но в это время года никто не станет удить по ночам.

[Недавно я убедился, что налим может взять на удочку и в день: при мне один рыбак выудил налима в два фунта на земляного червя, весною, в спущенном пруде. Налимы берут также весною на крючки, сейчас по слитии полрой воды.]

Уха из одних налимов (даже без бульона из ершей), живых непременно, особенно если положить побольше печенок и молоко, до того хороша, что, по моему мнению, может соперничать с знаменитой стерляжьей ухой. Из уважения к такому высокому качеству и по невозможности удить налимов я допускаю и даже люблю ловлю их *мордами*, по-заволжски, или *неротами*, по-московски. Она производится следующим образом:

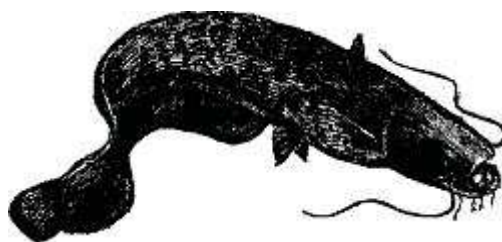
На перекатах реки, в которой водятся налимы, загораживаются язы, то есть вся ширина реки или только та сторона, которая поглубже, перебивается нетолстыми сплошными кольями, четверти на две торчащими выше водяной поверхности, сквозь которые может свободно течь вода, но не может пройти порядочная рыба; в этой перегородке оставляются ворота или пустое место, в которое вставляется морда

[Мордою называется сплетенный из ивовых прутьев круглый мешок; задний конец его завязывается наглухо, а в переднем, имеющем вид раскрытого кошелька, устраивается горло наподобие воронки, так что рыбе войти можно свободно, а выйти нельзя.]

(или нерот), крепко привязанная посредине к длинной палке: если отверстие ее сторона четырехугольная, то ее можно вставить между кольями очень плотно; если же круглая (что, по-моему, очень дурно), то дыры надобно заткнуть ветками сосны или ели, а за неимением их -- какими-нибудь прутьями. Всего необходимее, чтоб морда лежала плотно на дне.

Зимой, особенно в сильные морозы, преимущественно около святок, выходят налимы из глубоких оматов, в которых держатся целый год, и идут вверх по реке по самому дну, приискивая жесткое, хрящеватое или даже каменистое дно, о которое они трутся для выкидывания из себя икры и молок; таким образом, встретив перегородку, сквозь которую пролезть не могут, и отыскивая отверстие для свободного прохода, они неминуемо попадут в горло морды. Иногда вваливаются такие огромные налимы, что даже непонятно, как они могли пролезть в узкое отверстие, будучи почти вдвое его объемистее. Это объясняется тем, что вся толщина налима состоит в брюхе, которое, по мягкости своей, удобно сжимается, и тем, что налим покрыт необыкновенною слизью. Всего выгоднее загораживать язы на устьях речек, впадающих в главную реку. Налимы идут всегда по ночам и днем никогда в морды не попадают. В наши долгие, жестокие зимы очень приятно после снежной вьюги, свирепствовавшей иногда несколько дней, особенно иногда после оренбургского бурана, когда утихнет метель и взрытые ею снежные равнины представят вид моря, внезапно оцепеневшего посреди волнения, -- очень весело при блеске яркого солнца пробраться по занесенной тропинке к занесенным также язам, которые иногда не вдруг найдешь под сугробами снега, разгрести их лопатами, разрубить лед пешнями и топорами, выкидать его плоским саком или лопатой и вытащить морду, иногда до половины набитую налимами. Изредка, особенно к великому посту, попадают окуни, плотва и раки. Налимы берут осенью на крючки", привязанные на толстую лесу или шнурок, без наплавка, насаженные целою рыбкою или куском свежей рыбы. Такие крючки ставят на ночь, насадку опускают на дно у самого берега, иногда же посредине реки, и шнурок привязывают к колышку или к древесному сучку; но об этом я скажу в своем месте подробнее. Попадают такие налимы, что отрывают толстые шнурки: очевидно, что лучше привязывать их к кусту или сучку дерева (только не ольховому, ибо он сейчас переломится или оторвется от ствола), которое имеет гибь. Уха из налимов, пирог с налимыми печенками... такие блюда, превосходный вкус которых известен всем.

25. СОМ

Сом фигурой своей очень похож на налима, но рот его, или, правильнее сказать, пасть, шире, безобразнее; голова еще более сливается с туловищем, то есть брюхом; он гораздо отвратительнее налима и как-то похож на огромного головастика. Я слышал, что сомы бывают чудовищной, баснословной величины, что проглатывают не только детей, но и взрослых. Они водятся только в больших реках, преимущественно в тихих, тинистых и глубоких. Вкус сомовий груб и неприятен, но его плесо, или хвост, весь состоящий из позвоночной кости и жира, имеет превосходный вкус: кулебяка с какою-нибудь красною свежепросольною рыбой и доброй начинкой, проложенная внутри ломтиками свежего сомовьего жира, который весь в печи растает и напитает собою и начинку и корку, -- объеденье! Сомов ловят на огромные крючки или крючья, величина которых иногда бывает не менее пожарного багра, с соразмерною зазубриною, привязывая их на крепкие веревки и насаживая больших рыб, огромные куски мяса, оципанных вполовину кур, уток и даже маленьких поросят; насаживают также говяжьё и баранью требуху; но на чистую мясную насадку сом берет охотнее. Я слышал также, что где водится сомов много,

там удят их на огромные удочки, насаживая рыбу и больших лягушек.

РАКИ

Хотя рак ни рыба, ни мясо, но лучше и того и другого. Пословица *на безрыбье и рак рыба* на этот раз несправедлива. Но, кроме своего высокого гастрономического достоинства, раки, как я уже сказал, играют очень важную роль в ужении, ибо служат самую лучшую насадку для всех рыбных пород, особенно линючие, которых в это время года ничто заменить не может. Раки водятся почти во всех реках, проточных прудах и даже иногда в озерах, но слишком холодной воды и теплой, особенно несвежей и нечистой, сносить не могут. В реках больших и песчаных раки бывают очень крупны, но невкусны и водятся в малом количестве; но в небольших речках, особенно в губерниях черноземных, водятся в невероятном множестве, так что даже мешают удить, особенно после линянья, когда они бывают худы и голодны: на что бы вы ни насадили ваши крючки, хотя бы на раковые шейки, едва они коснутся дна, как раки бросятся со всех сторон, схватят клешнями и ртами свою добычу и поползут с нею в нору. Сначала будешь ошибаться, что это берет большая рыба, станешь давать им волю заклевывать, отчего иногда очень нескоро освободишь крючок из норы; потом скоро применишься к их клеву и не станешь давать им затаскивать крючки. Как скоро рак повезет наплавок, то надобно сейчас потихоньку вынимать удочку: иногда вытащишь и рака; но какое же тут ужение хорошей рыбы, если надобно вынимать беспрестанно удочки? Когда крючки ходят на весу и недалеко к берегу, то раки будут брать менее; всего жаднее бросаются они на рыбку, навозных и земляных червей и хлеб. Одно верное спасение от раков: полои и разливы прудов, где их мало и где они не трогают никакой насадки, вероятно оттого, что не ползают по тине. Впрочем, не везде они нападают на удочки. Мне случалось удить во многих реках, в которых водились раки, и никогда ни один из них не трогал моих удочек. -- Их ловят кругами и рачнями. Первое есть не что иное, как обруч деревянный или железный, подшитый сетью; на середине его прикрепляется камень для тяжести и кусок мяса, рыбы или хлеба: первые -- чем вонючее, тем лучше. Такой кружок привязывается, в равном друг от друга расстоянии, тремя равной длины веревочками, которые все три опять привязываются к довольно толстой веревке (кружок имеет вид привешенной к потолку люстры); длина этой веревки зависит от глубины воды; она в свою очередь опять прикрепляется к длинной палке. Несколько таких раколовных снастей закидываются по местам глубоким, тихим и крутоберегим, поближе к берегу, где всегда бывает множество рачьих нор; через полчаса на каждом кружке будут сидеть и кушать по несколько раков; остается легонько вынимать кружки и собирать добычу. Устройство так называемой в Оренбургской губернии *рачни* точно такое же, как и кружка, с тою разницею, что вместо обруча и сетки употребляются старые лапти (осметки): это проще и удобнее. Таких рачен легко наделать десятка три. Внутри каждого лаптя (с привязанным к нему камнем или набитого глиной для скорейшего погружения) должно прикрепить лычком кусок какого-нибудь мяса, рыбы, если случится, а если нет ни того, ни другого, то корку хлеба; рачни раскидать по реке, саженьях в пяти одна от другой. Когда раколов закинет последнюю рачню, то возвращается к первой и через полчаса начинает вынимать рачни по порядку; на каждой будет сидеть по два и по три рака; вынимать надобно осторожно и тихо до поверхности воды и потом проворно выкинуть на берег. В реках, изобильных раками, в несколько часов можно таким образом поймать не одну сотню раков.

В реках очень быстрых или мелких такой способ неудобен, и потому ловят раков руками, отыскивая их в норах, под корягами и камнями.

В тинистых прудах и озерах раки живут не в норах (потому что для устройства нор требуется жесткий грунт), а в тине; на круги и рачни они нейдут, и потому ловить их нет других средств, как частым бредешком или недоткой, вытаскивая на берег как можно более тины, а вместе с ней -- и раков.

Ночью раки ползают по отмелям около самых берегов, влезают и на берег (вероятно, отыскивая корму). Ходя по таким местам с горящей лучиной, ловят раков руками.

Наконец, есть еще способ, и довольно забавный, доставать раков; но для этого необходимо, чтоб вода была очень прозрачна. Надобно взять довольно длинную, не сухую палку, расщепить ее с одного конца и вставить в расщеп клинышек, чтоб края палки не сходились вершка на полтора. Запасшись таким орудием, надобно выбрать место умеренно глубокое, где водится более раков, и у самого берега бросить на дно какого-нибудь мяса, кишки, требуху или хоть умятого хлеба; раки сейчас поползут к корму со всех сторон; тогда расщепленную палку бережно погрузить в воду и, наводя тихонько на рака, как можно к нему ближе, вдруг воткнуть развилки в дно: рак попадет между ними и увязнет вверху расщепа. Кажется, штука простая, а надобно очень примениться, и сначала промахов будет множество. Если раков в реке много, то и этим способом можно наловить их довольно.

В июне и в июле раки линяют и сидят больные в норах, а рачихи, также в норах, высиживают икру: и тех и других необходимо доставать руками. Рачихи линяют позднее раков. Желая поймать линяющего рака, некрупные налимы забиваются в их норы, и деревенские мальчишки, доставая раков, нередко ловят налимов руками.

КРЮЧКИ И ЖЕРЛИЦЫ

Ставление крючков и жерлиц, о котором я упоминал не один раз, делается следующим образом. Большого сорта крючки, и даже средние, на толстых лесах или крепких шнурках с грузилом, если вода быстра, насаживаются рыбкою, опускаются на дно реки, пруда или озера, предпочтительно возле берега, около корней и коряг, и привязываются к воткнутому в берег колу, удилищу или кусту. Рыба на крючки попадает ночью; их начинают ставить осенью, когда делается холодно и пойдут морозы; эту ловлю продолжают во всю зиму на таких реках, которые не мерзнут или покрываются тонким льдом.

[Про зимнюю ловлю на крючки я только слышал, но мои попытки были всегда неудачны. Самый лучший лов около 1 октября, если есть морозы, а если нет, то позднее.]

Попадаются налимы, головли, судаки и щуки. Для предосторожности не худо употреблять крючки с поводками из проволоки или струны, без чего щука непременно перегрызет и самый толстый шнурок: ибо, она, хотя редко, берет и на крючок со дна. -- Жерлицы ставятся для одних только щук. Это тот же крючок, только рыбку надобно насаживать живую в спинку (наилучший способ насадки: животку пришивать боком к крючку) и пускать ее не глубже, как на один аршин, для чего длинная бечевка или шнурок всегда с металлическим поводком наматывается на рогульку и ущемляется в нарочно сделанный раскол одного из ее рожков; сама же рогулька коротко и крепко привязывается к длинному рычагу, который другим заостренным концом своим втыкается в наклоненном положении в берег или неглубокое дно; на крупных щук обыкновенно насаживают окуней, и немаленьких. Щука, проглотив насадку, разматывает шнурок с рогульки во всю его длину и, если хорошо забрала, будет ходить целый день и ни за что не сорвется. Жерлицы ставятся преимущественно в прудах и озерах, в мелких местах около трав и камышей. Для ставленья и выниманья жерлиц нужна лодка, потому что всего лучше ставить их в разливах прудов. Щуки попадают и днем, но чаще ночью. Для больших щук обыкновенные крупные крючки не годятся, потому что слишком тонки и малы. Огромная щука так сильна и станет так кидаться и метаться, что крючок, хотя бы задел за ее желудок, называемый рыбаками *кутырь*, непременно прорвет его и выскочит вон. Для этой ловли приготовляются особенные толстые крючки, и они-то называются жерлицами. Мне не один раз случалось вынимать щук с вывороченным, как чулок, кутырем, то есть желудком, а щуки были еще живы и бойко ходили. На такие жерлицы попадают и

огромные окуни, даже изредка налимы (разумеется, в глубокую осень), если шнурок разматывается с рогульки и насадка опустится на дно или прислонится в воде к берегу: ибо налим на весу ни под каким видом не берет. Лучшее время для ловли щук на жерлицы -- конец лета и первая половина осени; весной и в позднюю осень они берут мало. Двойные жерлицы, то есть с двумя крючками, по моим опытам, всегда оказывались неудобными.

Я небольшой охотник до жерлиц: стоит ли заниматься одними щуками, когда и без них всякая рыба берет на удочку? Но ставленье крючков осенью на налимов -- очень любил и теперь люблю и потому поговорю подробнее об этой ловле. Кроме того, что налим драгоценная по вкусу рыба и что ее в это время года ничем другим не достанешь, ставленье крючков потому приятно, что начинается тогда, когда прекращается ужение; заменяя его некоторым образом, оно может служить единственной отрадой страстному рыбаку, огорченному лишением любимой забавы на целые полгода! Крючки имеют значительную выгоду в том, что их можно ставить скрытно, так что никто кроме хозяина, не увидит и не найдет их; а это обстоятельство очень важно, если ловля производится на бойких местах, где много шатается народа: редко кто не полюбопытствует посмотреть поставленную снасть, если ее увидит; а много найдется и таких людей, которые будут нарочно приходить и вынимать вашу добычу. Да и посмотревший из одного любопытства уж непременно закинет крючок дурно: не туда и не так, как надобно; если же насаженная рыбка подбилась как-нибудь под берег, зашла за пенек или задела за корягу, то, вынимая ее без всякой осторожности, незваный гость, наверно, заденет, стащит насадку набок или оторвет совсем. Для избежания таких помех можно привязывать шнурок к колышку (который втыкается плотно в дно реки у берега и покрыт водою на четверть и более), даже к коряге или к таловому пруту: тальник часто растет над водою и очень крепок. Это можно так хитро устроить, что вор, знающий наверно, где поставлены крючки, -- не найдет их. В местах, безопасных от посетителей, можно ставить крючки на удилищах и с наплавками; последнее приятно потому, что, подходя, рыбак издали уже видит, взяла на крючок рыба или нет и куда затащило наплавков, а также и потому, что на удилище веселее поводить и вытаскать рыбу. Ставить надобно не на глубоких, а около глубоких мест, также около коряг, корней и крутых берегов, на крепях, как говорят рыбаки. Впрочем, иногда налимы берут на середине реки, на чистом и гладком дне, а потому надобно ставить разными манерами. Для насадки можно употреблять всякую мелкую рыбу, кроме ершей, окуней и щурят: живую или снулую -- для налима это все равно; я даже считаю, что снулая лучше: живая может спрятаться под траву и забиться под коряги, так что налим ее не увидит. Я предпочитаю плотичку, за ее белизну, всем другим насадкам; но рыбаки считают, что всего лучше небольшие карасики, уверяя, что они мягче и слаще другой рыбы и *живущи*; последнее совершенно справедливо, но, по моему замечанию, налимы и другие хищные рыбы берут на них не так охотно. Можно насаживать на крючки куски мяса, облупленных до половины раков и небольших лягушек: где много налимов, там берут они на все. Всяким насадкам всего вреднее живые раки; где ловятся они во множестве, там очень мешают этой ловле: объедают насадку и затаскивают в нору крючок, откуда его не скоро вытаскишь. Раки нападают на свою добычу более днем, и потому на день крючки надо вынимать очень рано поутру и ставить как можно позднее вечером. Крючки нужны не столько большие, сколько толстые, ибо где водятся огромные налимы, там может ввалиться иной в полпуда; он замотает бечевку или шнурок, разумеется крепкий, за корягу и так сильно рвется, что иногда выворачивает кутырь так же, как щука, и потому тонкий крючок может прорвать желудок.

БЛЕСНА

Ближе всех подходит к обыкновенному ужению *блесна*. Если хотите -- это настоящее ужение, с тою разницею, что рука охотника, в которой он держит лесу блесны, служит вместо удилища; впрочем, я не знаю, почему не употреблять коротенького удилища? Им

также ловко будет подергивать и потряхивать насадку. Это происходит следующим образом: на обыкновенную лесу прикрепляется металлическая, блестящая рыбка, у которой сбоку припаян крючок (иногда по крючку с обеих сторон); иногда крючок торчит из рта искусственной рыбки; рыбак садится в лодку и, пуская ее вдоль по течению реки, бросает одну или две блесны, на которых искусственные рыбки кажутся плавающими; жадные окуни, а иногда и щуки, хватают с размаху плывущих за лодкою искусственных рыбок и попадаются на крючки. Эта ловля производится осенью, когда вода делается чиста. Я никогда не уживал на блесну, но видал, как удят другие. Я встречал страстных охотников до этой ловли, но мне она никогда не нравилась, может быть потому, что я не охотник до уженья с лодки, плывущей по глубоким местам... Надо признаться: я люблю твердую землю, берег, а жидкого пути -- боюсь.

Впрочем, можно ловить блесной, или *блеснить*, как говорят охотники, зимой в прорубях, а осенью с берега на местах глубоких, у самого берега, причем необходимо надобно часто потряхивать и подергивать за лесу, чтоб искусственная рыбка сколько можно казалась похожей на настоящую. Блеснить с берега и в проруби не так удобно; что же касается до уженья зимой, то в зимнюю стужу у меня пропадает охота удить.

ПРИМЕЧАНИЯ

Охотничьи произведения писались С. Т. Аксаковым в годы расцвета его таланта, то есть почти одновременно с автобиографической трилогией.

Обратившись во второй половине 40-х годов к активной литературно-художественной деятельности, Аксаков вместе с тем окунулся в атмосферу напряженных общественных интересов, которая кипела вокруг него. Рост социальных противоречий в России и Западной Европе и связанное с ними повсеместное обострение идейной борьбы, назревание серьезных политических событий -- все это вызывало в Аксакове очень сложную реакцию. С одной стороны, в нем проявлялись элементы критического отношения к порядкам современной жизни, а с другой -- эти порядки и все последствия, которыми они были чреваты, пугали писателя и возбуждали в нем желание уйти от "скверной действительности", от "хаоса" современной политической жизни в природу, "в мир спокойствия, свободы". Вот характерные для подобных настроений Аксакова строки из его письма к сыну Ивану от 12 октября 1849 г.: "Скверной действительности не поправишь, думая об ней беспрестанно, а только захвораешь, и я забываюсь, уходя в вечно спокойный мир природы" (ИРЛИ, ф. 3, оп. 3, д. № 16, лл. 70 -- 70 об.).

Но уход в "спокойный мир природы" отнюдь не мог изолировать писателя от острых вопросов действительности. Работа над другими произведениями этого периода вызывала у Аксакова более непосредственные ассоциации с идейными проблемами современности.

В середине 40-х годов, в самый разгар работы над "Семейной хроникой и Воспоминаниями", Аксаков задумал написать книгу о рыбной ловле. Удочка была давней страстью писателя. В "Детских годах Багрова-внука" он рассказал о первых радостях рыболова, которые испытал в самом детстве. "Уженье просто свело меня с ума! -- писал он. -- Я ни о чем другом не мог ни думать, ни говорить..." В годы юности и молодости Аксаков стал отдавать решительное предпочтение охотничьему ружью перед удочкой. Но на склоне лет он снова увлекся уженьем рыбы. Даже старым, немощным, тяжело больным человеком Аксаков ежедневно летом, в любую погоду, выходил из дому с опущенным на почти невидящие глаза защитным козырьком и часами просиживал на берегу Вори в Абрамцеве с удочкой в руках.

Рано пробудившееся в Аксакове пытлиное внимание к самым разнообразным явлениям природы было вскоре дополнено еще одной страстью -- стремлением описывать предметы своих наблюдений. В известном своем мемуарном очерке "Собирание бабочек" писатель рассказал о том, как любил он с детских лет "натуральную историю", а также о своих первых ребячьих попытках описывать полюбившихся ему зверьков, птиц и рыб. "Но

горячая любовь к природе и живым творениям, населяющим божий мир, -- продолжал Аксаков, -- не остывала в душе моей и через пятьдесят лет; обогащенный опытами охотничьей жизни страстного стрелка и рыбака, я оглянулся с любовью на свое детство -- и попытки мальчика осуществил шестидесятилетний старик: вышли в свет "Записки об ужении рыбы" и "Записки ружейного охотника Оренбургской губернии" (наст. изд., т. 2, стр. 159).

Начало работы над первой книгой можно с большой достоверностью отнести к 1845 г. 8 октября этого года С. Т. Аксаков писал сыну Ивану: "Впереди у меня составление книжки об ужении и диктовка моих воспоминаний" (ИРЛИ, ф. 3, оп. 3, д. № 16, л. 67 об.). А неделю спустя Вера Аксакова в письме к М. Г. Карташевской отмечала: "По утрам отесенька диктует книгу об ужении, которую недавно начал писать" (ИРЛИ, ф. 3, 10. 615/XV с. 12, л. 112 об.). Наконец, 22 ноября того же 1845 г. Аксаков сообщал Гоголю: "Я затеял написать книжку об ужении не только в техническом отношении, но в отношении к природе вообще; страстный рыбак у меня так же страстно любит и красоты природы; одним словом, я полюбил свою работу и надеюсь, что эта книжка не только будет приятна охотнику удить, но и всякому, чье сердце открыто впечатлениям раннего утра, позднего вечера, роскошного полдня и пр. Тут займет свою часть чудесная природа Оренбургского края, какую я зазнал ее назад тому сорок пять лет. Это занятие оживило и освежило меня" (наст. изд., т. 3, стр. 315).

В конце 1846 г. работа над книгой была закончена, и в начале следующего, 1847 г., она вышла из печати под названием "Записки об ужении". Разъясняя во Вступлении содержание и характер этой книги, автор предупреждал читателей, что она "не трактат об ужении" и "не натуральная история рыб", что это "ни больше ни меньше, как простые записки страстного охотника". Нисколько не претендуя на "художественность", автор строил свою книгу в форме непритязательных зарисовок-очерков "бывалого" человека-рыболова. Начав свое повествование деловыми заметками о рыболовных снастях и способах рыбной ловли, автор затем переходит к характеристике "рыб вообще" и подробному описанию различных пород рыб. Весьма кстати оказались многочисленные дневниковые заметки, которые Аксаков вел на протяжении многих лет. Он аккуратно записывал количество выловленной рыбы, найденных грибов, застреленной дичи, точно классифицируя ее по видам и способам добычи (например, убитых "в лет", "сидячими", "покрытых шатром", пойманных капканом). В этих записях сопоставлены цифры, характеризующие число выстрелов и количество добытой дичи. Например, "в 1817 году выстрелено 1758, убито 863" или: "в 1819 году выстрелен 1381 заряд, убито 743" (отрывки из этих своеобразных дневников Аксакова опубликованы Н. М. Павловым в журнале "Природа и охота", 1890, № 1, стр. 93-98). Все это очень пригодилось Аксакову в работе над его охотничьими книгами.

Сведения, сообщаемые Аксаковым в "Записках об ужении", сопровождаются многочисленными его воспоминаниями из "собственного опыта". Практические советы, полезные для рыболова, перемежаются с тонкими "портретными" зарисовками рыб, их повадок и нравов, поэтическими описаниями картин природы.

Появление "Записок" Аксакова неожиданно для него самого стало сразу же приметным явлением в русской литературе. Скромное, деловито-прозаическое заглавие книги воспринималось как нечто мало соответствующее богатству и удивительной поэтичности ее содержания, ее литературной манере, языку. "Вообще автор человек бывалый; его записки дают более, нежели обещает заглавие", -- отмечал рецензент "Современника" (1847, № 6, стр. 114). О необычайной новизне и своеобразии аксаковских "Записок" писал рецензент "Финского вестника": "Мы были совершенно изумлены, когда, раскрыв "Записки об ужении" с полной уверенностью встретиться в них с галиматьею, сделавшеюся отличительным достоянием книг о подобного рода предметах, увидели вдруг книгу если не весьма полезную, то весьма умную, написанную чистым русским языком и складом, книгу, которая, на безделье, может быть прочитана с удовольствием не одними охотниками удить рыбу, но и каждым образованным человеком" ("Финский вестник", 1847, № 6, отд. V, стр. 2).

В таком же духе откликнулись и многие другие современные критики, единодушно отмечавшие и чисто познавательные и эстетические достоинства книги Аксакова. Как вспоминал позднее Хомяков: "Нашлись люди, которые догадались, что тут скрывалось искусство, и искусство истинное" ("Русская беседа", 1859, No 3, стр. III) В числе почитателей аксаковских "Записок" был и Гоголь. "Об вашей же книжке он говорил и прежде, что хотя он и совсем не интересуется предметом, но прочел ее всю от доски до доски с большим удовольствием", -- сообщала в сентябре 1848 года отцу Вера Аксакова ("Литературное наследство", 1952, т. 58, стр. 706).

"Записки об уженье" быстро завоевали симпатии читателей, и вскоре возникла потребность в их переиздании. Писатель воспользовался этим обстоятельством и значительно расширил свою книгу. Появилась новая глава: "О рыбах вообще", и существенно были расширены почти все остальные главы. По этому поводу С. Т. Аксаков писал М. П. Погодину 5 декабря 1853 г.: "Я с любовью занимаюсь 2-м изданием. И, кажется, многие прибавки удачны. Книжка выйдет почти вдвое толще" (Л. Б., ф. Погодина, II 1/64; ср. также письмо к Тургеневу от 3 ноября 1853 г. -- "Русское обозрение", 1894, No 9, стр. 499). В начале 1854 г. второе издание этой книги вышло в свет. Она теперь стала называться "Записки об уженье рыбы".

В новом издании книга открывалась стихотворным эпиграфом, взятым из "Послания к М. А. Дмитриеву" (полный текст стихотворения см. в наст. томе, стр. 275). У этого эпиграфа есть своя история. Аксаков первоначально хотел сопроводить им второе издание "Записок ружейного охотника" (М. 1852). В бумагах Анны Григорьевны Достоевской, жены Ф. М. Достоевского, сохранился автограф С. Т. Аксакова, озаглавленный: "Эпиграф". За текстом эпиграфа следует короткая записка Аксакова, начинающаяся фразой: "Не правда ли, что этот эпиграф был очень кстати к моим "Запискам ружейного, охотника"?" (ЦГАЛИ, ф. 212, оп. 1, д. No 260). замысел Аксакова не был осуществлен. Московская цензура, напуганная недавним скандалом, который был вызван появлением на страницах "Московских ведомостей" знаменитой некрологической статьи Тургенева о Гоголе, решила теперь действовать более "осмотрительно" и категорически воспротивилась напечатанию эпиграфа из-за строки "В мир спокойствия, свободы". 29 октября 1852 г. Аксаков с горечью сообщил об этом обстоятельстве Тургеневу ("Русское обозрение", 1894, No 8, стр. 484). Два года спустя писатель вспомнил об этом эпиграфе, но теперь уже в связи со вторым изданием "Записок об уженье рыбы". Отрывок из послания к Дмитриеву был на сей раз пропущен, но в искаленном виде. В строке "В мир спокойствия, свободы" последнее слово цензором И. Снегиревым было признано предосудительным, вымарано и заменено отточием. Лишь в третьем издании "Записок об уженье рыбы" злополучный эпиграф был напечатан целиком.

Выход книги Аксакова вторым изданием вызвал в печати снова ряд восторженных критических откликов. Наиболее значительным из них явилось выступление И. И. Панаева на страницах "Современника". Самой важной чертой "Записок" Аксакова, по его мнению, является то "глубоко поэтическое чувство природы", которое свойственно большому художнику, и та удивительная "простота в изложении", которая отличает истинное произведение искусства. В этой книге "столько простоты, -- писал Панаев, -- что ее смело можно променять на десятки так называемых романов, повестей и драм, которые пользовались у нас в последнее время даже довольно значительным успехом. В ней столько поэзии, в этой небольшой книжечке, сколько вы не отыщете в целых томах различных стихотворений и поэм, которые привились и точно имеют в себе некоторые поэтические достоинства. Она, может быть, даже для специалиста, для охотника удить не имеет такого значения, какое имеет для художника, для литератора" ("Современник", 1854, No 8, стр. 130-131). Словом, "Записки об уженье рыбы" были восприняты современным читателем и критикой как произведение искусства. "Ты так умеешь писать, что и этот предмет делается у тебя литературным", -- сообщал Аксакову М. Дмитриев в ответ на получение от него экземпляра "Записок" (ИРЛИ, ф. 3, оп. 13, Д. No 18, л. 1).

Два года спустя "Записки об уженье рыбы" вышли третьим, и последним при жизни автора, изданием (М. 1856). Это издание отличалось от предшествующего

немногочисленными стилистическими поправками и незначительными дополнениями. Кроме того, книга была сопровождена специальными примечаниями и заключительной статьей "Ход рыбы против течения воды", принадлежащими перу выдающегося русского естествоиспытателя К. Ф. Рулье. Статья Рулье явилась своего рода естественнонаучным комментарием к некоторым положениям аксаковских "Записок". Впервые в этом издании они вышли с полнотипажными, подобранными, очевидно, Рулье.

Литературные достоинства книги Аксакова были и впоследствии высоко оценены самыми выдающимися писателями. Для многих из них она служила своего рода эталоном, образцом того, как надо живописать природу. В 1884 г. А. П. Чехов писал своему брату педагогу Ивану Павловичу, что с интересом читает журнал "Природа и охота" и особенно статьи об аквариумах, ужение рыбы. "Хорошие есть статьи, -- добавляет Чехов, -- вроде аксаковских" (А. П. Чехов, Полн. собр. соч., т. 13, М. 1948, стр. 110). "Запискам об ужение рыбы" воздавал должное и Горький. Во второй части романа "Жизнь Клима Самгина" есть любопытный эпизод. В серьезном, важном разговоре, который ведет большевик Степан Кутузов с Климом Самгиным, неожиданно всплывает имя Аксакова. Кутузов обращается к своему собеседнику: "Вы, Самгин, рыбу удить любите? Вы прочитайте Аксакова "Об ужение рыбы" -- заразитесь! Удивительная книга, так, знаете, написана -- Брем позавидовал бы!" (М. Горький, Собр. соч., т. 20, М. 1952, стр. 47).

В настоящем собрании "Записки об ужение рыбы" печатаются по тексту третьего издания, с устранением мелких неисправностей и опечаток.

"Записки об ужение рыбы". -- Подобно последнему прижизненному изданию, а также первому Полному собранию сочинений С. Т. Аксакова (СПб. 1886), выходящему под наблюдением И. С. Аксакова, снабжены полнотипажными. Полнотипажные "Записки об ужение рыбы" даны по изданию 1886 г., не повторяющему в этом отношении последнего прижизненного издания 1856 г. Есть основание предполагать, что такого рода отступление от прижизненного издания в Полном собрании сочинений 1886 г. было не только санкционировано сыном писателя, но в свое время авторизовано самим С. Т. Аксаковым. Сохранилось письмо профессора Н. П. Вагнера, указавшего С. Т. Аксакову на существенные недостатки полнотипажных издания 1856 г. (ИРЛИ, ф. 3, оп. 13, д. No 6).

Стр. 290. *Моро* Жан Виктор (1761-1813) -- французский полководец, сражался под началом Наполеона; после конфликта с ним уехал в Америку; восемь лет спустя вернулся в Европу и в мундире русского генерала воевал против наполеоновской армии.

Стр. 321. ...*о которых напечатано в "Совершенном егере"*. -- Полное название книги: "Совершенный егер, или Знание о всех принадлежностях к ружейной и прочей полевой охоте", в трех частях, перев. с нем. В. Левшина (СПб. 1779).

Стр. 348. *"Сердце мое, рыбка моя, ожерелье! Выгляни на меня..."* -- Цитата из "Майской ночи" была приведена Аксаковым, вероятно, по памяти. Следует: "Выгляни на миг".

Стр. 372. ...*идиллию "Рыбачье горе"* -- стихотворение С. Т. Аксакова "Рыбачье горе", см. стр. 258 наст. тома.

Стр. 390. *Я уже сказал...* -- Это примечание появилось впервые во втором издании "Записок об ужение рыбы" (М. 1854). Аксаков имеет в виду объяснение, которое он дал ко второму изданию "Записок ружейного охотника" (М. 1852). См. т. 5 наст. изд., стр. 158.

Стр. 393. ... *случилось мне прочесть в "Охотничьей книге" г-на Левшина...* -- Речь идет о сочинении В. Левшина "Книга для охотников до звериной и прочей ловли, также до ружейной стрельбы и содержания певчих птиц..." в четырех частях, М. 1810-1814.